This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 813,005

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817
LIBRARIES

Velichko, V. 9

В. Л. Величко.

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Жизнь и творенія.

ДУБЛЕТНЫ ФОНД
Упадавай Бліятэкі
мя Горкага
Аддзел № 8404

Съ приложеніемъ рисунка **И. Е. Рѣпина**, портрета и факсимиле.

Изданіе ВТОРОЕ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА,
бывшій МЕЛЬЕ и К°.
20. Невскій проспектъ, 20.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1903.

B
4266
1431

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.
1903.

Вл. С. СОЛОВЬЕВЪ.
послѣ защиты магистерской диссертаціи (1874 г.).
(Съ фот. Ассикритова).

Вл. С. СОЛОВЬЕВЪ
въ минуту мрачнаго раздумья.

* * *

(посвящается И. Л. Щеглову)

Если временемъ будутъ слова,
Если отвѣтъ — пустыя слова,
Стоитъ ли жить въ этомъ темномъ разврате,
Стоитъ ли жить, если правда мертва.

Вѣчности нужны ли дни праздныхъ мечтаній!
Вѣчности нужны ли дни обманчивыхъ словъ!
Что жить достойно, живетъ безъ сомнѣній
Вѣчная сила не знаетъ оковъ.

Вѣчную силу въ себѣ сознавая,
Что-жъ толковать о ребяческихъ снахъ?
Жизнь только подвигъ, — и правда живая
Свѣтитъ безсмертіемъ въ истлѣвшихъ гробахъ.

Надсонъ 27 февр.

Stacks
Exchange
VGBIL
1-24-77
11.93904-293

Отъ автора.

1. Предисловіе къ первому изданію.

Интересъ, вызываемый въ читающей публикѣ именемъ Вл. С. Соловьева, даетъ мнѣ смѣлость объединить въ отдѣльной книгѣ помѣщавшіяся въ «Книжкахъ Недѣли» и «Новомъ Дѣлѣ» статьи мои о безвременно угасшемъ великомъ русскомъ мыслителѣ.

Но кромѣ и превыше этой смѣлости, побуждаютъ меня къ такому шагу благодарная память сердца и, въ особенности, гражданскій долгъ. Людямъ всякихъ воззрѣній, — и сторонникамъ религіи, и ея отрицателямъ, и космополитамъ, и ревнителямъ національнаго развитія, — необходима и живительна та *духовная культурность*, которою отличался почившій философъ. Въ основѣ каждаго его слова и поступка были строгая честность мысли, уваженіе къ чужимъ, даже оспариваемымъ, но искреннимъ взглядамъ, и доброжелательство къ ближнимъ,—словомъ, черты, не часто встрѣчающіяся въ какихъ бы то ни было журнальныхъ и общественныхъ кругахъ. Этими чертами Владиміръ Соловьевъ былъ объединенъ съ лучшими представителями самыхъ различныхъ направленій— и въ этомъ одна изъ главныхъ его заслугъ передъ мыслящимъ человѣчествомъ. Безъ подъема такой культурности нѣтъ истиннаго общественнаго прогресса, а есть лишь смѣна однихъ нестроеній другими.

Въ предлагаемой характеристикѣ жизни и твореній почившаго мыслителя я не могъ отрѣшиться отъ собственнаго «угла зрѣнія» на разбираемые попутно вопросы; думаю, что это дѣлу не вредитъ, а помогаетъ: безусловной объективности даже у заправскихъ историковъ при оцѣнкѣ явленій быть не можетъ, а лицемѣрно драпироваться въ плащъ такой объективности — недостойно; искренній же личный взглядъ, при условіи любви къ описываемому и строгой точности сообщаемыхъ фактовъ, служитъ порукою наибольшей цѣльности и жизненности изображенія.

Я увѣренъ, что, по мѣрѣ духовнаго роста нашего общества, будетъ наростать и цѣлая литература, посвященная Владиміру Соловьеву. Въ нынѣшнее-же безвременье, быть можетъ, и эта небольшая книжка явится мостикомъ отъ умственной апатіи и суетнаго безразличія къ высокимъ чувствамъ, понятіямъ и задачамъ, которымъ беззавѣтно былъ преданъ этотъ замѣчательный человѣкъ. Пусть она послужитъ хоть звеномъ для первоначальнаго знакомства: кто увидитъ чарующій обликъ Владиміра Соловьева, тотъ захочетъ узнать его поближе; узнавъ поближе,—полюбитъ его, возвысится до него и съ благодарностью почувствуетъ въ себѣ духовный подъемъ.

Сознавая всѣ недостатки своего скромнаго труда, въ выполненіи котораго я находилъ неизъяснимую отраду, я буду награжденъ выше мѣры, если читатели этой книжки, вспоминая почившаго мыслителя, примѣнятъ къ нему слова поэта:

Не говори съ тоской: «Ихъ нѣтъ!» —
А съ благодарностію: «Были!»...

С.-Петербургъ, 1902 г.
25 марта, день Благовѣщенія.

2. Предисловіе ко второму изданію.

За нѣсколько мѣсяцевъ разошлось первое изданіе настоящей книги. Приписываю этотъ глубоко-радостный мнѣ фактъ, конечно, почти всецѣло тому, что посмертное значеніе незабвеннаго русскаго мыслителя не слабѣетъ, а неуклонно ростетъ въ нашемъ обществѣ. Громко плещутъ волны разныхъ мутныхъ теченій,— противокультурныхъ, противообщественныхъ, противочеловѣчныхъ; смѣняются модныя шумихи, вспыхиваютъ и угасаютъ потѣшные огни, привлекающіе «интеллигентную» чернь; а свѣтлый обликъ Владиміра Соловьева сіяетъ лучами неугасимыми, какъ неугасимая лампада, затепленная предъ алтаремъ Всевышняго. Любовь къ имени и духовному облику почившаго мыслителя есть признакъ не только живучести идеализма въ русской средѣ, какимъ бы воздѣйствіямъ она ни подвергалась, но и инстинкта самосохраненія, т. к. общество, равнодушное къ явленіямъ нравственно-культурнымъ, было бы обречено на одичаніе, разложеніе и погибель. Пускай умы и нервы жертвъ недомыслія, невоспитанности и развинченности поддаются проповѣди озвѣренія или заражаются примѣрами циничнаго отказа отъ «образа и подобія»! Русскія сердца, смутно скорбящія о нарушеніи гармоніи въ нашей мысли и жизни, не забудутъ вѣщихъ словъ Владиміра Сергѣевича:

«— Мы, имѣющіе несчастье принадлежать къ русской интеллигенціи, которая вмѣсто образа Божія все еще продолжаетъ носить образъ и подобіе обезьяны,—мы должны же, наконецъ, увидать свое жалкое положеніе, должны поста-

раться *возстановить въ себѣ русскій народный характеръ*, перестать творить себѣ кумира изъ всякой узкой и ничтожной идейки».

Не взирая на распространеніе именно тѣхъ идеекъ, которыя грозятъ идеаламъ *человѣчной* общественности, нельзя не замѣтить, что доброе сѣмя, брошенное Владиміромъ Соловьевымъ, даетъ уже плодъ...

За истекшіе нѣсколько мѣсяцевъ литература о Вл. С. Соловьевѣ и его твореніяхъ продолжала расти; особаго вниманія заслуживаетъ очеркъ А. Ф. Кони, художника слова, съ большимъ мастерствомъ и задушевностью изображающаго именно положительные характеры. Ограничусь указаніемъ на этотъ трудъ; настоящее же второе изданіе своей книги я выпускаю въ свѣтъ безъ перемѣнъ и дополненій, боясь, подъ вліяніемъ чужихъ мнѣній, видоизмѣнить тотъ обликъ почившаго мыслителя, который сложился въ моемъ сознаніи и кажется мнѣ жизненно-правдивымъ.

Такое опасеніе, впрочемъ, можетъ относиться лишь къ второстепеннымъ чертамъ этаго облика, ибо *духовная сущность* его ясна, свѣтла и не поддается разнообразнымъ толкованіямъ. Къ ней примѣнимо сказанное русскимъ лирикомъ о Шиллерѣ: она представляетъ собою то,

«Что въ человѣкѣ человѣчно
«И что въ безсмертномъ не умретъ!!!...

В. В.

6 апрѣля 1903 г.
Свѣтлое Христово Воскресеніе.

Памяти Вл. С. Соловьева.

I.

Надъ могилою твоей,
Надъ безвременной могилой
Что̀ объемлетъ, съ тайной силой,
Сиротѣющихъ людей?

* *
*

То связуетъ воедино,—
Какъ святыня, дорога,—
Скорбь и друга, и врага,
И слугу, и господина,

* *
*

Кроткихъ родины сыновъ
Съ горстью пасынковъ лукавыхъ;
Всѣхъ,—и правыхъ и неправыхъ
Передъ правдой вѣщихъ сновъ!

* *
*

Съ этой правдою въ дорогу
Рано вышелъ ты, любя,—
Чтобы все вокругъ тебя
Пѣло: «Слава въ вышнихъ Богу!»

* *
*

Чтобъ царилъ въ семьѣ людской
Миръ, дыша благоволеньемъ,

Надъ корыстнымъ озлобленьемъ,
Надъ мятежною тоской!

* *
*

Въ милой матери-отчизнѣ
Страстно видѣть жаждалъ ты
Мощь Христовой правоты,
Благодать нездѣшней жизни!

* *
*

Ты умолкъ—и надъ твоей
Многодумною могилой
Скорбь, таинственною силой,
Освящаетъ духъ унылый
Сиротѣющихъ людей...

II.

Какъ мрачно и холодно, холодно стало,
И какъ тяжело, тяжело!
Куда все исчезло, что пѣло, сіяло
И вешней отрадой цвѣло?!

* *
*

Ты, добрый изъ добрыхъ, ты милый изъ милыхъ,
Ушелъ отъ враговъ и друзей!...
Душа, какъ въ бреду—и повѣрить не въ силахъ
Всей правдѣ печали своей!

* *
*

Такъ явственно голосъ твой слышенъ порою
И грезится ласковый взглядъ,—
Что кажется шуткою глупой и злою
Утрата... больнѣй всѣхъ утратъ!

* *
*

И все вопрошаетъ, въ тоскѣ ожиданья,
Душа, непокорна судьбѣ:
Сюда-ль ты сойдешь хоть на мигъ для свиданья?
Ее-ль призовешь ты къ себѣ?...

III.

Тебѣ легко! Ты отлетѣлъ туда,
Въ тотъ вѣчный міръ, куда рвался мечтою
Изъ вихря золъ, подъятыхъ суетою,
Отъ шума дней, угасшихъ навсегда!

* * *

Огнистый путь свершивъ во мглѣ тумана,
Вернулся ты,—къ родному солнцу лучъ,
Живой потокъ изъ мимолетныхъ тучъ—
Въ родной просторъ и вѣчность океана!

* * *

И отъ скорбей, извѣданныхъ такъ рано,
Отъ горькихъ мукъ служенья своего
Свободенъ ты, по манію Того,
Чьимъ Словомъ все полно и осіяно!!...

* * *

Гдѣ тяжкій прахъ насильственныхъ цѣпей?
Гдѣ боль веригъ желаннаго страданья?!...
Восторгъ любви изъ чаши созерцанья,
Свободный духъ, неутолимо пей!...

Василій Величко.

Іюль, 1901 г.

Владиміръ Соловьевъ.

Жизнь и творенія.

I.

16-го января 1853 г., въ день, посвященный Церковью воспоминанію о веригахъ св. апостола Петра, въ семьѣ знаменитаго историка нашего Сергѣя Михайловича Соловьева родился сынъ. котораго назвали Владиміромъ и который, какъ оказалось, былъ посланъ въ міръ съ призваніемъ исключительнымъ...

Это высокое призваніе сказалось рано; маломальски внимательный наблюдатель, глядя на выразительное личико ребенка, окаймленное густыми темнокаштановыми волосами, и озаренное загадочно-глубокими, лучистыми глазами,— сразу видѣлъ, что это ростетъ нравственная сила и недюжинный умъ, а также своеобразный, правдивый характеръ. Ребенокъ уже велъ себя не какъ всѣ: съ одной стороны, онъ былъ гораздо сдержаннѣе и вдумчивѣе, чѣмъ обыкновенныя дѣти, съ другой—чувствовалъ уже сильнѣе и глубже. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ зналъ множество русскихъ пѣсенъ, а также стихотвореній

лучшихъ нашихъ поэтовъ. Особенно любилъ онъ все, что вѣяло народнымъ духомъ. Разсказываютъ, что онъ могъ цѣлыми часами просиживать передъ стуломъ, изображавшимъ запряженную лошадь, и убѣжденно напѣвать «Ну, тащися, сивка». Онъ былъ буквально влюбленъ въ кучера, здоровеннаго дѣтину съ большой бородой, отъ котораго дышало русскою простонародной силой. Бывало, вырвется мальчуганъ во дворъ—и шмыгъ въ сарай, къ своему другу: бросается къ нему на грудь, обнимаетъ, цѣлуетъ. Къ нищимъ у него была какая-то мистическая любовь, не покинувшая его до самаго конца дней. Съ тѣхъ поръ, какъ завелись у ребенка карманныя деньги,—онѣ всегда предназначались нищимъ.

Въ товарищахъ-сверстникахъ ребенокъ не нуждался и не искалъ ихъ, потому-что рано ихъ переросъ духовно; но ко всему окружающему онъ относился съ такою необыкновенною чуткостью и впечатлительностью, что даже неодушевленнымъ предметамъ давалъ имена собственныя. Любимый свой ранецъ съ книгами онъ называлъ, напримѣръ, Гришей, а карандашъ, который носилъ обыкновенно на длинномъ шнуркѣ, черезъ плечо, какъ мечъ, или на шеѣ, — онъ называлъ Андрюшей. Эта дѣтская черта вошла затѣмъ въ основу одной изъ коренныхъ его философскихъ идей, и потому заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Трудно опредѣлить, когда именно онъ сталъ пріобрѣтать, или вѣрнѣе, жадно впивать начатки гуманитарныхъ наукъ: во всякомъ случаѣ, это началось очень рано. Въ періодъ отъ 6-ти до 7-ми лѣтъ онъ любилъ воображать себя испанцемъ: перекидывалъ полы дѣтскаго пальто на плечи, какъ настоящій гидальго, и

разсказывалъ своей любимой сестрѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ, подходившей къ нему и по годамъ, и по душевному складу, разныя импровизированныя новеллы въ духѣ средне-вѣковой Кастиліи.

Кромѣ родителей, воспитаніемъ его въ періодъ отъ 6-ти до 10-ти лѣтняго возраста занималась Анна Кузьминишна Колерова, которую онъ въ шутку называлъ Анной-пророчицей, потому что ей случалось видѣть вѣщіе сны, предсказанія коихъ сбывались не разъ и производили на маленькаго питомца сильное впечатлѣніе. Эта почтенная особа долго жила потомъ «на покоѣ» въ домѣ Н. С. Соловьевой, какъ ближайшій другъ семьи, и скончалась зимою 1902—1903 года.

Самъ знаменитый историкъ нашъ зорко всматривался въ своего необыкновеннаго сына и рано угадалъ, какая именно духовная пища наиболѣе нужна этой натурѣ. Ребенку было всего семь лѣтъ, когда онъ жадно и обильно испилъ впервые воды живой изъ священной чаши, данной ему отцомъ: семи лѣтъ отъ роду, маленькій Владиміръ Соловьевъ прочелъ житія святыхъ,—и не только прочелъ, но принялся и самъ ихъ «переживать», по мѣрѣ своего все ростущаго пониманія. Онъ сталъ испытывать и закалять свою волю во славу Божію. Зимой нарочно снималъ съ себя одѣяло и мерзъ, а когда мать приходила накрывать его, думая, что одѣяло сползло во время сна,—ребенокъ просилъ не мѣшать ему поступать такъ, какъ онъ считалъ нужнымъ.

Этотъ знаменательный фактъ стремленія къ подвижничеству является основною чертою характера Владиміра Соловьева и проходитъ красной нитью черезъ всю его высоко-одухотворенную жизнь. Многое изъ того, что имъ впослѣд-

ствіи сказано или совершено, зародилось въ эти ранніе дѣтскіе годы и наглядно ими объясняется.

Въ самомъ днѣ его рожденія, посвященномъ памяти веригъ св. Петра, какъ-будто есть что-то пророческое; съ раннихъ лѣтъ въ немъ были черты этого пламеннаго апостола Христова: тотъ-же пылъ, тотъ-же могучій подъемъ вдохновенія, послѣ краткихъ мгновеній упадка; та-же глубокая, впечатлительная и чуткая человѣчность.

Жажда знанія въ немъ была неутолимая: восьми лѣтъ онъ уже былъ серьезнымъ знатокомъ исторіи и географіи, двухъ любимыхъ своихъ предметовъ.

На девятомъ году онъ позналъ первую любовь, младенческую, но чрезвычайно пылкую. Плѣнила его миловидная сверстница, Юлинька С., и невинное ухаживанье выражалось въ томъ, что онъ на Тверскомъ бульварѣ изъ цѣлой толпы дѣтей выбиралъ только ее одну, чтобы играть и бѣгать съ ней. Рано постигла его судьба многихъ замѣчательныхъ людей,—быть непонятымъ женщиной: Юлинька скоро предпочла ему другого. Замѣтивъ это, онъ страшно вознегодовалъ, тутъ-же подрался со своимъ счастливымъ соперникомъ, а на другой день вноситъ въ свой дѣтскій дневникъ слѣдующія строки: «Не спалъ всю ночь, поздно всталъ и съ трудомъ натягивалъ носки»... Объ этой первой своей любви Владиміръ Соловьевъ помнилъ до послѣдняго времени и раскрылъ ея *истинный* смыслъ въ поэмѣ «Три свиданія» (1898 г.):

Заранѣе надъ смертью торжествуя,
И цѣпь временъ любовью одолѣвъ,
Подруга вѣчная, тебя не назову я,
Но ты почуешь трепетный напѣвъ!

*
* *

Не вѣруя обманчивому міру,
Подъ грубою корою вещества
Я осязалъ нетлѣнную порфиру,
Я узналъ сіянье Божества.

Вотъ истина художественная, или, вѣрнѣе, мистическая; а вотъ, какъ было на самомъ дѣлѣ:

И въ первый разъ,—о, какъ давно то было!—
Тому минуло тридцать шесть годовъ,
Какъ дѣтская душа нежданно ощутила
Тоску любви съ тревогой смутныхъ сновъ.

*
* *

Мнѣ девять лѣтъ; *она*... ей девять тоже.
„Былъ майскій день въ Москвѣ", какъ молвилъ Фетъ.
Признался я... Молчаніе!.. О, Боже!
Соперникъ есть! А! Онъ мнѣ дастъ отвѣтъ!..

*
* *

Дуэль, дуэль!.. Обѣдня въ Вознесенье...
Душа кипитъ въ потокѣ страстныхъ мукъ...
Житейское... отложимъ... попеченье...
Тянулся, замиралъ и замеръ звукъ.

*
* *

Алтарь открытъ... Но гдѣ-жъ священникъ, дьяконъ,
И гдѣ толпа молящихся людей?
Страстей потокъ—мгновенно вдругъ изсякъ онъ!
Лазурь кругомъ, лазурь въ душѣ моей.

*
* *

Пронизана лазурью золотистой,
Въ рукѣ держа цвѣтокъ нездѣшнихъ странъ,
Стояла Ты съ улыбкою лучистой,
Кивнула мнѣ и скрылася въ туманъ.

*
* *

И дѣтская любовь чужой мнѣ стала,
Душа моя къ житейскому слѣпа...

Эта автобіографическая поэма, которую покойный авторъ самъ весьма любилъ, даетъ біографу Вл. С. Соловьева цѣнныя указанія на

главные моменты его личной жизни—и къ ней придется еще вернуться. Покуда-же необходимо поговорить еще о фактахъ промежуточнаго періода, которые и сами по себѣ интересны и служатъ къ выясненію обаятельной личности почившаго. А эта личность не менѣе достойна изученія и любви, чѣмъ то, что ею создано.

Итакъ, возвращаюсь къ разсказу. На одиннадцатомъ году Владиміръ Соловьевъ поступаетъ въ третій классъ I — V-той московской гимназіи, и не только блестяще учится, но читаетъ жадно, серьезно, не довольствуясь полузнаніемъ, а добираясь до самой сущности встрѣчающихся вопросовъ. Память, способности и развитіе были у него громадныя. Однажды, будучи еще въ одномъ изъ младшихъ классовъ, онъ упросилъ отца взять его на какую-то весьма серьезную публичную лекцію и, по возвращеніи оттуда, пересказалъ ее дома почти цѣликомъ.

Въ гимназіи онъ вообще развернулся, сталъ веселъ, остроуменъ, общителенъ и вначалѣ даже шаловливъ. Года полтора онъ даже чувствовалъ, если можно такъ выразиться, приливъ отроческаго милитаризма: бросался къ окнамъ во время прохожденія войскъ, ходилъ на парады и маневры и горячо разсуждалъ о значеніи храбрости, какъ главной мужской добродѣтели.

Ближайшими товарищами его по гимназіи были сыновья А. Ѳ. Писемскаго, а первую отроческую дружбу, которой онъ не измѣнилъ до самой смерти,—онъ посвятилъ братьямъ Лопатинымъ (воспитывавшимся въ Поливановской гимназіи), изъ которыхъ старшій его сверстникъ—нынѣ извѣстный профессоръ.

Въ старшихъ классахъ гимназіи онъ испыталъ періодъ мучительныхъ сомнѣній и яростнаго отрицанія всего того, чему посвятилъ даль-

нѣйшую славную жизнь. Онъ пламенно увлекался нигилизмомъ, матеріализмомъ, внимательно изучалъ до тонкости всевозможныя ученія, прямо или косвенно подрывавшія довѣріе къ христіанской религіи. Одно время онъ считалъ Спинозу первымъ міровымъ философомъ, а Писарева — величайшимъ писателемъ земли русской.

Несмотря на замѣчанія родныхъ и гимназическаго начальства, онъ отростилъ себѣ длинные волосы въ знакъ особаго вольнодумства и пытался проводить наивными способами въ жизнь обуявшія его увлеченія. Напримѣръ, однажды, послѣ вечера, проведеннаго въ горячихъ разсужденіяхъ съ единомышленными товарищами, онъ по тогдашнему его выраженію, «предался иконоборству»: сорвалъ со стѣны своей комнаты и выкинулъ въ садъ образа, бывшіе свидѣтелями столькихъ жаркихъ дѣтскихъ его молитвъ.

Подъ вліяніемъ одного изъ своихъ товарищей, впослѣдствіи достигшаго кое-какой дутой популярности отрицательными тенденціями и смолоду уже бывшаго ярымъ нигилистомъ въ скверномъ смыслѣ этого слова,—15-тилѣтній Владиміръ Соловьевъ съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ глумился надъ святынями и вѣрованіями, которыхъ не принималъ его пылкій и требовательный умъ.

Нашъ маститый историкъ зорко слѣдилъ за духовнымъ броженіемъ сына, но не оказывалъ на него давленія, считая это естественною болѣзнью умственнаго роста, которая должна пройти сама собою. Лишь изрѣдка онъ полунасмѣшливо останавливалъ и конфузилъ зарвавшагося отрока; напримѣръ, когда однажды юный гимназистъ, потирая руки, замѣтилъ отцу

по поводу одной французской книги: «а недурно тамъ отдѣлываютъ христіанство»,—Сергѣй Михайловичъ отвѣчалъ ему немножко по Домострою: «а тебѣ-бы слѣдовало за это хорошенько уши надрать!»

Весьма замѣчательно, что, въ противоположность большинству юношей, у которыхъ періодъ «безбожія» и остраго матеріализма совпадаетъ обыкновенно съ первыми кутежами и исканіемъ низменныхъ приключеній съ женщинами, — Владиміръ Соловьевъ избѣгалъ женщинъ и относился къ нимъ насмѣшливо, почти враждебно. Ясно, что сомнѣнія и отрицанія духовныхъ основъ жизни были въ немъ не лукавымъ голосомъ проснувшихся страстей, а именно необходимою стадіей развитія духовнаго. Въ эти годы уже въ немъ говорила жажда истины и взошли первые всходы того дѣла, которому онъ впослѣдствіи служилъ такъ героически-самоотверженно. Онъ скорбѣлъ по утраченной вѣрѣ, стихійно ему необходимой, но требованій несговорчиваго разума отринуть не могъ и не хотѣлъ.

Онъ сперва тяжко страдалъ отъ этого; потомъ, ища исхода этой мукѣ, задался цѣлью примирить вѣру съ разумомъ въ самомъ себѣ, а затѣмъ, какъ видно изъ всего дальнѣйшаго, взялъ на себя великую задачу: обрѣсти въ разумѣ поддержку для вѣры и другимъ открыть къ ней широкій путь. Эта великая передъ Богомъ и людьми заслуга пока еще была не общественнымъ, а только личнымъ его дѣломъ; она потребовала и многой неутомимой, страстной работы, и громаднаго напряженія, и такого самоуглубленія, которое доступно лишь избранникамъ небесъ. Побѣда надъ страстями и суетою міра, начатая еще на зарѣ самосознанія, когда

семилѣтній ребенокъ упивался житіями святыхъ,—эта побѣда была одержана заранѣе и навсегда. Исканіе новыхъ путей для бодрственнаго, сознательнаго служенія разума вѣрѣ, было задачею неизмѣримо болѣе трудной.

Хотя, въ указанной выше поэмѣ, почившій мыслитель второю серьезною стадіей своей жизни считаетъ научно-философскую работу въ Лондонѣ, но мнѣ кажется, что коренное значеніе для всей дальнѣйшей дѣятельности и жизни его имѣлъ именно переходъ отъ невѣрія къ вѣрѣ.

Весьма важно то, *какъ* онъ совершился. У обыкновенныхъ смертныхъ этотъ переходъ является своего рода компромиссомъ между органическою, если можно такъ выразиться, потребностью въ вѣрѣ — и запросами разума; разумъ дѣлается снисходительнѣе, а вѣра «теплохладною», разгораясь лишь по временамъ, въ часы нежданныхъ испытаній. У Владиміра Соловьева, тогда еще шестнадцатилѣтняго юноши, сліяніе обѣихъ стихій, наоборотъ, удесятеряетъ ихъ силу и напряженность. Работа кипитъ, отметаются препятствія и соблазны, въ которыхъ вязнутъ другіе, и ростетъ душа въ великихъ стремленіяхъ...

Присные не замѣтили, какъ и когда именно прошло у него невѣріе. Они видѣли только, что еще на гимназической скамьѣ онъ, признавъ необходимость религіознаго чувства, зачитывался исторіей религій, увлекался буддизмомъ, потомъ Шопенгауэромъ и Гартманомъ, сошелся съ славянофилами. Вступивъ въ университетъ на 17-мъ году, онъ былъ уже глубоко и сознательно вѣрующимъ.

Съ внутреннимъ успѣхомъ совпадалъ и внѣшній: Владиміръ Соловьевъ окончилъ курсъ

5-й гимназіи *) первымъ ученикомъ и записанъ на такъ называемой «золотой доскѣ». Въ московскій университетъ онъ поступилъ на физико-математическій факультетъ, прошелъ два курса и тщательно изучалъ естественныя науки, но потомъ, неожиданно для своихъ близкихъ и особенно для самого себя, не выдержалъ переходнаго экзамена по физикѣ на третій курсъ, не отвѣтивъ на какіе-то элементарные вопросы. Впослѣдствіи Владиміръ Сергѣевичъ презабавно разсказывалъ о «затмѣніи», которое нашло на него во время этого экзамена, а затѣмъ добавлялъ, что естественныя науки немало помогли ему разобраться въ вопросахъ вѣры и упрочить ее. Мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ него, что на Богочеловѣка необходимо смотрѣть не только какъ на явленіе Божьей благодати, но и какъ на фактъ историческій, подготовленный цѣлымъ рядомъ общеизвѣстныхъ и провѣримыхъ событій, и какъ на фактъ естественно-историческій въ широкомъ и полномъ смыслѣ этого слова.

Со второго курса физико-математическаго факультета молодой ученый перешелъ прямо на третій курсъ историко-филологическаго, къ которому былъ вполнѣ подготовленъ обширными внѣшкольными трудами. Во время пребыванія въ университетѣ онъ также усердно слушалъ лекціи и въ московской духовной академіи. Послѣднія занятія были, пожалуй, самыми главными для него, такъ какъ онъ прежде всего богословскій писатель и проповѣдникъ. Легко можно себѣ представить, какой огромной массой труда были полны его юношескіе годы.

Блестяще окончивъ курсъ на двадцатомъ

*) 5-я московская гимназія была выдѣлена изъ 1-й.

году, Владиміръ Соловьевъ былъ оставленъ при университетѣ и, не теряя времени, принялся писать магистерскую диссертацію.

Напряженная личная жизнь, или, вѣрнѣе, внѣшкольная выработка убѣжденій, шла своимъ чередомъ. Въ домѣ отца своего, человѣка непартійнаго и широко-терпимаго ко всякимъ добросовѣстно-исповѣдуемымъ чужимъ взглядамъ, юный питомецъ музъ встрѣчалъ цвѣтъ тогдашней умственной аристократіи, могъ слушать, спорить и развиваться.

Личная пріязнь и довѣріе къ профессорамъ московскаго университета—П. Д. Юркевичу и московской духовной академіи—В. Д. Кудрявцеву давали ему неисчерпаемый источникъ радости и самоусовершенствованія. На твореніяхъ нашего мыслителя, на всемъ его духовномъ складѣ видно несомнѣнное вліяніе этихъ двухъ замѣчательныхъ людей, вліяніе, которое онъ съ благодарностію признавалъ.

Жажда отвлеченной абсолютной истины сочеталась въ немъ смолоду съ жаждою реальнаго ея осуществленія. Этимъ объясняется, между прочимъ, охватившее его въ студенческіе годы, хотя и не особенно долгое, увлеченіе спиритизмомъ. Сблизившись съ семьей Лапшиныхъ, Владиміръ Соловьевъ сдѣлался пишущимъ медіумомъ: его плѣняло реальное, какъ ему казалось, прикосновеніе «къ стихіи запредѣльной». Самъ онъ, полушутя, говаривалъ мнѣ впослѣдствіи, что отсталъ отъ этихъ занятій, главнымъ образомъ, «по недостатку времени».

Усиленная работа и жгучія нервныя впечатлѣнія повредили организму Владиміра Соловьева и отчасти вызвали въ немъ смолоду крайнюю раздражительность. Онъ былъ весьма вспыльчивъ, но и «отходчивъ»: послѣ каждой рѣзкой

выходки сейчасъ-же каялся, просилъ прощенія, и основное благородство его сердца проступало во всемъ своемъ блескѣ.

Между 18-мъ и 20-мъ годами было у него нѣсколько увлеченій, рыцарски-пылкихъ и возвышенныхъ, но, къ счастью для него, скоропреходящихъ. Пріѣхавъ погостить въ Новороссію къ одной изъ своихъ тетокъ, княгинѣ Дадешкеліани, Владиміръ Соловьевъ влюбился въ простую крестьянскую дѣвушку и собирался на ней жениться, но былъ спасенъ необходимостью вернуться въ Москву къ обычнымъ занятіямъ съ наступленіемъ академическаго сезона: переписки съ деревенской красавицей быть не могло—и образъ ея мало-по-малу померкъ. Затѣмъ онъ плѣнился поочередно двумя юными родственницами съ материнской стороны, г-жами П. и Р.; завязалась цѣлая переписка,—но браку двадцатилѣтняго ученаго съ первой изъ нихъ благоразумно помѣшалъ встревоженный семейный совѣтъ, а во второй онъ самъ разочаровался, что весьма естественно, такъ-какъ трудно было бы найти подругу жизни, которая сколько-нибудь отвѣчала бы даже тогдашнему его духовному уровню. Этимъ, насколько мнѣ извѣстно со словъ покойнаго, завершились юныя попытки Владиміра Соловьева свить гнѣздо.

Мирная жизнь въ гнѣздѣ и не отвѣчала, строго говоря, ни его духовному складу, ни высокому призванію, которому онъ остался вѣренъ всю жизнь.

Достоинъ вниманія прилагаемый здѣсь юношескій портретъ Вл. С. Соловьева, тогда только что кончившаго университетъ и вступавшаго въ открытое море великой жизни. Высокое чело, съ пышными темными волосами, энергично сдвинутыя густыя брови надъ невыра-

зимо-чарующими глазами, въ которыхъ властная рѣшимость сочеталась съ дѣтской добротой; рѣзко очерченные усы, точно у молодого запорожца, придаютъ низу лица нѣкоторую суровость. Общее впечатлѣніе чрезвычайно сильное: сразу видно, что этотъ юноша пойдетъ далеко и будетъ глядѣть на міръ по-своему. Нельзя сказать, чтобъ это лицо было типично-русское: въ немъ много чертъ западно-славянскихъ и чего-то романтическаго, сложнаго, иноземнаго. Для ученаго біографа, который пожелалъ-бы генетически изслѣдовать возникновеніе такой творческой личности и такого характера, какъ Владиміръ Соловьевъ, представятъ большой интересъ слѣдующія данныя о его семьѣ, лично имъ сообщенныя мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Отецъ нашего философа, извѣстный историкъ, былъ человѣкомъ не только большого таланта, но и чрезвычайно трезваго, уравновѣшеннаго ума. Эти черты, какъ и склонность стоять на реальной исторической почвѣ, онъ передалъ сыну. Дѣдъ былъ пламенно-вѣрующій священникъ,—и это чувство, и эти verba solemnia съ необыкновенною силой возгорѣлись именно во внукѣ; священное пламя передалось *черезъ одно поколѣніе,* какъ это часто бываетъ наглядно въ области физической. Восходящіе по мужской линіи въ пятомъ или шестомъ поколѣніи были крестьяне, дѣти народа. Мать Владиміра Сергѣевича, рожденная Романова, происходитъ изъ старинной и своеобразно-даровитой малорусской семьи; одну вѣтвь этой семьи постигла загадочно-трагическая судьба (въ Полтавской и Харьковской губ.), а къ другой принадлежалъ извѣстный украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода. И въ

ученіи, и въ личномъ характерѣ, и въ духовномъ складѣ Владиміра Сергѣевича я замѣчалъ весьма часто поразительное сходство съ названнымъ философомъ, плѣнительный нравственный обликъ котораго живо сохранился въ памяти его земляковъ. Юморъ у Владиміра Соловьева былъ чисто-малорусскій — и этотъ юморъ допускался имъ въ самыя завѣтныя сферы мысли и чувства. Знаменитую эпитафію, которую при жизни сочинилъ для себя Сковорода, — «*міръ меня ловилъ, но не поймалъ*», — съ большимъ успѣхомъ и правомъ могъ-бы сочинить и Владиміръ Соловьевъ, не разъ высказывавшійся въ томъ-же духѣ.

Родная бабка Владиміра Сергѣевича съ материнской стороны, урожденная Бжеская, происходила изъ хорошей польской фамиліи, — чѣмъ опять-таки *органически* объясняются извѣстныя симпатіи нашего философа къ полякамъ и католичеству.

Совокупность этихъ богатыхъ условій происхожденія дала Владиміру Сергѣевичу тотъ обаятельный обликъ и вмѣстѣ ту загадочную сложность выраженія, которые производили такое сильное впечатлѣніе на всѣхъ видѣвшихъ его. Личное обаяніе открыло ему путь къ людскимъ сердцамъ; съ первыхъ-же шаговъ его дѣятельности, и до послѣднихъ дней оно было вѣрнымъ и, пожалуй, самымъ сильнымъ союзникомъ его въ борьбѣ за идеалы, которымъ онъ послужилъ съ такою силою и славой.

Впервые выступилъ нашъ философъ передъ интеллигентною толпою 24 ноября 1874 года, когда защитилъ въ Петербургѣ магистерскую диссертацію «*Кризисъ западной философіи*», нанесшую богатырскій ударъ тому безпочвенному, мнимо-научному и даже мнимо-матеріалистиче-

скому ученію, которое именуется позитивизмомъ. Это былъ первый вызовъ, сдѣланный рыцаремъ духа кумиру, поклоненіе которому въ 70-хъ годахъ было почти повальнымъ. И самая книга, доказывавшая несостоятельность позитивизма и выдвигавшая на смѣну ему теченіе мистически-философское, и защита не менѣе смѣлая, чѣмъ самые тезисы юнаго вдохновеннаго борца за идею, — все это было крупнымъ событіемъ въ научной и общественной жизни— и можетъ быть отнесено къ числу знаменательнѣйшихъ моментовъ въ исторіи русскаго самосознанія.

Въ подтвержденіе только-что высказаннаго, приведу отрывки изъ двухъ писемъ очевидцевъ этого событія. Первое принадлежитъ перу г. Малиновскаго, бывшаго директора той гимназіи, въ которой воспитывался Владиміръ Соловьевъ. Письмо адресовано отцу нашего ученаго, маститому историку. Вотъ оно:

«М. Г. Сергій Михайловичъ! Вчера на мою долю досталось провести $3^1/_2$ часа подъ вліяніемъ такого сильнаго и пріятнаго обаянія, какого я давнымъ-давно не испытывалъ и какимъ я обязанъ видѣнному и слышанному мною въ тотъ день безпримѣрно-блистательному торжеству мысли и слова безпримѣрно-юнаго магистранта, покорившаго своимъ талантомъ всецѣло вниманіе многосотенной разнокалиберной массы слушателей и овладѣвшаго вполнѣ самымъ глубокимъ сочувствіемъ всѣхъ, безъ изъятія, многочисленныхъ солидныхъ представителей истинной интеллигенціи здѣшней столицы, посѣтившихъ диспутъ. Диспутъ этотъ, изъ множества слышанныхъ мною за цѣлые десятки лѣтъ въ Харьковѣ, Москвѣ и Петербургѣ, былъ поистинѣ самый замѣчательный, и по серіозности,

и по одушевленію, и по мощи отпора на множество высказанныхъ возраженій; впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этихъ часовъ ученой бесѣды, такъ глубоко-сильно, что и черезъ сутки оно нисколько не утратило своей живости и свѣжести. Это же самое испытали на себѣ говорившіе мнѣ нынче о томъ многіе изъ видѣнныхъ мною сегодня, въ университетѣ и въ домахъ, вчерашнихъ сочувственныхъ свидѣтелей научнаго торжества. Юный ученый чародѣй, такъ чудно овладѣвшій не только искреннимъ, но и почтительнымъ сочувствіемъ всѣхъ насъ вчера, былъ, конечно, какъ Вы поняли изъ первыхъ строчекъ, Владиміръ Сергѣевичъ, бывшій нѣкогда Володя Соловьевъ, въ 5-й Московской гимназіи, мною когда-то устрояемой, золотой медальеръ...»

Переходя далѣе къ своимъ служебнымъ и личнымъ дѣламъ, авторъ письма, сожалѣя о покинутой Москвѣ, говоритъ, что самымъ дорогимъ изъ дорогихъ воспоминаній является для него памятованіе

«о свѣтлыхъ личностяхъ, вышедшихъ изъ гимназіи, подобныхъ гг. Боголѣпову, Соловьеву, Писемскому и др.»

Авторъ письма поздравляетъ счастливаго отца и его семью

«... съ такимъ сокровищемъ, какъ вашъ Владиміръ Сергѣевичъ, и съ его знаменательнымъ тріумфомъ, — вѣрнымъ прецедентомъ долгой и славно-плодотворной ученой дѣятельности, наслѣдуемой и преемствуемой имъ счастливо отъ знаменитаго въ наукѣ и отечествѣ отца...»

Должно-быть, не даромъ далось юному магистранту это яркое торжество. Старый педагогъ замѣтилъ, какъ исхудалъ его питомецъ,—и спѣ-

шитъ выразить пожеланія, чтобы сразу поставленному высокому успѣху

«... скорѣе и полнѣе стало соотвѣтствовать его здоровье, видимо изнуренное громадною массою работы, понесенной еще не окрѣпшимъ и не сформировавшимся нѣжнымъ организмомъ, нуждающимся видимо въ укрѣпленіи и освѣженіи на югѣ будущимъ лѣтомъ. Пошли ему Господь, чтобы онъ также побѣдоносно справился съ недугами и восторжествовалъ надъ наклонностью къ хворанію, какъ онъ уничтожилъ и побѣдилъ хитросплетенія разъяренныхъ доморощенныхъ позитивистовъ, матеріалистовъ, нигилистовъ и т. п. въ лицѣ возражавшихъ ему: бездарнаго и настолько - же наглаго доктора математики Р., даровитыхъ, но сбившихся съ прямого пути и до зубовного скрежета разъяренныхъ Вольфзона и Лесевича и ихъ компаніи. Этихъ господъ онъ совсѣмъ побилъ, побѣдивши въ ту-же пору отдавшихъ ему полную дань справедливости, солидныхъ возражателей, въ лицѣ гг. Владиславлева, Каринскаго и отчасти Срезневскаго...»

Таковъ отзывъ доброжелательнаго образованнаго «средняго человѣка» изъ публики. Это отзывъ типичный и имѣющій, такъ-сказать, количественное значеніе, такъ-какъ высказанное здѣсь мнѣніе раздѣляли всѣ «свѣжіе» и безпристрастные свидѣтели диспута. Для насъ, однако, еще болѣе цѣнно мнѣніе человѣка съ большимъ научнымъ именемъ и значительною ролью въ исторіи нашей общественности. Вотъ, что пишетъ о первомъ успѣхѣ Владиміра Соловьева извѣстный нашъ историкъ, академикъ К. Н. Бестужевъ - Рюминъ, вдовѣ профессора С. В. Ешевскаго:

«Дорогая моя Юлія Петровна! Былъ вчера диспутъ вашего любимца Соловьева. Знаю, что

онъ интересуетъ васъ, и потому спѣшу написать вамъ нѣсколько словъ. Такого диспута я не помню и никогда мнѣ не случалось встрѣчать такую умственную силу лицомъ къ лицу. Необыкновенная вѣра въ то, что онъ говоритъ, необыкновенная находчивость, какое-то увѣренное спокойствіе — все это признаки высокаго ума. Внѣшней манерой онъ много напоминаетъ отца, даже въ складѣ ума есть сходство; но мнѣ кажется, что этотъ пойдетъ дальше. Въ нашемъ кругѣ осталось какое-то обаятельное впечатлѣніе; Замысловскій, выходя съ диспута, сказалъ: «онъ стоитъ точно пророкъ». И дѣйствительно было что-то вдохновенное. Оппонентовъ было много изъ публики, споръ былъ оживленный; публика раздѣлилась на двѣ партіи; одни хлопали Соловьеву, другіе—его противникамъ. Если будущая дѣятельность оправдаетъ надежды, возбужденныя этимъ днемъ, *Россію можно поздравить съ геніальнымъ человѣкомъ...*»

Такъ ярко занялась заря, предвѣщавшая день, полный великихъ трудовъ и немалыхъ бурь.

«Кризисъ западной философіи»—произведеніе столь типичное для Владиміра Соловьева, какъ выраженіе его міросозерцанія и какъ основа всей его дальнѣйшей работы, что даже въ настоящей главѣ, посвященной, главнымъ образомъ, біографическому очерку утраченнаго нами мыслителя, умѣстно привести нѣкоторые тезисы указаннаго сочиненія. Для краткости ограничусь тѣми, которые приведены московскимъ проф. А. Введенскимъ въ его замѣчательной статьѣ «Призывъ къ самоуглубленію».

«Оба главныя направленія западной философіи,—говоритъ юный магистрантъ Владиміръ Соловьевъ,—раціоналистическое, ограничиваю-

щееся кругомъ общимъ логическихъ понятій, и эмпирическое, ограничивающееся частными данными феноменальной дѣйствительности, сходятся въ томъ существенномъ пунктѣ, что оба одинаково отрицаютъ собственное бытіе, какъ познаваемаго, такъ и познающаго, оставляя одну только абстрактивную форму познанія, почему оба эти направленія могутъ быть подведены подъ общее понятіе абстрактнаго формализма».

Доказавъ цѣлымъ рядомъ мѣткихъ замѣчаній и разсужденій несостоятельность западной философіи и невѣрность главныхъ ея путей, Владиміръ Соловьевъ заключаетъ такъ:

«Общій необходимый результатъ западнаго философскаго развитія въ области ученія о познаніи состоитъ въ томъ, что чистое мышленіе и чистая эмпирія должны быть признаны одинаково невозможными, и истинный философскій методъ долженъ быть опредѣленъ какъ конкретное мышленіе, состоящее въ выведеніи изъ эмпирическихъ данныхъ того, что въ нихъ необходимо логически заключается. Въ области метафизики, въ качествѣ абсолютнаго Первоначала, вмѣсто прежнихъ абстрактныхъ сущностей, *долженъ быть признанъ конкретный Всеединый Духъ*. Въ области этики должно быть признано, что послѣдняя цѣль и высшее благо достигаются только совокупностью существъ посредствомъ логически-необходимаго и абсолютно-цѣлостнаго хода мірового развитія, конецъ котораго есть уничтоженіе вещественнаго міра, какъ вещественнаго, и возстановленіе его, какъ *царства духовъ, во всеобщности Духа Абсолютнаго*».

Вскорѣ по одержаніи упомянутой духовной побѣды, юный магистръ беретъ продолжитель-

ный отпускъ и ѣдетъ за границу. Мимоходомъ взглянувъ на суетныя забавы и преходящія красоты чужихъ краевъ, онъ спѣшитъ искать еще и еще знанія. Главная цѣль его поѣздки—работа въ Британскомъ музеѣ, гдѣ сосредоточено столько драгоцѣнностей по части религіи, каббалистики, оккультизма и т. д.

Англія оказала нашему философу неоцѣнимыя услуги не только въ углубленіи пониманія Божественной Истины, но и въ вопросѣ *о формахъ ея воздѣйствія на души людей*. Церковь ап. Павла, выдвигающая такіе оригинальные, съ сильною практическою складкою умы, какъ Henry Drummond и т. п., не могла не дать мыслителю-бойцу полезныхъ эмпирическихъ и методическихъ указаній.

Имя Владиміра Соловьева было уже извѣстно и дорого лучшимъ представителямъ англійской богословской и философской науки; его любили тамъ,—и тогда уже возникло названіе, теперь закрѣпленное за нимъ въ Англіи,—the russian Carlyle, т. е. русскій Карлейль, — названіе довольно удачное, такъ-какъ въ творческомъ обликѣ Владиміра Соловьева много общаго съ этимъ замѣчательнымъ англійскимъ мыслителемъ.

Внутренняя созерцательная работа, происходившая въ молодомъ философѣ въ самый разгаръ его лондонскихъ занятій, вызвала въ немъ неодолимое влеченіе къ одной изъ колыбелей человѣческихъ религій, къ Египту. Онъ почувствовалъ потребность прислушаться къ голосу матери-пустыни, достигнуть большей полноты и ненарушимости созерцанія.

И вотъ онъ въ Каирѣ. Изучаетъ мусульманскія секты, отыскиваетъ древніе слѣды христіанства и, главное, «*внемлетъ пустынѣ*». Полушутя описываетъ онъ впослѣдствіи въ авто-

біографической поэмѣ то, что не разъ сообщалъ въ бесѣдѣ друзьямъ: какъ послѣ веселой болтовни за табль-д'отомъ съ извѣстнымъ генераломъ Ѳаддѣевымъ и другими соотечественниками, онъ отправился въ пустыню, въ костюмѣ, непривычномъ для ея дѣтей: высокій цилиндръ, изъ-подъ котораго выбивались волнистые, густые волосы, просторная крылатка и тонкія бальныя ботиночки. Бедуины приняли его за шайтана, для вѣрности скрутили ему руки и отвели его подальше, въ пески, гдѣ и пришлось заночевать неосторожному туристу. «И бысть ему видѣніе»:

И долго я лежалъ въ дремотѣ жуткой.
И вотъ повѣяло: „Усни, мой бѣдный другъ".
И я уснулъ. Когда-жъ проснулся чутко,—
Дышали розами земля и неба кругъ.

***

И въ пурпурѣ небеснаго блистанья
Очами, полными лазурнаго огня,
Глядѣла Ты, какъ первое сіянье
Всемірнаго и творческаго дня.

***

Что есть, что было, что грядетъ во вѣки,—
Все обнялъ тутъ одинъ недвижный взоръ.
Синѣютъ подо мной моря и рѣки,
И дальній лѣсъ, и выси снѣжныхъ горъ.

***

Все видѣлъ я, и все одно лишь было:
Одинъ лишь образъ женской красоты!
Безмѣрное въ его размѣръ входило...
Передо мной, во мнѣ—одна лишь Ты.

Очевидно, во внутреннемъ мірѣ нашего философа, за время пребыванія въ Египтѣ, про-

изошло нѣчто рѣшающее и таинственное, о чемъ онъ впослѣдствіи часто любилъ вспоминать, но говорилъ и съ музой и съ друзьями лишь намеками.

Къ этой темѣ онъ возвращался во время самыхъ разнообразныхъ настроеній и былъ неподражаемъ, когда юмористически разсказывалъ о пережитыхъ въ Каирѣ впечатлѣніяхъ. Эти разсказы послужили даже канвой для весьма талантливаго шуточнаго драматическаго произведенія «*Соловьевъ въ Θивапдѣ*», къ сожалѣнію, неоконченнаго и не напечатаннаго.

Эта интересная пьеса принадлежитъ бойкому перу одного изъ друзей Владиміра Соловьева, — даровитаго поэта-диллетанта и художника графа Θедора Сологуба, безвременно угасшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Сюжетъ пьесы таковъ: Сатана, предвидя опасность отъ возникающей религіозно-философской силы, ставитъ молодому магистру всяческія западни. Сперва «заводитъ» стараго сфинкса, который задаетъ Соловьеву загадки, съ неожиданной находчивостью имъ отгадываемыя; затѣмъ изъ горсти праха сатана возсоздаетъ красавицу, Савскую царицу, въ роскошной одеждѣ, окруженную пышнымъ дворомъ. Во второмъ дѣйствіи царица устраиваетъ блестящій маскарадъ, подающій поводъ автору весьма остроумно и мѣтко «пройтись» на счетъ разныхъ литературныхъ и общественныхъ явленій недавняго времени. Къ сожалѣнію, хотя характеръ и даже внѣшнія манеры Владиміра Соловьева очерчены весьма удачно, пьеса прерывается на самомъ интересномъ мѣстѣ,—то-есть прежде, чѣмъ легкомысленная Савская царица успѣла испытать силу своихъ чаръ надъ философомъ.

Вотъ первый монологъ сатаны:

На крыліяхъ пустыннаго самума,
Какъ бурный вихрь, примчался я сюда,—
Зане меня тревожитъ сильно дума,
Что царству тьмы опять грозитъ бѣда!
Я долго почивалъ на лаврахъ безмятежныхъ,
На ложѣ сладостномъ безъ терній, безъ репьевъ,—
Какъ вдругъ среди степей Сарматіи безбрежныхъ
Явился новый врагъ, отважный Соловьевъ!
Родился сей злодѣй хоть безъ-году недѣля,
А корень зла успѣлъ ужь потрясти:
Въ меня стрѣлой наукъ и дротомъ вѣры цѣля,
Онъ тщится мой престолъ съ лица земли смести...

Главное дѣйствующее лицо—Владиміръ Соловьевъ, по ремаркѣ автора, «держитъ себя и говоритъ постоянно съ утонченною простотой и достоинствомъ»; выступаетъ онъ съ нижеслѣдующимъ монологомъ:

Пустыней знойною въ сей знойный часъ иду я,
Volente Deo, подвигъ мой свершить.
Наградъ земныхъ, крестовъ и звѣздъ, не жду я:
О нихъ, по моему, не стоитъ говорить!
Одна звѣзда—звѣзда моей надежды
И крестъ одинъ—крестъ вѣры и любви!
Напрасно мнятъ чиновные невѣжды
Обрѣсть спасеніе средь свѣтской суеты!
О, нѣтъ! Въ тѣни суровой Ѳиваиды
Укроюсь я на лонѣ тишины
Отъ жгучихъ стрѣлъ исчадія Киприды,
Отъ пагубныхъ капкановъ сатаны.

Изъ загадокъ сфинкса забавнѣе всѣхъ нижеслѣдующая:

Сфинксъ.

. . . . . .

Всю разницу межъ мною и тобою
Мнѣ вырази ты буквою двойною.

Соловьевъ.

О—Е.

Сфинксъ.

Почему?

Соловьевъ.

Пространенъ ты, престраненъ я!
Вѣрна-ли отповѣдь моя?

Сфинксъ (безмолвствуетъ, смущенный).

Соловьевъ.

На декорацію вы годны лишь въ „Аиду!“
Покойной ночи вамъ, отправлюсь въ Ѳиваиду!..

(Удаляется побѣдными, но скромно-задумчивыми шагами).

Тутъ звучатъ уже кое-какіе намеки на недавній диспутъ и разгромъ оппонентовъ, годныхъ «на декорацію въ Аиду»...

Вернувшись изъ заграничнаго путешествія, Владиміръ Соловьевъ продолжалъ въ Москвѣ готовиться къ докторской диссертаціи и приватъ-доцентствовать. Но тамъ ему не долго пожилось. Въ профессорской корпораціи выходили разныя непріятности, отъ которыхъ молодой философъ лично сторонился, не стѣсняясь, однако, высказывать взгляды, не нравившіеся вліятельному большинству, и вообще держа себя съ полною самостоятельностью. Въ частности, онъ принялъ сторону М. Н. Каткова въ одной факультетской распрѣ, въ которой считалъ его правымъ.

Въ эту пору онъ былъ лично близокъ также съ И. С. Аксаковымъ, К. Н. Леонтьевымъ и другими славянофилами. Огромный умъ Леонтьева, рѣдкая оригинальность и смѣлость его мыслей, а также способность этого человѣка зажигать и побуждать къ работѣ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ общеніе, не могли не отразиться благотворно

на нашемъ философѣ, у котораго въ складѣ ума и въ темпераментѣ было съ нимъ не мало общаго.

Три умнѣйшихъ человѣка въ Москвѣ, — Катковъ, Аксаковъ и Леонтьевъ, — относились къ Соловьеву почти съ обожаніемъ, которое нѣсколько ослабѣло впослѣдствіи у двухъ первыхъ, а Леонтьева не покидало до конца дней. Даже когда они довольно рѣзко разошлись въ религіозно-политическихъ взглядахъ,—глубоконезависимый Леонтьевъ, какъ онъ самъ въ этомъ признается, поколебался, и если не пошелъ прямо за Соловьевымъ, то слѣдилъ за нимъ съ сочувственнымъ замираніемъ сердца.

1877 годъ принадлежитъ къ числу значительныхъ въ жизни молодого философа: онъ переѣзжаетъ въ Петербургъ, принимаетъ должность члена ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и одновременно приступаетъ къ практическому осуществленію одной изъ давно намѣченныхъ идейныхъ задачъ. Онъ читаетъ въ Соляномъ Городкѣ вдохновенныя и, если можно такъ выразиться, *центральныя* лекціи «*О Богочеловѣчествѣ*» (напеч. въ 1878 — 80 гг. въ «Православномъ Обозрѣніи»), привлекаетъ въ свою аудиторію бестужевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ цвѣтъ интеллигенціи проповѣдью завѣтныхъ религіозно-философскихъ идей. Достоевскій тѣсно сближается съ нимъ. Слава молодого философа, его обаяніе во всѣхъ слояхъ образованнаго общества все растетъ, волна житейскихъ соблазновъ плещетъ у ногъ его, грозя духовной и жизненной свободѣ. Но онъ стоитъ незыблемо, радуясь успѣху не для себя, а для своего дѣла.

Окрыленный успѣхомъ, онъ «дерзаетъ», пытается поднять уровень самосознанія въ нашемъ

обществѣ. Мужественною попыткою такого рода является его рѣчь «*Три силы*», произнесенная въ московскомъ «обществѣ любителей россійской словесности» въ 1877 году. Не церемонится онъ въ этой рѣчи съ разною гнилью и плѣсенью, одолѣвающими нашу общественную жизнь:

«Мы, имѣющіе несчастье принадлежать къ русской интеллигенціи, которая, вмѣсто образа Божія, все еще продолжаетъ носить образъ и подобіе обезьяны,—мы должны же, наконецъ, увидать свое жалкое положеніе, должны постараться *возстановить въ себѣ русскій народный характеръ*, перестать творить себѣ кумира изъ всякой узкой и ничтожной идейки»!..

Оторванность интеллигенціи отъ народа, шаблонность полусознательной мысли и вялыхъ чувствъ, «болотность» жизни съ ея тиною плохо прикрытыхъ животныхъ интересовъ,—все это вызываетъ негодованіе въ пылкомъ поборникѣ живой правды, который восклицаетъ, что русскому обществу пора освободиться «отъ той житейской дряни, которая наполняетъ наше сердце, и отъ той мнимо-научной, школьной дряни, которая наполняетъ нашу голову»...

Другому человѣку, съ менѣе очевидными правами на уваженіе и довѣріе общества, не простили-бы приведенныхъ горькихъ словъ, да и всего того, съ чѣмъ выступилъ юный богатырь вдохновенной мысли. Ему-то, положимъ, и не простили этого кое-какіе журнальные заправилы, но обрушиться на него или, по обычаю этихъ господъ, обвинить его въ чемъ-либо нехорошемъ никто не посмѣлъ, потому что ложь была-бы слишкомъ очевидною въ глазахъ общества.

Извѣстность и обаяніе Владиміра Соловьева все продолжали расти. Наряду съ дѣятельно-

стью, которую проще всего назвать *проповѣдническою,* молодой ученый печаталъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» строго-научное сочиненіе «*Начала цѣльнаго знанія*», оставшееся, къ сожалѣнію, незаконченнымъ, и готовился къ своей докторской диссертаціи, «*Критика отвлеченныхъ началъ*», которую и защитилъ въ 1880 году съ громаднымъ успѣхомъ. Появленіе этого сочиненія дало молодому ученому славу болѣе прочную и серіозную, нежели шумную, такъ-какъ ни привлекательная личность докторанта, ни его талантъ и руководящія идеи не были уже новинкой для большой публики,— а цѣнить по достоинству новый трудъ его могли только немногіе знатоки.

Владиміръ Соловьевъ затѣмъ поступилъ приватъ-доцентомъ въ с.-петербургскій университетъ и съ полнымъ основаніемъ ожидалъ профессуры, къ нѣкоторому, довольно наглядному смущенію тогдашняго профессора философіи (впослѣдствіи ректора) М. И. Владиславлева, труженика съ дарованіемъ гораздо болѣе заурядным, не особенно радовавшагося такому конкурренту.

Сверстникъ, собратъ и другъ покойнаго Владиміра Сергѣевича, Э. Л. Радловъ, въ прекрасной статьѣ, посвященной его памяти, говоритъ по этому поводу:

«Мы не думаемъ, чтобы профессорская дѣятельность могла его надолго удовлетворить. Ему нужны были болѣе обширная аудиторія и болѣе широкій кругъ слушателей. Но въ началѣ 80-хъ годовъ покойный мечталъ о профессурѣ, и нѣсколько лѣтъ спокойной университетской дѣятельности позволили-бы ему окончить рядъ научныхъ трудовъ, которые имъ были задуманы и не доведены до конца (напримѣръ, «Эстетика»,

«Гносеологія»). И это было-бы тѣмъ выполнимѣе, что трудно найти жизнь, которая была-бы болѣе посвящена служенію одной идеѣ, чѣмъ жизнь В. С. Соловьева. *Если у него и были сомнѣнія и колебанія, то они были пережиты имъ прежде, чѣмъ онъ выступилъ печатно;* въ трудахъ же его мы постоянно встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же основнымъ принципомъ. Этотъ принципъ вполнѣ ясно выраженъ и обоснованъ въ первыхъ философскихъ работахъ, особенно въ «Критикѣ отвлеченныхъ началъ».

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго ученаго, за исключеніемъ словъ, перепечатанныхъ курсивомъ: они требуютъ нѣкоторой оговорки, къ которой мнѣ придется обратиться въ главѣ о политическомъ значеніи и направленіи В. С. Соловьева. Во всякомъ случаѣ, Э. Л. Радловъ совершенно правъ, указывая на чрезвычайную религіозно-философскую *цѣльность* Соловьева и сожалѣя о томъ, что ему не удалось завершить основной, принципіальной части своего труда. Покойный неминуемо сдѣлалъ-бы это, потому-что оно было, строго говоря, лишь вопросомъ времени и досуга.

Передъ нимъ открывалась широкая перспектива мирнаго плодотворнаго труда, а также, несомнѣнно, и быстрая служебная карьера. И въ бюрократическихъ сферахъ у него образовались значительныя связи, а въ нѣсколькихъ великосвѣтскихъ и придворныхъ «coteries» (семьи кн. Волконскихъ, Оболенскихъ, Абаза, вдовы извѣстнаго поэта графини С. А. Толстой и др.) онъ былъ не менѣе любимъ, чѣмъ среди учащейся молодежи.

Судьба рѣшила по своему. Ужасная катастрофа 1-го марта, столь болѣзненно отразившаяся въ сердцахъ русскаго общества, была

косвенною причиною переворота въ жизни В. С. Соловьева. Рѣчь противъ смертной казни, произнесенная имъ въ мартѣ-же 1881 года въ залѣ кредитнаго общества и вызвавшая восторгъ однихъ, негодованіе другихъ и недоумѣніе третьихъ, была прямой причиной кризиса. Послѣ этого «дерзанія», философъ невольно покидаетъ и службу, и университетъ, лишаетъ себя постояннаго мѣстожительства и, такъ сказать, выходитъ въ открытое море литературно-научнаго труда.

Онъ проживаетъ то въ Москвѣ, то въ деревнѣ у кого-либо изъ пріятелей, напримѣръ, у А. А. Фета-Шеншина, то заграницей, заѣзжая сначала довольно рѣдко въ Петербургъ, гдѣ нашлось много охотниковъ рисовать его человѣкомъ безпокойнымъ и даже вреднымъ. До 1888 г. онъ помѣщаетъ статьи свои, главнымъ образомъ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», аксаковской «Руси», «Православномъ Обозрѣніи», «Извѣстіяхъ Славянскаго Общества» и т. д.,—а съ февраля 1888 года, какъ говорятъ въ литературѣ, «переходитъ» въ «Вѣстникъ Европы» и цѣлымъ рядомъ статей по національному и религіозному вопросамъ вызываетъ большой шумъ. Одни восхищаются, другіе негодуютъ,—но всѣ, друзья и враги, читаютъ жадно каждую огненную строку, выливающуюся изъ-подъ этого пера.

Сочиненія, которыя, до выхода въ свѣтъ «Оправданія добра», В. С. Соловьевъ считалъ главными своими трудами, появляются за указанный періодъ заграницей, а не въ Россіи, по причинамъ цензурнымъ, нынѣ, вѣроятно, устранимымъ, такъ-какъ онѣ относились скорѣе къ числу цензурныхъ недоразумѣній. Это—первый томъ книги «*Исторія и будущность теократіи*», «*L'idée russe*» и «*La Russie et l'église universelle*».

Первое сочиненіе напечатано въ Загребѣ и изобилуетъ такимъ количествомъ опечатокъ, что покойный авторъ даже приходилъ иногда въ уныніе по этому поводу; послѣднія два изданы въ Парижѣ и написаны превосходнымъ французскимъ языкомъ, напоминающимъ стиль Боссюэта, котораго Владиміръ Соловьевъ весьма любилъ и изучилъ до тонкости.

Указанныя сочиненія, какъ и нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ Россіи, подавали одно время поводъ противникамъ Соловьева называть его «католикомъ», «ренегатомъ» и т. д. Потомъ это улеглось.

По мѣрѣ сближенія съ петербургскими журналами (сперва «Вѣстникъ Европы», потомъ, урывками, «Сѣверный Вѣстникъ», а въ послѣднее время весьма часто «Книжки Недѣли», «Русь» изданія В. П. Гайдебурова и др. изд.) Владиміръ Соловьевъ все болѣе тяготѣетъ къ сѣверной столицѣ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ онъ становится во главѣ философскаго отдѣла словаря Брокгауза и Ефрона, усердно сотрудничая въ то-же время въ московскомъ журналѣ «Вопросы Философіи и Психологіи». Легенда о «нелегальности» В. С. Соловьева мало-по-малу разсѣивается, какъ туманъ; нашего философа выбираютъ въ почетные члены разныхъ ученыхъ обществъ, онъ участвуетъ въ литературныхъ вечерахъ и изрѣдка читаетъ публичныя лекціи, попрежнему привлекая напряженное вниманіе слушателей и вызывая бурю восторга.

Въ 90-хъ годахъ выходятъ въ свѣтъ: сборникъ его стихотвореній, выдержавшій по настоящее время четыре изданія, затѣмъ обширный философскій трудъ «*Оправданіе добра*», за краткій срокъ выдержавшій два изданія; потомъ

обаятельная по ясности и глубинѣ чувства книга «*Духовныя основы жизни*» (3-мъ изданіемъ, послѣ 12-ти-лѣтняго перерыва) и, наконецъ, «*Три разговора* (*Подъ пальмами*)».

Кромѣ того, нашимъ философомъ былъ начатъ, въ сотрудничествѣ съ братомъ, покойнымъ нынѣ М. С. Соловьевымъ, переводъ твореній его любимаго древняго мыслителя Платона, публичная лекція о которомъ, одна изъ послѣднихъ, произнесенныхъ В. С. Соловьевымъ, вызвала громадной интересъ въ образованномъ обществѣ. Въ послѣдніе-же годы появилась превосходно написанная имъ біографія и характеристика Магомета (изд. Павленкова) и вышелъ подъ редакціей Вл. С. цѣлый рядъ переводовъ сочиненій по философіи и психологіи. Большое наслажденіе любителямъ литературы доставили его критическія статьи о гр. Алексѣѣ Толстомъ, Тютчевѣ, гр. Голенищевѣ-Кутузовѣ и др., а немало споровъ вызвало все, что написано было имъ о Пушкинѣ.

Когда въ память Пушкина было учреждено званіе почетнаго академика, В. С. Соловьевъ былъ призванъ въ число избранниковъ, художниковъ русскаго слова, а въ скоромъ времени ему предстояло быть дѣйствительнымъ членомъ Академіи Наукъ.

Послѣднія десять лѣтъ мнѣ выпало на долю немалое счастье близко знать покойнаго Владиміра Сергѣевича, и я попытаюсь теперь, по мѣрѣ силъ, очертить, покуда, хоть бѣглыми штрихами, главныя идеи его и, въ заключеніе, эту безпримѣрно-дивную личность, обаятельныя черты которой неизгладимо запечатлѣлись въ сердцѣ каждаго, кому являлось это свѣтлое видѣніе.

II.

Рисуя могучую авторскую личность Владиміра Соловьева и его міропониманіе во всей полнотѣ, критику трудно быть вполнѣ объективнымъ, трудно и сердцемъ, и умомъ не отозваться болѣе чутко и громко именно на тѣ звуки его сложной гармоніи, которые наиболѣе родственны и дороги самому изслѣдователю.

Усиліямъ единичнаго критика эта задача доступна лишь въ томъ случаѣ, если онъ собственнымъ духовнымъ складомъ представляетъ хотя-бы весьма уменьшенное подобіе этого своеобразнаго облика. Что непосильно одному, то доступно многимъ, или, вѣрнѣе, нѣсколькимъ лицамъ, разрабатывающимъ и выясняющимъ порознь отдѣльные мотивы этой гармоніи.

И при жизни, и послѣ смерти у Владиміра Соловьева были преимущественно критики односторонніе. Наше общество и, въ частности, наша литература не выдѣлили изъ своей среды достаточнаго контингента полныхъ послѣдователей этого сложнаго «синтетичнаго» мыслителя и не дали сколько-нибудь замѣтнаго ядра того, что принято называть школой. Быть можетъ, это слѣдуетъ объяснить не столько слабымъ уровнемъ обширной его аудиторіи, сколько, именно, рѣдкою своеобразностью творческой личности Вл. Соловьева, во многихъ отношеніяхъ *неподражаемой*. Тѣмъ не менѣе, быстро возникшая за послѣднее время литература о немъ даетъ рядъ довольно полныхъ и нѣсколько даже вдохновенныхъ по мѣткости выраженія характеристикъ его ученія, принадлежащихъ, вдобавокъ, перу людей не только компетентныхъ, но и

лично близко знавшихъ покойнаго или состоявшихъ съ нимъ въ дружбѣ. Таковы ученые философы: Гг. Лопатинъ, Введенскій, кн. С. Н. Трубецкой, Э. Л. Радловъ, А. Ф. Кони и нѣкоторые другіе. Многое они формулировали такъ удачно, что при сужденіи о трудахъ Вл. Соловьева безъ ссылокъ на большинство этихъ лицъ уже обойтись невозможно. Цѣнный вкладъ,—и притомъ, именно, по смерти Соловьева,—внесли въ пониманіе отдѣльныхъ сторонъ его ученія даже прежніе его оппоненты и враги, какъ напр., г. Розановъ, и возражатели противъ частностей, впослѣдствіи тѣсно съ нимъ сблизившіеся, какъ напр., Н. А. Энгельгардтъ.

Наиболѣе глубокимъ, проникновенно-сочувственнымъ пониманіемъ религіозно-философскихъ идей Вл. Соловьева отличался покойный К. Н. Леонтьевъ, антиподъ Соловьева въ сферѣ политическихъ взглядовъ.

Наиболѣе удачная «синтетичная» характеристика Вл. С. Соловьева принадлежитъ талантливому перу кн. С. Н. Трубецкого. Вотъ, въ какихъ выраженіяхъ онъ оплакалъ своего почившаго друга:

«Вѣдь самъ-же онъ (Соловьевъ) писалъ, что школы онъ не имѣетъ и что послѣдователей у него нѣтъ. Горько подумать о томъ, сколько непониманія встрѣчалъ онъ при жизни, несмотря на всю ослѣпительную ясность, на художественное мастерство своего слова. Всѣхъ привлекали лишь отдѣльныя стороны его таланта, его дѣятельности, его ученія. Одни цѣнили въ немъ только публициста, другіе—критика, третьи—философа. Всѣмъ, или почти всѣмъ, было чуждо его ученіе въ томъ, что для него самого было всего дороже, т. е. въ своей полнотѣ и цѣльности, въ своемъ основаніи. О достоинствѣ

философскихъ построеній вообще могутъ существовать различныя мнѣнія; но если человѣчество чтитъ имена великихъ мыслителей, создавшихъ системы цѣлостнаго міропониманія, то имя Владиміра Соловьева причтется къ ихъ именамъ. Пусть назовутъ мнѣ въ новѣйшей исторіи мысли философскій синтезъ болѣе широкій, чѣмъ тотъ, который былъ задуманъ имъ съ такой глубиной, такъ ясно, стройно и смѣло. Пусть укажутъ мнѣ философское ученіе, которое, признавая въ полной мѣрѣ результаты современнаго знанія и его строгіе методы, сочетало-бы съ нимъ умозрѣніе столь возвышенное, широкое и смѣлое, столь враждебное всякому догматизму и вмѣстѣ столь непосредственно проникнутое положительными религіозными началами. Художеству мысли въ его твореніяхъ соотвѣтствовало и художественное совершенство ея выраженія, и мы смѣло можемъ признать его однимъ изъ великихъ художниковъ слова не только русской, но и всемірной литературы.

Ученіе Соловьева, ученіе «Положительнаго Всеединства», не было эклектической системой, собранной и составленной искусственно изъ разнородныхъ частей. То былъ живой органическій синтезъ, изумительный по своей творческой оригинальности и стройности, парадоксальный по самой широтѣ своего замысла и проникнутый глубокой, истинной поэзіей. Уже въ раннемъ своемъ сочиненіи, въ «Критикѣ отвлеченныхъ началъ», Владиміръ Соловьевъ раскрываетъ основное свое философское убѣжденіе. Всѣ отдѣльныя философскія начала, всѣ отдѣльные политическіе и нравственные принципы, нашедшіе свое выраженіе въ противоположныхъ ученіяхъ, представляются ему недостаточными и ложными, поскольку они утверждаются въ

своей исключительности и отдѣльности. Принимая одну сторону всеединой истины за цѣлое и утверждая ее, какъ самодовлѣющую, безусловную и полную истину, мы обращаемъ ее въ ложь и приходимъ къ внутреннимъ противорѣчіямъ. И вся философская дѣятельность Вл. С. Соловьева, начавшаяся съ строго-логической, мастерской критики «отвлеченныхъ началъ», состояла въ добросовѣстномъ усиліи «придти въ разумъ истины» и показать положительное, конкретное всеединство этой истины, которая не исключаетъ изъ себя ничего, кромѣ отвлеченнаго утвержденія отдѣльныхъ частныхъ началъ и эгоистическаго самоутвержденія единичной воли.

Въ ученіи Вл. С. Соловьева каждый могъ найти нѣчто свое. И вмѣстѣ каждый, сверхъ своего, находилъ въ немъ и много другого, чуждаго себѣ, казавшагося несовмѣстимымъ. Одно это соединеніе возбуждало противъ него досаду и притомъ съ противоположныхъ сторонъ».

Взглядъ кн. Трубецкого заслуживаетъ самаго сочувственнаго вниманія, за исключеніемъ небольшой исторической неточности: широкій синтезъ Вл. Соловьева, строго говоря, былъ намѣченъ и ранѣе «Критики отвлеченныхъ началъ», а именно въ магистерской диссертаціи «Кризисъ западной философіи».

Въ качествѣ *абсолютнаго Первоначала*, вмѣсто отвлеченныхъ сущностей, о которыхъ говорила философія до Соловьева, въ этомъ трудѣ у него впервые выступаетъ *конкретный Всеединый Духъ*; логически необходимый и абсолютно-цѣлостный ходъ мірового развитія осмысливается и, такъ сказать, оправдывается конечною цѣлію,—возстановленіемъ міра во всеобщности Духа Абсолютнаго. Авторъ этого синтеза даетъ ему яс-

ное опредѣленіе самъ и указываетъ, къ чему должна привести намѣченная имъ система: «Послѣдніе результаты философскаго развитія утверждаютъ въ формѣ раціональнаго познанія тѣ самыя черты, которыя въ формѣ вѣры и духовнаго созерцанія утверждались великими теологическими ученіями Востока; такимъ образомъ, новѣйшая философія съ логическимъ совершенствомъ западной формы стремится соединить полноту содержанія духовныхъ созерцаній Востока; *философія подаетъ руку религіи*».

Сжато выраженное или, вѣрнѣе, только намѣченное міропониманіе Владиміра Соловьева, именно вслѣдствіе своей сжатости, въ свое время подало поводъ къ неосновательнымъ указаніямъ на его пантеистическій характеръ. Если у кого и было такое подозрѣніе, то оно должно неминуемо разсѣяться при ознакомленіи съ сочиненіями, въ которыхъ Вл. Соловьевъ проводитъ свои идеи въ гораздо большемъ масштабѣ.

Тонкій изслѣдователь твореній Соловьева, Э. Л. Радловъ, говоря, что «Критика отвлеченныхъ началъ» является прямымъ дополненіемъ магистерской диссертаціи того-же автора, справедливо замѣчаетъ, что превосходная книга Соловьева имѣетъ цѣнность независимо отъ той цѣли, которой она служитъ, и что «философу, не признающему значенія мистицизма, все-таки приходится считаться съ критикою Соловьева».

Эта «Критика», по опредѣленности своихъ выводовъ, по силѣ и стройности своей структуры тамъ, гдѣ эти выводы не высказываются, а, такъ сказать, сами собою напрашиваются въ сознаніи читателя, можетъ быть отнесена къ числу тѣхъ произведеній почившаго мыслителя, въ которыхъ проявились его *положительные взгляды.*

Вл. Соловьевъ высказываетъ, что нравственная дѣятельность, теоретическое познаніе и художественное творчество человѣка требуютъ безусловныхъ нормъ или критеріевъ соотвѣтственно тріединой нормѣ: *блага*, *истины* и *красоты*.

Реальнымъ предметомъ нравственной дѣятельности должно быть нормальное общество, практически всеединое, въ которомъ всѣ составляютъ цѣль дѣятельности для каждаго и каждый для всѣхъ. Основами желаннаго строя не могутъ быть ни экономическія отношенія, какъ нравственно безразличныя, ни, кажущееся столь многимъ панацеей, правовое государство, такъ-какъ право озабочено лишь предѣлами, а не цѣлью и не содержаніемъ человѣческой дѣятельности; крѣпкой основы человѣчнаго общества можно искать лишь въ мистическомъ, т.-е. *религіозномъ* началѣ, дѣлающемъ человѣка достойнымъ этого имени.

Единство духовной любви должно находить осуществленіе и негаснущій очагъ *въ духовномъ союзѣ или церкви*, опредѣляющей собою неизмѣняемыя безусловныя цѣли человѣческаго общества. Во главѣ всего должна стоять *теократія*, по отношенію къ которой сферы государственная и экономическая являются естественнымъ полемъ воздѣйствія и средою, воплощающей высшее начало.

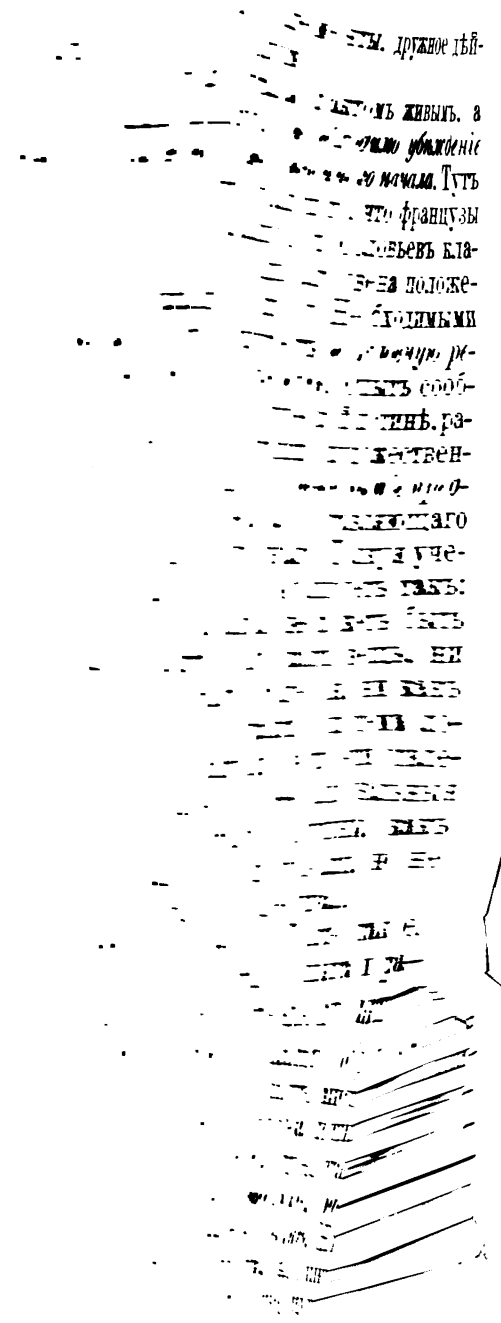
Почившій мыслитель признаетъ и призываетъ, конечно, лишь такую теократію, въ которой-бы духовный и іерархическій авторитетъ и священное преданіе открывали также просторъ и свободной вѣрѣ, и мысли. Отсюда впослѣдствіи естественно вытекала у него идея возсоединенія церкви вселенской, въ которую три главныя христіанскія струи, — католичество, православіе и протестантизмъ, — вносили-бы

. ное о
должна
слѣдні
вержда
тѣ сам
ховнаг
логичес
зомъ, н
вершен
динить
цаній І

Сжа
мѣченн
именно
время
заніямъ
у кого
немину
чиненія
дить св

Тон
Э. Л. І
ныхъ н
магисте
ведлив
ловьева
цѣли,
не при
приход

Эта
выводо
туры т
а, такт
сознан
числу
въ ко
взглядъ



они только объединены и приведены въ стройную систему на основѣ богопознанія и богопочитанія.

Центральное значеніе религіознаго начала въ твореніяхъ Соловьева наглядно выступаетъ почти во всѣхъ, безъ исключенія, его сочиненіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ является ключемъ ко многому, что въ нихъ кажется непонятнымъ читателю поверхностному. Самъ покойный Владиміръ Сергѣевичъ не разъ высказывалъ, что надлежащую оцѣнку ему можетъ дать лишь тотъ, кто хорошо усвоитъ синтетическія положенія «Критики отвлеченныхъ началъ», а также поближе познакомится съ «*Исторіей и будущностію теократіи*», «*Чтеніями о Богочеловѣчествѣ*» и книгою «*La Russie et l' Eglise universelle*».

Первая изъ названныхъ книгъ, наиболѣе дорогая автору, имѣетъ цѣлью, по словамъ его, *оправдать вѣру нашихъ отцовъ, возведя ее на новую ступень разумнаго сознанія, показать, какъ эта древняя вѣра, освобожденная отъ оковъ мѣстнаго обособленія и народнаго самолюбія, совпадаетъ съ вѣчною и вселенскою истиною*».

Къ сожалѣнію, вышелъ только первый томъ этой глубоко-интересной книги, представляющей удачное, не страдающее натяжками примѣненіе теософическихъ взглядовъ Соловьева къ библейской исторіи. Вдова И. С. Аксакова, женщина съ глубокимъ богословскимъ образованіемъ и пламенною вѣрою, по выходѣ въ свѣтъ этой книги написала Владиміру Сергѣевичу восторженное письмо, въ которомъ заявляла, что впервые нашла въ ней полное и непротивное разуму разъясненіе Ветхаго Завѣта, дотолѣ вызывавшаго въ ней много неотвязныхъ тяжелыхъ сомнѣній. Почившій мыслитель весьма гордился такимъ отзывомъ этой замѣчательной женщины, которую считалъ весьма компетент-

ною въ данномъ вопросѣ и съ которою сходился въ своихъ глубочайшихъ мистическихъ вѣрованіяхъ *).

«Чтенія о Богочеловѣчествѣ», а также и «La Russie et l'Eglise universelle» въ части, не посвященной церковной политикѣ, и «Религіозныя основы жизни» (недавно вышло третье изданіе подъ заглавіемъ: «Духовныя основы жизни») являются, такъ сказать, «дѣломъ апостола Павла, съ необычайной ясностію и вмѣстѣ силою внушенія истолковывая нашему остывшему въ религіозномъ отношеніи обществу догматы вѣры, принимаемые одними безъ разсужденія, другими какъ метафоры, третьими какъ устарѣлыя мудрствованія древнихъ философовъ, якобы пристегнутыя къ христіанскому культу искусственно. Наибольшею яркостью и силою отличается названная французская книга, въ которой Владиміръ Соловьевъ выясняетъ свое мистическое вѣрованіе, по его выраженію, «совпадающее съ ученіями древняго Востока» и глубоко-христіанское.

Обильный матеріалъ для этой книги дало нашему философу пребываніе въ Англіи, гдѣ онъ весьма усердно работалъ въ Британскомъ музеѣ, послѣ того, какъ защитилъ съ такимъ громкимъ успѣхомъ свою магистерскую диссертацію. Съ восторгомъ говоритъ почившій мыслитель въ поэмѣ: «*Три свиданія*» о мистическихъ радостяхъ, почерпнутыхъ имъ въ богатомъ книгохранилищѣ:

Забуду-ль васъ, блаженные полгода?
Не призраки минутной красоты,

*) Воспоминанія Вл. С. Соловьева объ А. Ѳ. Аксаковой, прерванныя, увы, на одномъ изъ интереснѣйшихъ мѣстъ, помѣщены въ январьской «Книжкѣ Недѣли» 1901 года.

Не быть людей, не страсти, не природа,—
Всей, всей душой одна владѣла *ты*.

* *
*

Пусть тамъ снуютъ людскія миріады
Подъ грохотъ огнедышащихъ машинъ,
Пусть зиждутся бездушныя громады,—
Святая тишина, я здѣсь одинъ.

Знакомясь съ древними мистиками, оставившими на немъ значительный слѣдъ, стараясь проникнуть въ глубочайшіе тайники оккультизма, Вл. С. Соловьевъ быстро и удачно находилъ въ морѣ книгъ безъ посторонней помощи именно то, что ему было нужно:

И вѣрьте иль не вѣрьте,—видитъ Богъ,
Что тайныя мнѣ силы выбирали
Все, что о *ней* читать *я* только могъ.

Это та «Она», о которой онъ говоритъ:

Подруга вѣчная! тебя не назову я...

О дальнѣйшемъ можно лишь догадываться при ознакомленіи съ нижеслѣдующею системою религіозно-мистическихъ взглядовъ Соловьева.

Положительное всеединство существуетъ, какъ реальный фактъ, какъ *Богъ;* человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, можетъ и долженъ постичь это всеединство, присущее въ идеѣ человѣческому разуму. Воплощеніемъ этого міропониманія, съ его всесторонними жизненными послѣдствіями, должна явиться вселенская церковь, объединяющая въ живое цѣлое весь міръ и все человѣчество, которому она даетъ нормы для всѣхъ видовъ дѣятельности и отвѣты на всѣ вопросы.

Всякое живое существо, по ученію Вл. С. Соловьева, совпадающему и съ толкованіемъ самой Церкви, имѣетъ двѣ основныя категоріи: реальное, *субъективное* бытіе и, во-вторыхъ, идею или *объективную* сущность, обосновывающую это бытіе. Но реальный субъектъ трояко связанъ со своей идеей или объективною сущностью: 1) самимъ *бытіемъ*, 2) *дѣйствіемъ*, какъ обнаруженіемъ этой внутренней субстанціи, т.-е. бытія и 3) *волевымъ актомъ* наслажденія бытіемъ и дѣйствіемъ. Это болѣе разработанная и углубленная формула того, что западные древне-христіанскіе писатели опредѣляли тремя словами: *Esse, scire, velle*,—т. е.: быть, знать, волить или хотѣть.

Указанные три вида бытія, свойственные идеѣ всякаго живого существа, не присущи, однако, въ чистомъ видѣ конечнымъ существамъ, бытіе которыхъ есть фактъ условный и производный, обставленный внѣшними ограниченіями и находящій себѣ оправданіе лишь въ безусловномъ бытіи или Богѣ, Началѣ всѣхъ началъ.

Богъ есть безусловная субстанція, идеалъ и реальность полнаго бытія. Поэтому въ чистомъ видѣ, въ полнотѣ и одновременности, безъ ограниченій, троичность присуща только Богу. Такъ какъ Онъ — все или абсолютное всеединство, то Онъ не ограниченъ пространствомъ; такъ какъ Онъ идеалъ и полнота совершенства, то Его не ограничиваетъ и время, обусловливающее у существъ конечныхъ ступени развитія. Такимъ образомъ, Лица или Ипостаси Божіи не являются ни раздѣльными Его частями, ни исполненіемъ періодовъ существованія Бога.

Примѣняя тройственность конечнаго существа къ Предвѣчному Богу, логически неизбѣжно

приходится признать, что вторая Vпостась, непосредственно порождаясь первою, служить Богу вѣчнымъ выраженіемъ или *словомъ* (Логосъ), а третья исходитъ отъ первой, имѣющей уже проявленіе въ Логосѣ, утверждаетъ ее, какъ выраженную волю. Таковы Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святый, истинная божественность коихъ зиждется на ихъ *нераздѣльности*. По коренному и весьма цѣнному для раціональнаго обоснованія религіи утвержденію Владиміра Соловьева, идея тріединства Божія есть истина, обнаруживаемая не только откровеніемъ, но и умозрительнымъ разумомъ и, какъ любилъ высказывать почившій мыслитель, — это истина реальная.

У Троицы есть абсолютное всеединство, безусловная объективность Ея,—*Софія, Премудрость Божія*, множественность, объединенная и вѣчная въ Божьей вѣчности. Не къ этой-ли «Подругѣ вѣчной» обращается нашъ мыслитель въ автобіографической поэмѣ?..

По мнѣнію Соловьева, идея объединенія божественна, а *раздѣленіе* (или неопредѣленная множественность, которую греки называли *хаосомъ*)—есть потенціальное состояніе, то-есть возможное и допускаемое, какъ *антитеза Божественнаго бытія*. Хаосъ существуетъ въ силу Божьяго произволенія, какъ тѣнь для подчеркиванья свѣта, какъ объектъ побѣды Божьей Истины, идеи Божьяго всемогущества и единства надъ анархической множественностью или «дурною безконечностью». Это побѣда зиждительнаго разума, истины и добра. Софія, Премудрость Божія, побѣждаетъ хаосъ, уличаетъ его во лжи, а затѣмъ благодатью проникаетъ его и даруетъ ему возможность *свободно* возвратиться къ единству.

По мнѣнію Соловьева, напоминающему на первый взглядъ ученія пантеистическія, Богъ, въ качествѣ абсолютнаго бытія, не можетъ имѣть ничего внѣ Себя и во всемъ проявляетъ лишь Свое-же внутреннее содержаніе, различая его отъ Себя, какъ Сущаго. Если-бы взглядъ Соловьева застылъ на этомъ, то совпалъ-бы съ ученіемъ нѣкоторыхъ персидскихъ мистиковъ, которые находятъ, что міръ есть «марево, возникающее надъ бездною вѣчности, какъ надъ океаномъ, чтобы затѣмъ исчезнуть въ той-же безднѣ». Извѣстный персидскій поэтъ Омаръ Хайямъ говоритъ Всевышнему: «*Ты сущность зрѣлища и вмѣстѣ самъ Ты зритель!*»

Но христіанскій мыслитель остановиться на этомъ не можетъ. Онъ говоритъ, что Богъ далъ природѣ (разъединенному единству или хаосу) обособиться, чтобы предоставить ей свободно и сознательно, въ лицѣ человѣка, придти къ Божественному Единству. Тутъ Соловьевъ совпадаетъ съ однимъ изъ величайшихъ древнихъ мыслителей и поэтовъ Востока, — гератскимъ старцемъ Ансари, память котораго весьма чтится въ мусульманскомъ мірѣ.

У Ансари удивительно поэтично, вдохновенно опредѣлена природа хаоса, трогательно описано дѣйствіе благодати Божьей на хаотическій прахъ, и яркими, радостными лучами надежды озаренъ путь человѣка отъ земли къ небу. Въ легендѣ Ансари говорится, что Богъ захотѣлъ изъ персти земной создать Себѣ намѣстника на землѣ, то-есть человѣка, и посылалъ за нею ангеловъ; но она противилась и отвѣчала, что предпочитаетъ удаленіе отъ Бога, — ибо близость Божія ей опасна. Тогда Всевышній велѣлъ Азраилу, ангелу смерти, взять силою горсть праха и принести ее на небо. Азраилъ

принесъ земную персть—и Господь, проливъ на нее дождь Своего милосердія, образовалъ грязь, изъ которой долженъ былъ возникнуть человѣкъ. Ангелы и другіе духи небесные недоумѣвали, изъ-за чего и съ какою цѣлью Господь сорокъ дней и сорокъ ночей трудится надъ этой дерзновенною горстью праха, которая посмѣла противиться Ему? Зачѣмъ Господь съ такой любовью отдѣлываетъ сердце изъ грязи и вкладываетъ его въ этотъ прахъ? И сказалъ имъ Всевышній: «Вы аскеты, вы сухіе келейники, которымъ неизвѣстно страданіе любви. Откуда вамъ знать, какія у меня были и будутъ сношенія и дѣла съ этой перстью земной отъ начала и до конца вѣковъ? Смотрите не на прахъ, а на сердце. Если Я брошу любвеобильный взоръ на твердый камень, то извлеку изъ него любящее сердце! Въ недоумѣніи глядите вы на этотъ прахъ? Но будетъ нѣкогда день—и всѣ вы поклонитесь ему, признаете его первенство».

Эту очаровательную легенду, символически осмысливающую сотвореніе человѣка и его таинственно-возвышенную міровую задачу, Владиміръ Соловьевъ узналъ сравнительно недавно, по переводу проф. В. А. Жуковскаго, уже послѣ выхода въ свѣтъ главныхъ теософическихъ сочиненій нашего мыслителя. Близость его космогоническихъ взглядовъ съ легендою Ансари объясняется тѣмъ, что этотъ послѣдній, какъ истинный суфи, многое почерпнулъ и изъ христіанства, и изъ индійскихъ теологій, близко знакомыхъ Соловьеву.

И нашъ мыслитель усматриваетъ въ мірѣ, возникшемъ отъ дарованной хаосу свободы, прежде всего противоположность основнымъ свойствамъ божественной субстанціи: пространство, какъ законъ раздѣленія, время, какъ законъ

разъединенія, и механическую причинность, какъ законъ внѣшняго и узко-обособленнаго сцѣпленія фактовъ. Сквозь всю жизнь, сквозь всѣ явленія обособленной природы проникаетъ тенденція раздробленія, расчлененія, розни, тенденція хаоса.

Но стремленіе предполагаетъ волю, а воля душу. А стало-быть, *у міра есть душа.* Эта міровая душа—прямая *противоположность Премудрости Божіей*, премудрости сочетанія и объединенія. Эта душа есть особая тварь, основная идея сотвореннаго міра, представляющаго собою, въ нѣкоторомъ родѣ, *Spiegelschrift*, отраженное обратное изображеніе, призрачное представленіе Божественной полноты.

Міровая душа, мать внѣбожественнаго міра, имѣетъ *свободу выбора*: она можетъ поддаться влеченію слѣпыхъ силъ хаоса, ведущихъ къ разъединенію, но можетъ и внять рѣчи Логоса, Сына Божія, привести все къ единству—и свободно слиться съ божественною вѣчностью и Премудростью. Въ ней смутное тяготѣніе къ этому единству—и въ минуты прилива такого чувства природа бываетъ проникнута красотой необычайной,—точно женщина или богиня въ минуту радостнаго вдохновенія!

Покойный Владиміръ Сергѣевичъ былъ удивительно чутокъ къ настроеніямъ природы, въ которой иногда видѣлъ, какъ реальный фактъ, проявленіе духовнаго чувства, точно на человѣческомъ лицѣ. Помню, какъ мы съ нимъ однажды ѣхали изъ Иматры лѣсомъ въ Рауху, гдѣ онъ жилъ зимою 1895 года. Сквозь вѣтви пышныхъ сосенъ и елей ярко сіяла луна. Синеватый снѣгъ сверкалъ милліонами алмазовъ; спорхнувшія стайки синичекъ и снигирей о чемъ-то защебетали, словно весною; воздухъ

былъ напоенъ буквально ароматомъ. Мы онѣмѣли оба, какъ въ опьяненіи, и я невольно воскликнулъ: «Видишь-ли ты Бога»?.. Владиміръ Сергѣевичъ, точно въ полуснѣ, точно предъ нимъ дѣйствительно проходило близкое душѣ его видѣнье, отвѣчалъ: «*Вижу богиню, міровую душу, тоскующую по Единомъ Богѣ!*» Всю дорогу затѣмъ мы промолчали. Онъ погрузился въ свое созерцаніе, а мнѣ, интересовавшемуся тогда, главнымъ образомъ, художественно-символическими сторонами мистицизма, вспоминались видѣнныя мною изображенія индійскихъ двуполыхъ божествъ и фреска великаго германскаго художника-мистика, Арнольда Беклина, «Der Geist der Natur»... Беклинъ, вѣроятно, никогда не читавшій ни твореній Соловьева, ни восточныхъ мистиковъ, изобразилъ просто по художественному чутью духъ природы въ видѣ прекрасной женщины или богини, которую какіе-то полу-люди, полу-чудовища поднимаютъ надъ морскимъ лономъ. Взоръ ея поднятъ къ небесамъ, и въ рукѣ ея свѣтильникъ, пламя котораго зыблется отъ вѣтра...

Вернемся, однако, къ религіозно-мистическимъ созерцаніямъ нашего мыслителя. Пресвятая Троица окружена духами: *чистыми умами*, то-есть, существами исключительно безстрастно-созерцательными, и *ангелами*, которымъ даны свободная воля и движеніе; ихъ свобода полнѣе человѣческой, но и влечетъ за собою роковыя послѣдствія: *одинъ волевой актъ безповоротно рѣшаетъ будущее*, такъ какъ у духа безплотнаго двойственности быть не можетъ. Поэтому ангелъ, отпавшій отъ Бога и возставшій противъ Него, не можетъ вернуться на Божественное лоно: онъ уже навѣки является *злою*

волей, ведущей борьбу съ Богомъ, причемъ міровая душа и міръ являются ареною этой борьбы, какъ среда колеблющаяся и двойственная, тяготѣющая то къ хаосу, то къ Божественной мудрости единства и гармоніи.

Вторая Ѵпостась Божія, Логосъ, является источникомъ объединенія, обнаруживая его въ законѣ всемірнаго тяготѣнія. Въ глазахъ Владиміра Соловьева исторія міра представляетъ собою *космогоническій процессъ, ведущій къ Царству Божію;* съ истинно-художественною находчивостью и большимъ пониманіемъ естественныхъ наукъ, напоминающими англійскаго мыслителя Генри Дреммонда, нашъ философъ объединяетъ взгляды Библіи, метафизики и науки на послѣдовательныя ступени космической исторіи. Заключительною ступенью является сотвореніе человѣка, въ которомъ тварь наиболѣе совершенно, то-есть свободно и взаимно, соединяется съ Богомъ. Э. Л. Радловъ, статья котораго, по необыкновенной ясности и сжатости выраженія, можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для выясненія теософическихъ воззрѣній Соловьева, такъ формулируетъ космическую роль человѣка:

«Премудрость Бога только въ человѣкѣ, а не въ ангелахъ, находитъ усладу, ибо ограниченный и условный характеръ человѣческой свободы дозволяетъ человѣку сохранять и проявлять *свободу выбора* и оставаться, даже послѣ паденія, сотрудникомъ божества. Смыслъ существованія человѣка — внутреннее и свободное объединеніе земной силы и Божественнаго дѣйствія».

Оно должно быть двоякимъ: въ отдѣльномъ человѣкѣ и въ человѣчествѣ. Чтобы познать свое единство, человѣкъ нуждается въ разли-

ченіи половъ,—для чего и создана *женщина*. А для полнаго осуществленія своей «синтетической» міровой задачи человѣкъ долженъ быть членомъ великой, объединенной человѣческой семьи. Соединеніе человѣчества съ Богомъ создаетъ Богочеловѣка, воплощеніе Логоса, то-есть Христа. Христосъ, какъ Единое воплощеніе Богочеловѣческой идеи, и является Творцомъ вѣчнаго звена между небомъ и землею, то-есть Вселенской Церкви.

Дальнѣйшее извѣстно всякому, кто знакомъ, хотя-бы по учебникамъ, съ христіанскою вѣрой. Она была живою вѣрою Владиміра Соловьева, заслуга котораго передъ Богомъ и людьми заключалась именно въ научно-философскомъ обоснованіи вѣры и въ приведеніи къ ней тѣхъ, въ комъ душа не очерствѣла и не утратила способности къ воспріятію благодати, а только остановилась передъ неудовлетворенными запросами разума и самообольщеніемъ малаго, частичнаго и односторонняго знанія.

Интенсивность и полнота вѣры у самого Вл. С. Соловьева были безпримѣрныя: это было личное, не воображаемое, а реально-ощущаемое отношеніе человѣка къ Богу. Съ другой стороны, и существованіе дьявола и бѣсовъ было для него фактомъ, конечно, серьезнымъ и страшнымъ, но вмѣстѣ естественнымъ и столь-же доказаннымъ, какъ существованіе животныхъ или растеній. У него бывали сны, видѣнія или, какъ ихъ принято называть, галлюцинаціи. Но почти каждый мигъ его жизни былъ озаренъ вѣрою неугасимою или посвященъ думамъ о дѣлахъ вѣры. Своей убѣжденностью, личнымъ примѣромъ и неизмѣннымъ соотвѣтствіемъ между словомъ и дѣломъ почившій мыслитель зажигалъ въ ближнихъ или самую вѣру, или, по меньшей

мѣрѣ, живой интересъ къ ней,—чувство, сдѣлавшееся весьма рѣдкимъ и почти невозможнымъ послѣ долгаго изувѣрскаго гнета матеріалистическихъ ученій надъ нашимъ обществомъ.

Одинъ изъ друзей покойнаго, А. П. Саломонъ, недавно высказалъ, вспоминая съ собратьями о почившемъ, что настанетъ время, когда всякій образованный русскій человѣкъ будетъ считать для себя обязательнымъ знакомство съ сочиненіями Владиміра Соловьева, подобно тому, какъ нѣкогда образованный человѣкъ былъ немыслимъ безъ знанія Герцена. Параллель преимущественно формальная, касающаяся величинъ несоизмѣримыхъ въ отношеніи философскаго содержанія и духовныхъ различій: конечно, разница вся въ пользу Соловьева, съ которымъ Герцена, даровитаго «слугу минуты», нельзя и сравнивать. Но публика—дѣйствительно, великій профанъ по части масштабовъ—и на практикѣ предсказаніе названнаго писателя, вѣроятно, сбудется, если только проявляющійся теперь интересъ къ религіознымъ вопросамъ не окажется мимолетною вспышкою, послѣ которой еще наглѣе и громче зашумятъ представители всяческой «животности».

Для распространенія религіозно-философскаго ученія, въ особенности такого глубокаго и сложнаго,—весьма важна талантливая и задушевная его популяризація. Напримѣръ, Фрауэнштедтъ безспорно много сдѣлалъ для ознакомленія публики съ Шопенгауэромъ. Послѣдователямъ Владиміра Соловьева, хотя-бы и не раздѣляющимъ его ученія во всей полнотѣ, предстоитъ на этомъ поприщѣ не мало интересной и благодарной работы. Необходимо только, чтобы производное, временное, случайное, и потому не всегда вѣрное, въ ученіи Соловьева,—не стави-

лось въ главу угла, какъ это дѣлается теперь нѣкоторыми критиками или мнимыми апологетами почившаго мыслителя. Какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ и какъ извѣстно всякому, кто сколько-нибудь зналъ Владиміра Соловьева, главнѣйшимъ изъ главнаго для него было *дѣло вѣры*. Все, что онъ написалъ языкомъ популярныхъ понятій, для такъ называемой большой публики, служило этой коренной цѣли всѣхъ его трудовъ, всей его жизни.

Въ первой главѣ настоящей статьи я вмѣнилъ себѣ въ обязанность прослѣдить фазисы первоначальнаго развитія религіознаго чувства у нашего философа. Недавно въ Москвѣ мнѣ довелось услышать объ одномъ весьма интересномъ фактѣ изъ той-же категоріи. Владиміръ Соловьевъ былъ тамъ весьма друженъ, на почвѣ литературныхъ интересовъ, съ семьею Мартыновыхъ, примыкавшей къ кружку его покойнаго друга, графа Ѳедора Львовича Сологуба. С. М. Мартынова вспомнила теперь знаменательный случай, разсказанный ей Владиміромъ Сергѣевичемъ: когда нашъ философъ былъ ребенкомъ лѣтъ семи или восьми, его дѣдъ-священникъ привелъ его въ алтарь, поставилъ на колѣни передъ престоломъ Всевышняго и, произнеся пламенную молитву, *благословилъ на служеніе Богу*.

Необходимость популяризаціи религіозно-философскихъ взглядовъ сознавалъ и самъ Владиміръ Сергѣевичъ и поработалъ въ этой области чрезвычайно удачно. Въ 80-хъ годахъ, въ періодъ ломки многихъ производныхъ, т.-е. церковно и національно-политическихъ взглядовъ своихъ, почившій мыслитель написалъ книгу «Религіозныя основы жизни», которую нельзя не признать замѣчательною по глубинѣ мысли, кра-

сотѣ и задушевности изложенія и по силѣ религіознаго «внушенія», ею производимаго. Въ ней человѣкъ съ ослабѣвшимъ религіознымъ чувствилищемъ, отдалившійся отъ основъ вѣры и отъ пониманія религіознаго символизма, кажущагося ему собраніемъ устарѣлыхъ и вывѣтрившихся формъ, найдетъ имъ объясненіе, не противорѣчащее разуму, пріятное художественному чувству и отрадное сердцу, если таковое не застыло навѣки; а человѣкъ вѣрующій, но побаивающійся запросовъ собственнаго или чужого разума, будетъ радъ найти въ этомъ произведеніи союзника завѣтнѣйшимъ помысламъ своей души, осмысливающаго весьма своеобразною и сильною аргументаціею главныя основы нашей вѣры. Въ этой книгѣ, напримѣръ, широкое и практичное толкованіе молитвы Господней можетъ быть названо плѣнительнымъ художественнымъ произведеніемъ.

Надо полагать. что именно эта книга, къ которой совершенно неприложимы взводимыя на Соловьева обвиненія въ туманности мистическаго созерцанія, нестройности или измѣнчивости системы его идей,—сдѣлается раньше другихъ его произведеній настольною книгою во всякомъ образованномъ семействѣ, которому не чужды духовные интересы.

«Религіозныя основы жизни» вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ выдержали два изданія, одно за другимъ разошедшіяся, а сравнительно недавно, года два или три назадъ, подъ названіемъ «*Духовныя основы жизни*» вышло третье изданіе, съ предисловіемъ автора, говорящаго, что эта книга можетъ служить дополненіемъ, а для нѣкоторыхъ читателей и замѣною новаго капитальнаго труда его по нравственной философіи. Къ нему мы теперь и перейдемъ.

Заглавіе книги «*Оправданіе добра*» многимъ показалось саркастическимъ: словно намекъ на то, что добро, молъ, уже лишено авторитета и нуждается въ оправданіи. Такое предположеніе неосновательно даже съ лингвистической точки зрѣнія. Покойный Владиміръ Сергѣевичъ, когда его просили «разъяснить» это заглавіе, отдѣлывался иногда полушутливымъ выраженіемъ:

— Вѣдь «оправданіе» можно понять и въ смыслѣ «обоснованія!» Говорятъ-же солидные люди, и безъ всякаго сарказма, объ «оправдательныхъ документахъ»...

Читатель, знакомый съ религіозно-философскими сочиненіями почившаго мыслителя, найдетъ въ «Оправданіи добра» мало новаго по существу. Новы только нѣкоторые выводы, приспособленные къ спеціальной формѣ обработки предмета, а также взгляды производные, опредѣляющіе примѣненіе религіозно-нравственныхъ идей Соловьева къ главнымъ явленіямъ практической жизни. Очень тонко характеризуетъ авторъ взаимоотношеніе между нравственной философіей и религіей:

«Нравственная философія имѣетъ собственный предметъ (нравственныя нормы), независимый отъ положительныхъ религій».

Эти нормы относятся къ религіямъ, какъ чистая математика къ прикладной, то-есть въ извѣстномъ смыслѣ стоятъ даже выше религій и связываютъ ихъ; но съ другой стороны, отъ естественной религіи, подъ которою Вл. С. Соловьевъ разумѣетъ свое теософическое ученіе о всеединомъ цѣломъ, «получаютъ свою разумную санкцію всѣ требованія нравственности».

Признавая исторію осмысленнымъ богочеловѣческимъ процессомъ, авторъ устанавливаетъ *тѣсную связь между нравственностью и исто-*

ріей, осуществляющей ея практическую задачу, то-есть приводящей къ *Царствію Божію*. Постоянно видя предъ человѣчествомъ неугасимое пламя небеснаго Добра, авторъ стоитъ на реальной земной исторической почвѣ, опредѣляя *процессъ совершенствованія*, какъ *собирательный*, въ естественныхъ его формахъ, — *семьѣ*, *народѣ* и *человѣчествѣ*. Глубокимъ психологомъ является Вл. Соловьевъ, усматривая *генезисъ* нравственнаго совершенствованія въ *стыдѣ*, изъ котораго вытекаетъ аскетизмъ, *жалости*, какъ основѣ любви къ ближнему, и *религіозномъ чувствѣ* (pietas), ведущемъ къ признанію божественной воли и свободному, любовному слiянію съ нею. *Любовь — основа всеединства* и богочеловѣческая идея требуетъ любви къ Богу, людямъ и природѣ.

Помимо стройности системы, въ которую облекся самобытный взглядъ Владиміра Соловьева на нравственность, «Оправданіе добра» плѣняетъ и мѣткостью нѣкоторыхъ детальныхъ психологическихъ наблюденій и красотой слога, обнаруживающаго въ Соловьевѣ недюжиннаго стилиста среди ученыхъ.

Въ указанной книгѣ Э. Л. Радловъ отмѣчаетъ, между прочимъ, и мало обнаруживавшійся дотолѣ интересный фактъ, относящійся къ области основныхъ воззрѣній Владиміра Соловьева:

«Характерная особенность воззрѣній Соловьева, связанная съ его ученіемъ о Всеединомъ, заключается въ томъ, что онъ видитъ свободу человѣка лишь *въ выборѣ зла*, но не въ подчиненіи идеѣ добра»...

Ясно, какими выводами можетъ быть чреватъ подобный взглядъ, вполнѣ гармонирующій съ міросозерцаніемъ почившаго мыслителя.

Нельзя не пожалѣть, что онъ не успѣлъ достроить грандіознаго храма своей теософіи, кажущейся и по проекту, т. е. по теоретическому существу, незаконченною тѣмъ, кому естественные выводы изъ нея непосильны.

Сравнительно слабою стороною работы безвременно угасшаго мыслителя является незаконченность ея спеціально-философскаго фундамента, то-есть, именно *теоріи познанія*. Труды Владиміра Сергѣевича въ этой области были прерваны жизненными событіями, въ силу которыхъ онъ обратилъ всю свою энергію на служеніе вопросамъ болѣе прикладнымъ. Надо надѣяться, что ученые философы, раздѣлявшіе воззрѣнія Владиміра Соловьева, восполнятъ пробѣлы его труда и упрочатъ обоснованіе идей, возникновеніе которыхъ они такъ горячо привѣтствовали и творца которыхъ теперь такъ горько оплакиваютъ.

Не удалось покойному также систематизировать свои эстетическіе взгляды, роль которыхъ, разумѣется, весьма важна не только спеціально въ области искусства, но и во всякой жизненной теософической системѣ. На этомъ вопросѣ придется остановиться при анализѣ поэтическаго творчества Соловьева, которое играло сравнительно второстепенную роль въ его дѣятельности.

Въ настоящей главѣ бѣглыми штрихами очерчены основные взгляды Владиміра Соловьева, которымъ онъ не измѣнилъ ни разу и служилъ какъ подвижникъ, словомъ и жизнью, постоянно художественно совершенствуя ихъ выраженіе, расширяя и пополняя предѣлы ихъ воздѣйствія. Въ этомъ онъ, по моему убѣжденію, — громадная, цѣльная и въ своемъ родѣ единственная универсальная и творческая фи-

гура. Не это, однако, создало ему силу,—и тотъ шумъ, который принято смѣшивать со славою. Настоящая слава еще *впереди*,—самая прочная и возвышенная. Вѣчности сподобится тотъ, кто жилъ идеалами вѣчности и служилъ имъ.

Шумъ начался по поводу прикладныхъ и производныхъ произведеній почившаго мыслителя, вызванныхъ измѣнчивою игрою жизненныхъ явленій и относящихся къ области *политики*, церковной и національной. Тутъ Владиміръ Соловьевъ бывалъ и излишне-впечатлителенъ, и пылокъ, какъ зарвавшійся боецъ, и парадоксаленъ, и порою непослѣдователенъ, но *всегда впренъ себѣ по существу* и всегда *свято-честенъ*. Отрицая сегодня тѣ второстепенные выводы, которые вчера отстаивалъ, онъ дѣлалъ это открыто и лойяльно, съ поднятымъ забраломъ, не останавливаясь ни передъ какими жертвами.

Боевая сторона его дѣятельности имѣетъ большой психологическій интересъ, такъ какъ рисуетъ намъ новыя стороны его личности, привлекательной даже въ ошибкахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сильный реактивъ, обнаруживаетъ вокругъ Соловьева невѣроятную путаницу понятій, замѣчаемую даже въ наиболѣе образованной части нашего общества, которое не сумѣло отличить коренного отъ производнаго, большого отъ малаго.

Мнѣ кажется, что именно яркость публицистическаго таланта Соловьева повредила цѣльности впечатлѣнія отъ его творческой личности: она настолько подѣйствовала на нервы общества и критики, что крупный масштабъ, приложимый къ мыслителю, былъ перепутанъ съ масштабомъ гораздо меньшимъ, примѣнимымъ къ публицистическимъ вопросамъ.

Еслибъ у Владиміра Соловьева было *основнымъ* ученіемъ славянофильство, или западничество, или матеріализмъ, или вообще что-нибудь сравнительно узкое, то переходъ отъ одного ученія къ другому могъ-бы быть названъ измѣной (особенно въ случаѣ неполной искренности). Но на дѣлѣ онъ былъ съ первыхъ и до послѣднихъ дней своихъ вѣренъ *всеобъемлющему идеалу абсолютнаго единства*, началу неизмѣримо *высшему*, къ которому все это относилось, какъ малыя вѣтви, шумно гнущіяся по вѣтру событій, относятся къ незыблемому, прямому и крѣпкому стволу, вершиной уходящему въ небеса! Многіе единомышленники Владиміра Соловьева, и особенно наиболѣе шумные, могутъ быть названы лишь *попутчиками* его или птицами, громко пѣвшими на вѣтвяхъ этого дерева, но не знавшими ни основъ его природы, ни смысла его жизни...

III.

Во главѣ третьяго изданія стиховъ Вл. С. Соловьева, помѣщена слѣдующая прекрасная автобіографическая пьеска, вводящая насъ въ завѣтнѣйшіе тайники этой сильно чувствовавшей души, страданія которой происходили оттого, что она была слишкомъ велика для узкихъ земныхъ, и особенно партійныхъ рамокъ. Пророкъ-поэтъ говоритъ о своей мечтѣ-святынѣ, о той идеѣ, которой посвятилъ всю жизнь:

Въ странѣ морозныхъ вьюгъ, среди сѣдыхъ тумановъ,
Явилась ты на свѣтъ,
И, бѣдное дитя, *межъ двухъ враждебныхъ становъ*
Тебѣ пріюта нѣтъ!

* * *

Но не смутятъ тебя воинственные клики,
Звонъ латъ и стукъ мечей!
Въ раздумьи ты стоишь и слушаешь великій
Завѣтъ минувшихъ дней.

**
*

Какъ древле Вышній Богъ избраннику-еврею
Открыться обѣщалъ,—
И Бога своего, молитвой пламенѣя,
Пророкъ въ пустынѣ ждалъ.

**
*

Вотъ грохотъ подъ землей и гулъ прошелъ далёко,
И меркнетъ солнца свѣтъ!..
И дрогнула земля, и страхъ объялъ пророка...
Но въ страхѣ Бога нѣтъ!

**
*

И слѣдомъ шумный вихрь, и бурное дыханье,
И рокотъ въ вышинѣ,
И съ нимъ великій огнь, какъ молніи сверканье,—
Но Бога нѣтъ въ огнѣ!

*
**

И смолкло все, укрощено смятенье...
Пророкъ не даромъ ждалъ:
Вотъ вѣетъ тонкій хладъ,—и въ тайномъ дуновеньѣ
Онъ Бога угадалъ.

Послѣднія двѣ строки перваго куплета, какъ читатели, вѣроятно, замѣтили, совпадаютъ съ откровеннымъ самоопредѣленіемъ гр. Алексѣя Толстого:

Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный...

Для обоихъ этихъ возвышенныхъ русскихъ людей указанная формула, свидѣтельствующая объ ихъ глубокой самобытности, является вмѣстѣ съ тѣмъ и предсказаніемъ. Особенно одинокимъ

и сравнительно мало понятнымъ оказался Владиміръ Соловьевъ. Славянофилъ и глубочайшій русскій патріотъ по своимъ основнымъ воззрѣніямъ, а вначалѣ и по взглядамъ религіозно-политическимъ,—онъ вскорѣ, не измѣнившись по существу, принимаетъ яркій обликъ западника по отношенію къ нѣкоторымъ производнымъ вопросамъ и даже дѣлается, такъ сказать, передовымъ бойцомъ въ этомъ новомъ для него лагерѣ, не взирая на глубокую принципіальную рознь съ такъ-называемыми либералами и демагогами, буйными, нетерпимыми апостолами коллективизма.

Переходя отъ идеи «абсолютнаго Всеединства» къ примѣненію ея на практикѣ, и признавая, что жизнь человѣчества должна быть построена на религіозной основѣ и что во главѣ человѣческаго единенія должна стоять теократія, — Владиміръ Соловьевъ совершенно естественно поднимаетъ вопросъ о *соединеніи церквей*, а въ связи съ этимъ анализируетъ и національную идею съ точки зрѣнія болѣе небесной, чѣмъ земной. Если вдуматься въ сущность его ученія, то какого либо несоотвѣтствія между философскими положеніями и политическими выводами найти нельзя, по крайней мѣрѣ въ статьяхъ, гдѣ онъ говоритъ спокойно; кажущійся, а можетъ быть, отчасти и дѣйствительный, переломъ во взглядахъ замѣчается лишь тамъ, гдѣ нашъ философъ въ полемическомъ пылу доходитъ до нѣкоторыхъ крайностей, отвергая то, что незадолго предъ этимъ горячо утверждалъ. Въ итогѣ, такъ или иначе, получается, однако, довольно рѣзкая перемѣна въ *производныхъ взглядахъ* за краткій періодъ времени, — и притомъ перемѣна, зависѣвшая отъ причинъ внѣшнихъ.

Невольно вспоминается здѣсь одинъ интересный фактъ, о которомъ мнѣ уже приходилось говорить въ печати. Въ одномъ обществѣ людей почтенныхъ, добросовѣстно - либеральныхъ, но, согласно петербургскому кабинетному обычаю, мыслящихъ по шаблону, поднялся вопросъ о томъ, какіе два факта въ исторіи истекшаго столѣтія слѣдуетъ признать рѣшающими для русской жизни. Нѣсколько образованныхъ людей закричали въ одинъ голосъ:— «Конечно, освобожденіе крестьянъ и судебную реформу». Всѣ собирались съ этимъ согласиться и одна дама даже захлопала въ ладоши. Но это единодушіе было прервано неудержимымъ, громкимъ хохотомъ. Смѣялся покойный художникъ Н. Н. Ге. Черезъ минуту онъ заговорилъ серіозно:

— Главныс два факта произошли, — одинъ въ началѣ, другой въ концѣ этого столѣтія. Первый — нашествіе французовъ, положившее начало интенсивной прививкѣ западныхъ правовыхъ и революціонныхъ понятій къ русской жизни; второй, — какъ естественное послѣдствіе перваго,—катастрофа 1-го марта, грозно поставившая передъ обществомъ вопросы совѣсти и религіи. Вотъ, гдѣ причины; а все прочее— производное, дѣти или выкидыши этихъ творческихъ фактовъ.

Помню, какъ Владиміръ Соловьевъ восхищался этой формулой, всю мучительную силу которой онъ испыталъ на своей личности и судьбѣ.

Вскорѣ послѣ 1-го марта онъ произнесъ извѣстную лекцію противъ смертной казни, завѣдомо-безтактную въ политическомъ отношеніи, но являющуюся для Соловьева, какъ проповѣдника ученія Христова,—поступкомъ вполнѣ

послѣдовательнымъ, глубоко-самоотверженнымъ и, по своимъ послѣдствіямъ, даже весьма плодотворнымъ. Онъ совершилъ его не случайно, какъ говорили въ оправданіе ему нѣкоторые друзья,—а вполнѣ обдуманно. Онъ зналъ, что жертвуетъ въ одинъ мигъ всею карьерою, но зато привлекаетъ къ христіанской идеѣ именно ту часть общества, которая была отъ нея наиболѣе далека. Вступившись за жизнь преступниковъ, бывшихъ лишь крайними выразителями тѣхъ разрушительныхъ идей, которыя господствовали надъ умами наиболѣе шумной и подвижной части образованнаго класса, Владиміръ Соловьевъ сдѣлалъ это во имя Бога всепрощенія и любви, о Которомъ эти люди такъ долго забывали. Если раньше Соловьевъ былъ популяренъ,—то послѣ этого рѣзкаго факта престижъ мыслителя и довѣріе къ его словамъ не могли не возрасти: слова, сопровождаемыя самопожертвованіемъ, обладаютъ, конечно, и вдесятеро большею силою внушенія.

Еще за нѣсколько лѣтъ до упомянутой катастрофы Владиміръ Соловьевъ проповѣдывалъ Христову истину и не могъ не видѣть, что слушатели и читатели интересовались его талантомъ, своеобразностью аргументаціи, нравственнымъ обликомъ, эрудиціей, даже внѣшностью,—словомъ, *всѣмъ, кромѣ того, что было для него главнымъ*. Онъ не могъ не видѣть, какъ сильно была разъѣдена матеріализмомъ и равнодушна къ вопросамъ религіи изнервничавшаяся душа тогдашней русской интеллигенціи, и какъ глубока была пропасть между нею и богобоязненнымъ русскимъ народомъ. Онъ это видѣлъ и страдалъ невыразимо.

Цареубійство, на которое онъ съ ужасомъ смотрѣлъ, какъ на актъ нравственнаго самоу-

бійства со стороны обезумѣлой части нашего общества,—еще болѣе убѣдило Владиміра Соловьева въ настоятельной необходимости дойти до этихъ ослѣпленныхъ сердецъ, просвѣтить ихъ вѣчною истиною, служить предъ ними своего рода «литургію оглашенныхъ». Съ этою цѣлью онъ считалъ нужнымъ не противорѣчить большинству прогрессивныхъ взглядовъ этой среды, а лишь умѣрить и постепенно облагородить эти взгляды, связавъ ихъ съ божественымъ ученіемъ, осуществленіе котораго одно только и можетъ поднять уровень общественной жизни до высшихъ нормъ человѣчности.

Соловьевъ видѣлъ опасность языческаго одичанія и со стороны прогрессистовъ, закусившихъ удила, и, не меньше того, со стороны реакціонеровъ, у которыхъ онъ не безъ основанія видѣлъ «бѣлый нигилизмъ», противорѣчащій истинно-охранительнымъ и созидательнымъ основамъ жизни. Главною, важнѣйшею среди этихъ послѣднихъ, онъ считалъ *религію*.

Близкое знакомство съ исторіей и съ современнымъ положеніемъ нашей церкви наводило Владиміра Соловьева на грустныя думы. Въ эту пору былъ, дѣйствительно, особенно нагляденъ и ярокъ церковный недугъ, возникшій еще при Петрѣ Великомъ и затѣмъ втеченіе двухъ столѣтій постепенно обострявшійся до кризиса 60-хъ годовъ, когда новыми ученіями, вторгнувшимися мутною волною въ русскую жизнь, была прорыта глубокая пропасть между церковью и такъ-называемымъ образованнымъ обществомъ. Первая обособилась, точно за крѣпостною стѣною, и подозрительно относилась ко всякому научному или религіозному слову, исходящему изъ свѣтскихъ устъ; общество-же считало «либеральнымъ», т.-е. на языкѣ

тогдашнихъ понятій, похвальнымъ, либо игнорировать все религіозное и церковное, либо вытравлять самыя эти понятія изъ человѣческихъ головъ. Это была какая-то двойная крѣпостная зависимость, подъ гнетомъ которой, сама себѣ не отдавая въ томъ отчета, изнывала русская душа. Такъ дальше идти не могло...

Владиміръ Соловьевъ рѣшилъ стать живымъ мостомъ черезъ эту пропасть и для достиженія своей цѣли не остановился передъ открытымъ исповѣданіемъ взглядовъ, весьма непріятныхъ многимъ и неожиданныхъ для всѣхъ. Не предвидя, чтобы наша церковь, стѣсненная внѣшними условіями и истомленная долгимъ рядомъ неблагопріятныхъ воздѣйствій, могла скоро преуспѣть въ дѣлѣ духовнаго возрожденія общества, онъ обратилъ свои взоры на западъ и пришелъ вначалѣ къ выводу, что самостоятельной римской теократіи скорѣе по силамъ стать краеугольнымъ камнемъ новаго вселенскаго храма. Возстановленіе вселенскаго церковнаго единства, т.-е. соединеніе церквей, онъ считалъ главнымъ, необходимымъ человѣчеству фактомъ, и притомъ, какъ ему тогда казалось, осуществимымъ довольно скоро.

Вдумываясь въ историческую миссію Россіи, Владиміръ Соловьевъ пришелъ къ убѣжденію, что эта миссія заключается именно въ соединеніи церквей. Онъ объяснялъ это какъ историческими завѣтами, такъ и свойствами русскаго духа и государственнаго склада. Византія, разошедшаяся съ католическимъ Римомъ, въ значительной мѣрѣ, вслѣдствіе соревнованія въ области земныхъ интересовъ, передала свои завѣты православія третьей римской имперіи, т.-е. Россіи, у которой есть всѣ данныя не для

соревнованія и вражды, а именно для сближенія съ католичествомъ.

Главный изъ поводовъ къ такому сближенію—естественная, такъ сказать, семейная задача Россіи, заключающаяся въ объединеніи славянъ, принадлежащихъ къ двумъ враждебно соревнующимъ церквамъ. По мнѣнію Владиміра Соловьева, неоднократно высказывавшемуся имъ печатно, объединеніе славянъ недостижимо безъ предварительнаго соединенія церквей.

Впослѣдствіи, въ частныхъ бесѣдахъ, онъ перевернулъ эту формулу, сдѣлалъ ее болѣе практичною и жизненною. Мнѣ случалось нѣсколько разъ слышать отъ него, что *объединеніе славянъ предназначено Россіи судьбою, какъ средство для соединенія церквей*: кровная близость, молъ, и общность расовыхъ интересовъ, которая будетъ рано или поздно сознана, создастъ и почву для наиболѣе *мирнаго обсужденія въ родной семьѣ* вопроса о вселенской церкви. И впрямь, оно такъ выходитъ гораздо осуществимѣе. Къ сожалѣнію, насколько помнится, эта новая формула нигдѣ имъ напечатана не была, но несомнѣнно, что она все болѣе и болѣе входила въ его сознаніе, благодаря такимъ интереснымъ явленіямъ среди католическаго славянства, какъ покойный епископъ Штросмайеръ, личный другъ Соловьева покойный каноникъ Рачки и благополучно здравствующій словенскій поэтъ—священникъ А. А. Ашкерцъ. Какъ извѣстно, эти выдающіеся люди сумѣли соблюсти одновременно вѣрность и своему исповѣданію, и своимъ племеннымъ завѣтамъ.

Но мысль о соединеніи отдѣльныхъ исповѣданій въ единую вселенскую церковь хотя и обострилась у Вл. С. Соловьева подъ вліяніемъ племенныхъ симпатій и общественно-политиче-

скихъ событій, вытекала, однако, непосредственно изъ его теософическаго ученія о всеединствѣ и изъ того религіознаго стремленія, которое выражено въ словахъ ектеніи: «*О мирѣ всего міра, благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ Господу помолимся*».

Обыкновенные христіане только молятся объ этомъ, а Владиміръ Соловьевъ былъ однимъ изъ весьма немногихъ, пожелавшихъ не только молиться и вѣровать, но и служить этому *дѣлами своими*.

И лично онъ былъ именно вселенскимъ христіаниномъ; въ немъ самомъ, какъ совершенно вѣрно замѣтили нѣсколько критиковъ, соединеніе церквей произошло въ душѣ, какъ фактъ реальный, и, надо надѣяться, какъ прообразъ и одинъ изъ первыхъ примѣровъ будущаго религіознаго объединенія всѣхъ христіанъ. Съ этой точки зрѣнія, а также и съ точки зрѣнія громадной заслуги Владиміра Соловьева, какъ пробудителя религіозныхъ чувствъ въ современномъ обществѣ, къ нему могутъ быть отнесены слова Мухаммеда о религіозномъ мыслителѣ Зейдѣ-Ибнъ-Амрѣ: «*Въ день страшнаго суда этотъ человѣкъ одинъ составитъ цѣлую церковь*».

И въ капитальномъ своемъ произведеніи «La Russie et l'Eglise universelle», и въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ статей публицистическаго характера Владиміръ Соловьевъ, въ этотъ первый періодъ проповѣди вселенскаго объединенія, высказывается въ пользу предоставленія первенства именно римской церкви,—и не только потому, что онъ видѣлъ въ ней всѣ преимущества самобытной организаціи, приспособленной къ развитію сообразно съ міровымъ прогрессомъ, но и потому, что признавалъ за

нею правоту въ нѣкоторыхъ историческихъ и догматическихъ спорахъ. Вопросъ, поднятый почившимъ мыслителемъ,—далеко не новый и лишь забытый въ періодъ религіознаго равнодушія,—вновь вызвалъ цѣлую литературу.

Изъ книгъ, отвѣчавшихъ тогдашнимъ церковно-политическимъ взглядамъ Владиміра Соловьева, нельзя не отмѣтить серьезный трудъ княгини Волконской, изданный во Фрейбургѣ въ 1898 г., подъ заглавіемъ: «*Церковное преданіе и русская богословская литература*». Теоретическое рѣшеніе поднятаго авторомъ вопроса приходится предоставить безпристрастнымъ и спеціально-свѣдущимъ богословскимъ писателямъ, а практическое рѣшеніе—будущимъ вѣкамъ, когда всѣ христіанскія ученія неизбѣжно будутъ гонимы буржуазнымъ матеріализмомъ и циничнымъ исповѣданіемъ всякихъ формъ плотоугодія, и когда истинное христіанство естественно объединится подъ натискомъ все болѣе наступательныхъ темныхъ силъ.

Мнѣ приходилось слышать, напримѣръ, отъ католиковъ повѣріе, что настанетъ день, когда римскій папа вынужденъ будетъ искать убѣжища въ Россіи. Въ старой католической духовной литературѣ имѣется весьма интересная пророческая книга ирландскаго епископа Малахіи, дающаго символическія названія будущимъ папамъ и предсказывающаго цѣлый рядъ событій, которыя ознаменуютъ ихъ правленіе. Любопытно то, что многія изъ близкихъ къ нашему времени прозваній и предсказаній уже оправдались; такъ, напримѣръ, папа Пій IX названъ «*Crux de cruce*», Левъ XIII—«*Lumen de coelo*», будущій папа названъ «*Ignis ardens*»; при немъ, по предсказанію Малахіи, анархисты взорвутъ базилику св. Петра. Можетъ быть,

тогда и наступитъ новый фазисъ во взаимныхъ отношеніяхъ церквей. Покуда-же и наблюдателю неспеціалисту ясно, что княгиня Волконская довольно основательно указываетъ на односторонне-враждебное и зачастую недостаточно-вдумчивое отношеніе къ католичеству со стороны православной духовной литературы за послѣднія двадцать лѣтъ; можно-бы только добавить, что въ этомъ одинаково небезгрѣшны и католическіе духовные писатели. Словомъ, работа разобщенія продолжается, а мысль о вселенскомъ объединеніи мерцаетъ лишь въ одинокихъ свѣтлыхъ душахъ, не встрѣчая большого отклика въ обществѣ.

По мнѣнію Соловьева, раздѣленіе церквей, происшедшее въ значительной мѣрѣ въ силу соображеній и обстоятельствъ, имѣющихъ мало общаго съ дѣломъ вѣры, есть результатъ Божьяго попущенія, а не Божьей воли. Оно трагично не столько какъ матеріальное или географическое распаденіе христіанскаго міра на три части, оспариваемыя другъ у друга православными, католиками и отпавшими отъ нихъ протестантами, сколько именно какъ *нарушеніе внутренняго единства* между тремя главными образующими и правящими началами христіанскаго человѣчества.

По мнѣнію почившаго мыслителя, подкрѣпляемому ссылками на указанія Священнаго Писанія и исторіи, — Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть *Царь, Первосвященникъ* и *Пророкъ*. Чтобы составить вселенскую церковь,— христіанскій міръ въ своихъ главныхъ элементахъ долженъ уподобиться Христу. Первосвященникомъ по преимуществу является намѣстникъ апостола Петра въ Римѣ; царемъ по преимуществу, т.-е. въ христіанскомъ смыслѣ слова,

является наслѣдникъ римской имперіи, повелитель третьяго Рима, Русскій Царь, самодержавіе котораго облагодатствовано религіозною санкціей и связано нормами божественной истины; свободная религіозная мысль и дѣятельность воплощается, главнымъ образомъ, въ протестанствѣ.

Роковая для человѣчества рознь произошла отъ того, что Востокъ увлекся цезаропапизмомъ еще во времена византійскія, отдавъ кесарю почти все и не предоставляя Богу почти ничего, подчинивъ церковь свѣтской власти и тѣмъ подвергнувъ судьбы ея случайностямъ произвола, недомыслія и страстей. Западъ создалъ дурную форму теократіи въ видѣ папоцезаризма, т.-е. первосвященникъ заразился «нееѣмановою проказою» свѣтскихъ вожделѣній, властолюбія, корысти и т. д. Протестантскій свободный дѣятель и мыслитель пошелъ по наклонной плоскости раціонализма, доказавъ на опытѣ, что освобожденіе отъ церковнаго авторитета и традицій не приводитъ къ желанной цѣли и что такая свобода «удобопревратна».

Между тѣмъ, если-бы первосвященникъ, царь и свободный дѣятель пришли къ прочному единенію, они могли-бы собирательно совершить то-же богочеловѣческое служеніе, которое Христосъ совершилъ единолично.

Данныхъ для объединенія весьма много: восточное православіе и западное католичество по своимъ образующимъ началамъ не исключаютъ, а восполняютъ другъ друга; ихъ враждебное противоположеніе не вытекаетъ изъ ихъ истинной сущности, а есть лишь временный историческій фактъ.

Люди, вѣрующіе во внутреннюю скрытую силу восточной церкви, не могутъ допустить и

мысли, чтобъ она могла быть «облатынена», какъ того опасаются лица, находящіяся подъ впечатлѣніемъ односторонне-толкуемой исторіи больше, чѣмъ религіи. Въ виду этого мы должны-де желать прямого, свободнаго и дѣятельнаго общенія съ церковнымъ міромъ Запада. Церкви, западная и восточная, должны сохранить и неизбѣжно сохранятъ каждая свое образующее начало и особенности.

Россія, которую Владиміръ Соловьевъ, какъ и Достоевскій, считалъ страною *мессіанской*, въ силу духовныхъ особенностей народа,—не призвана быть только Востокомъ, а должна быть въ высшемъ смыслѣ *третейскимъ судьею въ спорѣ между Востокомъ и Западомъ*.

Чѣмъ болѣе намъ дорога Россія и чѣмъ выше мы ставимъ ея нравственное величіе, тѣмъ болѣе должны считать ея призваніемъ именно служеніе вселенской христіанской истинѣ. А для этого, по мнѣнію В. С. Соловьева, необходимо духовное освобожденіе русскаго народа, который страдаетъ отъ недостатка высшаго религіознаго вліянія и руководительства и отъ крайней недостаточности *дѣйственнаго* христіанскаго начала въ жизни.

Будучи горячимъ сторонникомъ церковности, соблюдая обряды, посты, благоговѣйно почитая таинства и находясь вообще, если такъ можно выразиться, въ самомъ реальномъ общеніи съ небомъ именно черезъ церковь,—Владиміръ Соловьевъ, тѣмъ не менѣе, находилъ, что лучше предоставить людямъ, отпавшимъ отъ церкви, дождаться часа воли Божіей, когда они свободно, по собственному побужденію, вернутся на ея лоно, нежели возсоединять ихъ мѣрами искусственными, земными и не всегда отвѣчающими идеѣ христіанства. Онъ находилъ,

что люди, слишкомъ ревностно стремящіеся *охранить* Истину, которая сильна сама собою, только *хоронятъ*, затемняютъ ее или держатъ подъ спудомъ.

Могъ-ли думать и говорить иначе такой пламенно и мистически-реально вѣрующій человѣкъ, какъ Владиміръ Соловьевъ? Если онъ и былъ чѣмъ либо введенъ въ заблужденіе относительно своевременности и предѣловъ религіозной эмансипаціи, то именно напряженностью собственнаго религіознаго чувства.

Если Истина абсолютна, то все-же не надо забывать и объ относительности человѣческаго пониманія, колеблющагося по волѣ внѣшнихъ событій. Владиміръ Соловьевъ упустилъ изъ виду, что народная масса, не утративъ религіозной основы, отдалилась, однако, особенно на рубежахъ иновѣрія, отъ сознательнаго отношенія къ собственному исповѣданію, что православное духовенство, въ силу ряда историческихъ причинъ, нынѣ понемногу устраняемыхъ, далеко не вездѣ и не всегда стоитъ на высотѣ своей задачи и что интеллигенція наша, сбитая съ толку двухвѣковыми прививками западнаго раціонализма и матеріализма, играетъ покуда лишь отрицательную роль въ дѣлѣ русскаго религіознаго самосознанія.

Въ итогѣ, церковь наша еще нуждается въ заботахъ и огражденіи со стороны свѣтской власти,—тѣмъ болѣе, что Божіе попущеніе, вызвавшее раздѣленіе церквей, и историческіе факты, поддерживающіе это явленіе, отнюдь не отошли еще въ область прошлаго, а ярко окрашиваютъ неприглядную картину настоящаго.

Поэтому религіозно-политическіе взгляды Владиміра Соловьева могутъ быть приняты лишь *какъ идеалъ*, къ которому *необходимо* стремиться

постепенно, а *не какъ программа*, выполнимая немедленно, ибо ея торопливое выполненіе сопряжено съ серьезнымъ рискомъ полной духовной дезорганизаціи.

Это не значитъ, чтобы, принявъ напоминаніе о духовной эмансипаціи и вселенскомъ объединеніи за далекую мечту, слѣдовало отложить на практикѣ всякое о ней попеченіе. Наоборотъ, нѣтъ и не можетъ быть въ Россіи вопроса болѣе важнаго, даже съ точки зрѣнія національной крѣпости ея, какъ вопросъ о подъемѣ религіознаго уровня всѣхъ классовъ народа; если западныя государства, правовыя, языческипромышленныя и рутинно-культурныя, держатся по инерціи, не взирая на разрушеніе религіозныхъ устоевъ, питаясь лишь секуляризованными выводами ихъ и суррогатами или поддѣлками практическаго христіанства,—то молодая мистическая Россія превратится въ трупъ, если утратитъ религію, какъ главную основу своей жизни, какъ источникъ высшей духовной свободы и высшихъ формъ творчества. Разнуздаются инстинкты, рушится даже политическая сила и станетъ гнить все то, что призвано дать человѣчеству благоуханный самобытный цвѣтъ.

Недалекъ и часъ, когда Россія вынуждена будетъ противопоставить свою духовную самобытность натиску западныхъ идей и явленій, наступательно-языческій характеръ которыхъ очерчивается все рѣзче.

Владиміръ Соловьевъ утверждаетъ, что Россіи слѣдуетъ готовиться къ тому, чтобы *исцѣлить* Западную Европу. Идея глубоко-вѣрная. И съ этой точки зрѣнія соединеніе церквей является однимъ изъ насущнѣйшихъ или, вѣрнѣе, самымъ главнымъ изъ міровыхъ вопросовъ. Но и

тутъ нужна *постепенность*, нужно опять-таки помнить, что кромѣ абсолютной истины есть и человѣческая относительность, есть немощи, свойственныя не только народамъ и государствамъ, но и церквамъ. Съ точки зрѣнія даннаго момента церковно-политической жизни народовъ, слѣдуетъ знать, что у каждаго исповѣданія есть свои «данайцы, несущіе дары» и что данайцевъ надо бояться.

Лучшимъ практическимъ урокомъ благородному мыслителю, забывшему о масштабѣ даннаго историческаго момента, явился сравнительно слабый успѣхъ его вселенской проповѣди. Русскіе, такъ называемые, передовые люди, въ программу которыхъ входитъ отрицаніе религіи и тѣмъ паче всякой церковности, пожимали плечами, слыша его проповѣдь, и если терпѣли ее, то въ силу соображеній совсѣмъ постороннихъ. Люди вѣрующіе, но не дошедшіе до пониманія вселенскаго христіанства, и православные и католики, показали, каждые по своему, что жизнь еще не созрѣла для воспринятія этой великой идеи. Здѣсь многіе сочли Владиміра Соловьева отщепенцемъ, чуть не измѣнникомъ, и стали даже разсказывать небылицы о томъ, что онъ и самъ католикъ и другихъ переводитъ въ католичество; эти разсказы утихли только въ самое послѣднее время и окончательно рушились послѣ смерти философа, который отошелъ въ горнія страны, какъ вѣрный сынъ православной церкви. Съ другой стороны, одинъ изъ авторитетнѣйшихъ римскихъ кардиналовъ, по выходѣ въ свѣтъ перваго творенія Владиміра Соловьева, содержавшаго пламенный призывъ къ вселенскому объединенію церквей, не нашелъ ничего лучшаго, какъ написать русскому философу

латинскую эпистолу, приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Возлюбленный во Христѣ, сынъ мой, поспѣшай въ Римъ, чтобы возможно скорѣе присоединиться къ истинной вѣрѣ».

Иныхъ прямыхъ результатовъ вселенская проповѣдь Владиміра Соловьева *пока* не принесла, а католическія симпатіи его съ самаго начала даже повредили успѣху произведеній пылкаго философа и разлучили его со многими прежними единомышленниками и друзьями. Коренилось это, отчасти, какъ оно ни странно на первый взглядъ для такого талантливаго человѣка, въ не вполнѣ удовлетворительной формулировкѣ этихъ воззрѣній, задѣвшей, быть можетъ, и національное самолюбіе и, если можно такъ выразиться, даже исповѣдное самолюбіе нѣкоторыхъ читателей. Вл. Соловьевъ показывалъ мнѣ, напримѣръ, весьма интересное письмо В. В. Розанова, тогда лично ему незнакомаго: названный писатель выразилъ полное сочувствіе идеѣ церковной самобытности, даже теократіи, но національно-русской, *а не подъ эгидой чуждаго намъ Рима*...

Наконецъ, и требованія, предлагавшіяся пылкимъ проповѣдникомъ общественному пониманію, далеко превышали религіозно-нравственную подготовку общества.

Во всемъ его ученіи важно то, что добросовѣстный читатель, человѣкъ, быть можетъ, дотолѣ равнодушный къ религіи, — проникается всею глубиною ея значенія; отвергая перестройку или какія-либо крайности, противорѣчащія русскому духу или историческому складу, онъ ухватывается за мысль объ усовершенствованіи, сохраненіи и оживленіи родного исповѣданія въ самомъ себѣ и ближнихъ.

Весьма любопытно въ данномъ случаѣ, что религіозно-политическіе взгляды Владиміра Соловьева, не измѣнившись по существу, однако, за послѣднія нѣсколько лѣтъ приспособились къ жизненной дѣйствительности даннаго историческаго момента. Почившій мыслитель сталъ все рѣже говорить о *скоромъ* соединеніи церквей, а отъ гегемоніи Рима при нынѣшнихъ условіяхъ отказался. Какъ видно изъ послѣдняго крупнаго произведенія его, «Трехъ разговоровъ», Вл. Соловьевъ пришелъ къ убѣжденію, что соединеніе церквей можетъ осуществиться лишь въ концѣ временъ, на порогѣ вѣчности, а предварительно установятся только болѣе мирныя междуисповѣдныя отношенія.

Перемѣны въ своихъ производныхъ взглядахъ и ошибки въ области исторической перспективы почившій мыслитель умѣлъ признавать открыто и добросовѣстно. Онъ безпрестанно духовно росъ—и сознавалъ это. Приблизительно за мѣсяцъ до его смерти, я попросилъ у него давно изданную брошюру «L'idée russe», въ которой выражались религіозно-политическія воззрѣнія его, сильно окрашенныя тенденціей уніи; онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ? Это отошло! Я живой человѣкъ, а не бронзовая медаль какого-нибудь *изма!*»...

IV.

Шумную извѣстность доставили Владиміру Соловьеву его статьи по національному вопросу, также не сообразованныя съ масштабомъ историческаго момента, но также вполнѣ естественно вытекшія изъ основныхъ воззрѣній мыслителя и представляющія собою драгоцѣнное пособіе

для синтетической выработки русской національной идеи.

Владиміръ Соловьевъ прежде всего проповѣдникъ религіозно-нравственной идеи, потомъ славянофилъ въ главныхъ чертахъ своего политическаго ученія, и затѣмъ уже въ сравнительно малой дозѣ сторонникъ Запада, причемъ не вполнѣ ясно,—какого именно Запада: прежняго, теперешняго или просто воображаемаго.

Онъ справедливо находитъ, что славянофилы, признавъ православіе вселенской церкви за высшее начало нашей жизни, положили истинное основаніе нашему національному сознанію. Ложный и вредный предразсудокъ отдѣляетъ политику отъ нравственности. Россія должна быть не только сильной и громадной, но *достойно существовать*, преодолѣть племенной эгоизмъ, признать свою солидарность съ другими частями человѣчества.

По мнѣнію Соловьева, внѣ-европейская или противо - европейская самобытность наша — пустая претензія. Россія призвана объединять народы, а не кичиться предъ ними, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, германцы; высокое достоинство германской культуры неоспоримо, но все-же принципъ «высшаго культурнаго призванія», которымъ прикрывается всяческая наступательность и безчеловѣчность, есть принципъ жестокій и не истинный.

Идея культурнаго призванія почтенна лишь какъ служеніе. Возводить свой интересъ или свое самомнѣніе въ высшій принципъ для народа—значитъ узаконять и увѣковѣчить международную борьбу. Если на мѣсто высшей идеи ставить національность, то какое-же мѣсто дадутъ вселенской христіанской истинѣ? Чѣмъ значительнѣе народная сила, тѣмъ выше должна

она подниматься надъ національнымъ эгоизмомъ, тѣмъ полнѣе она должна отдаваться своему вселенскому служенію, ибо кому много дано, съ того много и взыщется.

Народы—органы вселенскаго единенія. Національную идею не нужно упразднять, а нужно лишь подчинить идеѣ религіозной. Не требуется того, чтобы народъ пренебрегалъ своими матеріальными интересами и вовсе не думалъ о своемъ особомъ назначеніи: надобно только, чтобъ онъ не въ это полагалъ душу свою.

Владиміръ Соловьевъ проводитъ рѣзкую грань между горделивымъ эгоистичнымъ національнымъ и естественною, облагороженною религіознымъ воздѣйствіемъ, національною идеей. Въ случаѣ коллизіи между ними лучше отказаться отъ патріотизма, чѣмъ отъ совѣсти. Да при нормальныхъ условіяхъ коллизія и невозможна, такъ какъ христіанство спасаетъ народы, а не губитъ ихъ, ибо сверхнародное не есть безнародное.

Самъ народный характеръ, какъ положительная сила, выдвигающая богатырей научной и художественной мысли (Шекспиръ, Мильтонъ, Дарвинъ въ Англіи, Гете, Лейбницъ и др. въ Германіи) обыкновенно противоположенъ національному, какъ явленію, понижающему духовный уровень и имѣющему дѣло съ грубыми инстинктами.

Чтобы проявить истинную народную самобытность, отнюдь не нужно (?) устремлять всѣ силы къ распознанію и упроченію особенностей расоваго типа, а надо прилагать эти силы къ дѣлу. Высшее-же дѣло—водвореніе правды Божьей на землѣ. Это дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ и патріотичное въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Истинный патріотизмъ требуетъ сознанія недостатковъ и національнаго самоотверженія. Такими актами самоотверженія озарена и облагорожена русская исторія, наиболѣе блестящими и знаменательными страницами которой были: призваніе варяговъ, крещеніе Руси греками и воспринятіе западной культуры при посредствѣ петровскихъ реформъ.

Во всемъ этомъ проявилась высокая самобытная черта народнаго характера, а плодомъ этихъ событій, въ особенности послѣдняго, былъ подъемъ оригинальнаго творчества. Соловьевъ находитъ, что хотя полнаго проявленія русскаго духа мы еще не видали, но все, что у насъ было хорошаго и оригинальнаго въ области мысли и творчества, могло явиться только благодаря петровской реформѣ; въ сущности, стало быть, это былъ лишь посѣвъ западныхъ сѣмянъ на благодарной русской почвѣ. Въ виду этого Соловьевъ и находитъ, что мы должны не противопоставлять себя Западу, а тѣснѣе сближаться съ нимъ, такъ какъ иначе неосуществима и внѣшняя задача наша—объединеніе западныхъ славянъ. Самоотреченіе не есть самоубійство, а напротивъ источникъ обновленія жизни, и даже показатель истинной самобытности.

Весьма интересно различеніе Соловьевымъ національной идеи и національзма въ открытомъ письмѣ къ И. С. Аксакову; авторъ ссылается не только на Евангеліе, долженствующее былъ высшимъ руководящимъ началомъ всякой жизни, но и на особенность русской идеи: нашъ народъ называетъ Россію «святою Русью», что свидѣтельствуетъ о религіозно-нравственной основѣ народнаго идеала. Въ виду этого, по мнѣнію Соловьева, какъ уже было

сказано выше, внутреннею задачею Россіи является ея духовное освобожденіе, а новое слово ея въ окружающемъ мірѣ есть прежде всего слово религіознаго примиренія между Востокомъ и Западомъ.

Вотъ, если можно такъ выразиться, «общая часть» соловьевскаго національнаго кодекса. Почившаго мыслителя часто упрекали въ отпаденіи отъ славянофильства; а между тѣмъ, развѣ все изложенное не вѣетъ именно славянофильскимъ духомъ? Вспомнимъ хотя-бы слова кристально-чистаго выразителя русскаго самосознанія, незабвеннаго А. С. Хомякова. Въ знаменитомъ стихотвореніи «Россіи» онъ говоритъ родинѣ, чтобы она не вѣрила льстецамъ:

Не вѣрь, не слушай, не гордись!..

Перечисляя всѣ проявленія матеріальнаго могущества Россіи, поэтъ настаиваетъ на своемъ:

Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!

Приводя нѣсколько примѣровъ погибшихъ царствъ, и величія, павшаго въ прахъ, Хомяковъ заканчиваетъ словами, подъ которыми было-бы совсѣмъ неудивительно увидѣть подпись Владиміра Соловьева:

Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Невѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука.

И вотъ, за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ Свое призванье,

Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начала славы и чудесъ!..
О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему—и, всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!

И станешь въ славѣ ты чудесной,
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный
Прозрачный Вышняго покровъ!

Вообще, у Владиміра Соловьева съ Хомяковымъ чрезвычайно много общаго. Въ прозѣ и стихахъ они говорятъ объ однихъ и тѣхъ-же предметахъ, почти одно и то-же, зачастую въ выраженіяхъ весьма сходныхъ между собою. Соловьевъ только идетъ дальше Хомякова и, исходя изъ ученія объ абсолютномъ всеединствѣ, расходится съ великимъ славянофиломъ нашимъ во взглядѣ на Западъ.

Одной изъ главныхъ домашнихъ обязанностей Россіи Владиміръ Соловьевъ считалъ призваніе «*хранить племенъ святое братство*». Онъ находилъ, что исторія задала намъ три великихъ вопроса, подлежащихъ благородному человѣчному рѣшенію: вопросы *польскій*, восточный или *славянскій*, и *еврейскій*.

Польскій вопросъ былъ особенно дорогъ почившему мыслителю, въ виду содержащагося въ немъ религіознаго элемента. По мнѣнію Соловьева, всякая народность имѣетъ право жить и свободно развивать свои силы, не нарушая такихъ-же правъ другихъ народностей. Тѣмъ большаго уваженія и неприкосновенности достойны самобытныя народныя силы, ярко проявившіяся и продолжающія проявляться во многихъ областяхъ человѣческаго духа.

Сторонникъ вселенскаго объединенія еще важнѣе былъ религіозный мотивъ сочувствія къ полякамъ: онъ чуялъ и призывалъ всѣми силами души возможность положить начало соединенію церквей именно сперва въ нѣдрахъ славянской семьи.

Онъ считалъ, съ русской и общеславянской точекъ зрѣнія, тяжкими преступленіями грубость и недомысліе, а тѣмъ паче предвзятую вражду по отношенію къ Польшѣ. Его мучили малѣйшія ошибки общества или властей въ этихъ отношеніяхъ: онъ находилъ, что и безъ того между двумя родственными народами слишкомъ много мучительныхъ историческихъ счетовъ, что у обѣихъ сторонъ слишкомъ много больныхъ мѣстъ и незажившихъ ранъ.

Особенно волновали его малѣйшіе факты, въ которыхъ была хоть тѣнь стѣсненія вѣры и языка. Если онъ сочувствовалъ какой-либо автономіи Польши, то именно религіозной и культурной, а на политическіе вопросы смотрѣлъ, какъ на нѣчто третьестепенное.

Его симпатія носила характеръ не только отвлеченнаго исканія правды въ междуплеменной политикѣ, но и родственной любви. Когда я однажды замѣтилъ ему, что и нѣкоторые старые славянофилы и позднѣйшій редакторъ славяно-

фильскаго исповѣданія Н. Я. Данилевскій, и, наконецъ, даже кое-какіе смѣлые націоналисты новѣйшей формаціи относятся къ полякамъ не хуже, чѣмъ онъ самъ, и поднимаютъ вопросъ о необходимости справедливо и дальновидно съ точки зрѣнія общеславянской устроить судьбу польскаго народа, — Владиміръ Соловьевъ отвѣчалъ:

— Да, все это такъ, но во всемъ этомъ нѣтъ главнаго.

— Чего же?

— Любви! а она-то и нужнѣе всего въ такихъ вопросахъ, она даетъ и пониманіе мѣры вещей, и чуткость, и всѣ вообще главныя условія успѣха...

А онъ искренно вѣрилъ въ этотъ успѣхъ и, вспоминая кровавые эпизоды изъ «спора славянъ между собою», любилъ цитировать послѣдній куплетъ стихотворенія Ѳ. И. Тютчева «На взятіе Варшавы»:

Ты жъ, братскою стрѣлой пронзенный,
Судебъ свершая приговоръ,—
Ты палъ, орелъ одноплеменный,
На очистительный костеръ!
Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пепелъ мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ Фениксъ, возродится въ немъ!

Въ восточномъ или славянскомъ вопросѣ Владиміръ Соловьевъ отводилъ главное мѣсто религіи, отчасти оставляя въ сторонѣ требованія экономической жизни и просто органическое тяготѣніе славянскихъ племенъ другъ къ другу (наряду, конечно, съ общеизвѣстною славянскою рознью). Во взглядѣ на славянскій вопросъ, или вѣрнѣе, въ своемъ отношеніи къ нему Влади-

міръ Соловьевъ довольно серьезно расходился съ ревнителями славянской самобытности. Быть можетъ, онъ боялся проповѣдію болѣе интенсивной борьбы за славянское объединеніе повредить дѣлу вселенскаго единенія между народами. Для вѣрнаго пониманія Владиміра Соловьева необходимо помнить, что онъ *прежде всего христіанинъ*, а потомъ уже политикъ, и притомъ теоретичный, не всегда справляющійся съ суровыми законами соціологіи и въ частности психологіи народныхъ массъ, примыкающей уже къ кругу естественныхъ наукъ.

Весьма интересно и трогательно отношеніе Владиміра Сергѣевича къ евреямъ. Онъ находилъ, что народъ, бывшій много вѣковъ свѣточемъ единобожія, давшій міру пророковъ, выработавшій основу для христіанства и избранный Провидѣніемъ для воплощенія Богочеловѣка,—такой народъ нельзя признать абсолютнодурнымъ или вреднымъ и недоступнымъ голосу истины. И послѣ того, какъ этотъ народъ, подвергнувшійся заслуженному гнѣву Божію, разсѣялся по всему міру и сталъ претерпѣвать всяческія деморализующія гоненія, онъ однако не переставалъ выдвигать и благородныхъ мыслителей, и яркихъ представителей искусства.

Вскорѣ послѣ безвременной кончины философа, было высказано въ еженедѣльной хроникѣ «Восхода», что В. С. Соловьевъ былъ очень высокаго мнѣнія о современныхъ евреяхъ, словно даже не видѣлъ или не признавалъ ихъ темныхъ сторонъ. Это не совсѣмъ точно. Изучивъ древне-еврейскій языкъ, и прочитавъ Библію въ подлинникѣ, Владиміръ Соловьевъ дѣйствительно относился съ мистической симпатіей къ еврейству и съ мистическимъ почтеніемъ къ его загадочнымъ судьбамъ. Но онъ былъ далекъ отъ

того, чтобы игнорировать или отрицать расовые недостатки евреевъ. Находя, что эти недостатки если не всецѣло созданы, то во всякомъ случаѣ сильно обострены именно многовѣковыми преслѣдованіями и утѣсненіемъ евреевъ другими народами, — почившій мыслитель усматривалъ единственное человѣчное и вмѣстѣ практичное разрѣшеніе этого наболѣвшаго вопроса—*исключительно въ христіанской любви*. Мнѣ случилось однажды быть свидѣтелемъ его спора съ однимъ антисемитомъ, причемъ, насколько мнѣ кажется, покойный Владиміръ Сергѣевичъ формулировалъ свои взгляды тогда удачнѣе, чѣмъ даже въ статьяхъ, посвященныхъ тому-же вопросу. Помню, говорилъ онъ приблизительно слѣдующее:

— Я не отрицаю ни еврейскихъ недостатковъ, ни необходимости ихъ устраненія. Но такъ какъ попытки лѣченія этихъ недуговъ посредствомъ вражды, насмѣшекъ или ограниченій, достигали результата противоположнаго, то, стало быть, надо дѣйствовать иначе. Въ нашемъ обществѣ замѣчается двоякое отношеніе къ евреямъ: одни находятъ, что все еврейское скверно, всѣ евреи невыносимы и потому... мало-ли до какихъ выводовъ можно дойти, исходя изъ такой точки зрѣнія? Другіе, руководствуясь космополитическимъ и нравственнымъ безразличіемъ, утверждаютъ, что все обстоитъ благополучно, что приписываемые евреямъ недостатки и вредное воздѣйствіе ихъ на жизнь среды—пустыя росказни, а потому лучшее, что можно сдѣлать для рѣшенія еврейскаго вопроса—это признать его несуществующимъ. Оба эти взгляда,—говорилъ Соловьевъ, — я считаю неправильными. Не надо ни скрывать чьихъ-либо недостатковъ, ни преувеличивать, обобщать и обострять ихъ,

а необходимо воздѣйствовать на нихъ мѣрами воспитательными. Всякое христіанское государство, а въ особенности Россія, государство мессіанское по преимуществу, есть учрежденіе воспитательное. Основою же всякаго воспитанія можетъ быть только любовь и взаимное довѣріе. Объ этомъ прежде всего и надо подумать. Многовѣковая исторія евреевъ создала у нихъ то нервное настроеніе, которымъ большею частью исключается довѣріе къ словамъ иновѣрца, хотя бы и доброжелательнаго. Стало быть, надо сперва установить это «нравственное сообщеніе», чтобы затѣмъ цѣлительно воздѣйствовать на еврейскую среду. Евреи выслушаютъ безъ раздраженія и горькую правду отъ человѣка, въ доброжелательности котораго они убѣждены...

Такимъ человѣкомъ и былъ всю жизнь покойный Владиміръ Сергѣевичъ, говорившій о евреяхъ не съ точки зрѣнія возведенія въ принципъ безразличнаго отношенія къ добру и злу, а съ точки зрѣнія христіанской человѣчности и нравственнаго достоинства великаго русскаго народа, призваннаго воспитывать семью другихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Имперіи.

Мнѣ пришлось также присутствовать при слѣдующемъ характерномъ спорѣ Владиміра Соловьева по дѣлу Дрейфуса. Поборникъ франко-русскаго союза и почитатель доблестной французской арміи спросилъ прямо:

— Полагаете-ли вы, что Дрейфусъ виновенъ въ измѣнѣ?

— Не знаю,—отвѣтилъ Соловьевъ,—такъ какъ съ самаго начала вопросъ былъ тенденціозно запутанъ и Дрейфуса лишили необходимыхъ всякому обвиняемому правовыхъ гарантій, только потому, что онъ еврей и что затронута была честь военнаго вѣдомства. Потомъ евреи

и люди, имъ сочувствующіе, впали тоже въ соотвѣтственную партійную крайность; торговыя предпріятія, именуемыя газетами, нагромоздили такую кучу вымысловъ и вздору, что теперь уже мудрено добраться до истины. Съ первой и до послѣдней минуты это не судъ, а борьба партій....

— Но позвольте! Вѣдь это дѣло взбудоражило цѣлую великую державу, взволновало всю Европу! Подумайте, *не проще-ли было-бы одному человѣку погибнуть, даже если его виновность не вполнѣ доказана*, нежели цѣлой странѣ съ многомилліоннымъ населеніемъ страдать изъ-за него?!...

— Я этого ждалъ и спѣшу подчеркнуть! По роковой ироніи судьбы, христіане въ дѣлѣ Дрейфуса склонны разсуждать именно такъ, какъ разсуждали еврейскіе книжники и фарисеи о Христѣ: лучше, молъ, одному человѣку погибнуть, нежели страдать и волноваться цѣлому народу. Разсчетъ математическій, но не христіанскій. Вѣдь личность человѣка есть цѣнность *безусловная*—и жертвовать ею хотя-бы ради спокойствія цѣлаго міра отнюдь нельзя.

— Но вы признаете, что сторонники Дрейфуса подняли цѣлую агитацію?

— Конечно, это въ порядкѣ вещей. Коль скоро былъ данъ къ тому поводъ, то и агитація извинительна.

— Это типичная нѣмецко-еврейская интрига!

— Не доказано, но допускаю ..

— И что-же?

— И ничего.

— Какъ?

— Очень просто. Если это такъ, то Германія вѣрна общепринятой европейской безнравственной политикѣ; евреи-же... у евреевъ есть

старые счеты—и немудрено, что они пользуются случаемъ сводить ихъ. На такія явленія нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія только преходящихъ политическихъ интересовъ момента.

— Ну что-жъ? Прикажете давать себя на съѣденіе сплоченному еврейству?

— Если есть опасность «съѣденія», въ чемъ я не увѣренъ, то съѣденію надо воспротивиться, кто-бы ни проявилъ аппетитъ,—евреи или другіе люди.

— А, вотъ видите! Значитъ, надо бороться?

— Да, но *не всякими средствами!* Прежде всего надо быть *справедливыми и человѣчными* по отношенію ко всѣмъ, къ друзьямъ и врагамъ.

— Простите, это общее мѣсто...

— Это должно быть общимъ явленіемъ; въ частности-же евреямъ слѣдуетъ почаще давать чувствовать, что несправедливость имъ не угрожаетъ. Тогда и состоится примиреніе, которое исторія такъ затормозила...

— Вы уже берете широкія линіи...

— Да, въ узкихъ мнѣ тѣсновато,—добродушно заключилъ кроткій философъ, считая вопросъ исчерпаннымъ.

Владиміръ Соловьевъ былъ однимъ изъ немногихъ людей, которымъ возможно, не возбуждая нелестныхъ подозрѣній, сочувственно говорить о народности, исторически обвиняемой въ умѣніи хорошо оплачивать своихъ заступниковъ. Какъ человѣкъ не отъ міра сего, не придававшій ни малѣйшаго значенія бреннымъ благамъ и жившій, какъ птица небесная, заботясь лишь о постоянной гармоніи между словомъ и дѣломъ, покойный Владиміръ Сергѣевичъ могъ говорить свободно и внѣ всякихъ подозрѣній.

Взгляды на еврейскій вопросъ и на способы его разрѣшенія могутъ быть различны, но врядъ-

ли можно отрицать благотворное воздѣйствіе такихъ явленій, какъ Владиміръ Соловьевъ: пламенный христіанинъ, горячій ревнитель христіанской правды въ человѣческихъ отношеніяхъ, внушающій евреямъ безграничное довѣріе и любовь къ нему, а черезъ него и къ тому животворящему началу, которое было основой и смысломъ его жизни.

Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ трогательную аналогію съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ іерарховъ нашей Церкви, херсонскимъ епископомъ Димитріемъ, который пользовался искреннѣйшимъ уваженіемъ и любовію не только своей паствы, но и всего мѣстнаго еврейскаго населенія и неоднократно, благодаря своему престижу, вліялъ на него благотворнѣйшимъ образомъ. Мнѣ довелось видѣть у родственниковъ почившаго іерарха еврейскую Библію, поднесенную ему благодарнымъ еврейскимъ обществомъ города Одессы 27 октября 1874 года, когда онъ въ первый разъ покидалъ каѳедру. На бронзовой дощечкѣ переплета, кромѣ соотвѣтственной случаю надписи, помѣщено весьма характерно выбранное изреченіе изъ Псалтири: «*Уста праведника изрекаютъ премудрость, и языкъ его произноситъ истину; законъ Бога его въ сердцѣ у него, стопы его не колеблются*»...

Владиміръ Соловьевъ относился вообще ко всѣмъ (или почти ко всѣмъ) инородцамъ съ большимъ сочувствіемъ и состраданіемъ, принципіально отстаивая ихъ права и племенную самобытность, когда усматривалъ въ чемъ-либо покушеніе на нихъ. Онъ находилъ, что нельзя смѣшивать государственное единство съ племеннымъ, такъ какъ это повлекло-бы посягательства на духовную свободу и на особенно-

сти, созданныя природой и потому не подлежащія искусственному уничтоженію, всегда вызывающему страданія и раздраженіе.

Онъ не былъ, какъ это многіе утверждаютъ, противникомъ русской національной идеи или отрицателемъ нашей духовной самобытности; наоборотъ, онъ *желалъ возникновенія русской «истинно-національной партіи»* въ печати и обществѣ, но находилъ, что она должна быть свободна отъ эгоистически-грубаго патріотизма и даже отъ преимущественно-политическаго направленія, такъ какъ, по его мнѣнію, наступательный девизъ, вродѣ «Deutschland ueber Alles», мало подходитъ къ понятію и міровому призванію Святой Руси. *Святорусскою* задачею онъ считалъ примиреніе Востока съ Западомъ, сочетаніе русскаго мессіанства съ высшими дарами западной культуры, и, въ результатѣ, миръ всего міра.

Такова «*статика*» національныхъ идей Владиміра Соловьева, весьма близко примыкавшая принципіально къ славянофильскому ученію и имѣющая цѣну не столько какъ программа практической дѣятельности, сколько какъ *направленіе*.

Во многихъ отношеніяхъ его взгляды противорѣчили реальнымъ запросамъ жизни,—и напримѣръ, администраторъ, который-бы захотѣлъ немедленно дѣйствовать «по Соловьеву», рисковалъ-бы надѣлать немало ошибокъ. Большая часть русской либерально-космополитической печати дѣлаетъ подобныя ошибки сознательно и порою небезкорыстно, яростно отстаивая самыя нелѣпыя сепаратистскія тенденціи всякихъ россійскихъ инородцевъ и вводя въ принудительную программу русскаго либерализма отрицаніе русскихъ племенныхъ интере-

совъ и пожертвованіе ими въ пользу кого угодно. Это, конечно, уже каррикатурное примѣненіе высокихъ взглядовъ мыслителя,—каррикатурное и неискреннее.

Онъ былъ не столько политикъ, сколько человѣкъ высокаго духа, не всегда примѣнимаго въ политикѣ. Но и совершенное отрѣшеніе отъ этого духа повлекло-бы за собою одичаніе людей и учрежденій, слагающихъ жизнь или руководящихъ ею.

Весьма цѣнны взгляды Владиміра Соловьева *для провѣрки и очищенія русской національной идеи* и для созданія новой ея формулы, отвѣчающей накопившемуся пестрому жизненному матеріалу. Если національная формула государствъ, съ болѣе или менѣе однороднымъ племеннымъ составомъ и опредѣленно выразившимся народнымъ характеромъ, все-таки мѣняется подъ вліяніемъ жизненныхъ событій и культурнаго роста, то тѣмъ болѣе неизбѣжны такія перемѣны въ многоплеменной Имперіи, испытывавшей на себѣ рядъ прививокъ, вліяній западныхъ и восточныхъ.

Въ настоящій моментъ русское общество все болѣе проникается сознаніемъ необходимости выработать болѣе детально свое національно-политическое исповѣданіе. Какъ мнѣ уже однажды пришлось въ другомъ мѣстѣ *) высказать это, Владиміръ Соловьевъ даетъ для этого сплава чистое золото самоотверженія и даже самопожертвованія, выходящаго далеко за предѣлы того, что называется политикой. Выражаясь иносказательно, врядъ-ли можно безъ лигатуры сдѣлать какой-нибудь прочный пред-

*) «Судьбы произведеній Пушкина» («Кавказская поминка о Пушкинѣ», Тифлисъ, 1899 г., изданіе редакціи газеты «Кавказъ»).

метъ изъ такого мягкаго золота. Но почившій мыслитель зналъ, что лигатуры много и въ природѣ, и въ общественной жизни: за нею дѣло не станетъ.

Можно не соглашаться съ изложенными взглядами Соловьева или считать ихъ непрактичными, хотя-бы по отношенію къ данному историческому моменту, но трудно не проникнуться уваженіемъ къ ихъ носителю, напоминавшему людямъ объ *идеалахъ* и предостерегавшему отъ служенія *идоламъ*, къ которому человѣчество склонно при всякихъ обстоятельствахъ и подъ всякими предлогами.

Менѣе благопріятное впечатлѣніе производитъ, съ національной точки зрѣнія нормальнаго русскаго человѣка, такъ сказать, «*динамика*» національныхъ взглядовъ нашего философа. Въ полемическомъ пылу ему случалось быть болѣе блестящимъ, нежели глубокимъ, случалось терять равновѣсіе и впадать даже въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собой. Очень характерна въ этомъ отношеніи его критика извѣстной книги Н. Я. Данилевскаго «Россія и Европа».

Владиміръ Соловьевъ безъ особеннаго труда разбиваетъ искусственную теорію дѣленія человѣчества на культурно-историческіе типы. Онъ основательно считаетъ эту мысль не русскою, а заимствованною у Рюккерта, который, кстати сказать, самъ позаимствовалъ эту богатую натяжками систему у писателя, ближе стоящаго къ дѣлу. Любопытно то, что ни самъ Н. Я. Данилевскій, ни его суровый критикъ В. С. Соловьевъ, не указываютъ при этомъ на книгу графа Гобино (Essai sur l'inégalité des races humaines), въ которой наиболѣе серіозно проводится идея дѣленія человѣчества на рѣз-

кія самобытныя группы, причемъ авторъ гораздо ближе къ природѣ, нежели Н. Я. Данилевскій, у котораго классификація носитъ скорѣе художественный, нежели реальный характеръ и потому легко можетъ быть уличена въ произвольности. Эта произвольность весьма легко и обличается Владиміромъ Соловьевымъ при помощи данныхъ историческихъ, среди которыхъ особенный интересъ представляютъ судьбы сверхнародныхъ религій, какъ напримѣръ буддизма, ислама и др.

Напоминая Данилевскому или, вѣрнѣе, его послѣдователямъ, что истинно-великія историческія явленія были сопряжены съ разрывомъ національной ограниченности, Владиміръ Соловьевъ, однако, какъ будто забываетъ о самобытной работѣ, происходящей въ нѣдрахъ обособленныхъ народовъ и *подготовляющей* все великое сверхнародное.

Разбивая систему и нѣкоторые аргументы Данилевскаго, онъ далеко не опровергаетъ этимъ основную мысль «Россіи и Европы», а тѣмъ не менѣе торопится даже высказать, что Данилевскій долженъ-бы отречься и отъ самыхъ *мотивовъ* своего труда.

Тутъ кроется какая-то неточность: въ сущности, если вдуматься въ ученія обоихъ авторовъ, то станетъ ясно, что *споръ идетъ не столько о самомъ фактѣ самобытности, сколько о ея предѣлахъ и напряженности.*

Между тѣмъ, Владиміръ Соловьевъ даже силится доказать, что у насъ нѣтъ *ничего* самобытнаго, неподражательнаго: ни литературы, ни науки, ни философіи, ни искусства; все, молъ, возникло лишь благодаря петровской реформѣ.

Послѣднее положеніе еще не подтверждаетъ, однако, перваго, ибо post-hoc не есть еще propter-

ter-hoc. Петровская реформа могла дать толчокъ проявленію самобытности, вопросъ о которой долженъ быть обсуждаемъ отдѣльно. Даже если формы творчества заимствованы у Запада или сами по себѣ сходны съ западными, то это еще не предрѣшаетъ вопроса о самобытности. Главное заключается въ томъ, *что* говоритъ тотъ или иной авторъ и *какъ* онъ высказывается. Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать глубокосамобытными, истинно-русскими и только русскими писателями и Достоевскаго, и гр. Л. Н. Толстого (конечно, только какъ романиста), и Пушкина, а изъ второстепенныхъ, но крупныхъ дарованій, напримѣръ, гр. Алексѣя Толстого и Н. С. Лѣскова.

Нигдѣ въ западныхъ литературахъ нѣтъ такой, если можно такъ выразиться, *органической связи между идеализмомъ и реализмомъ*, какъ въ русской. Это очень мѣтко охарактеризовалъ Вогюэ въ своей прекрасной книгѣ о русскомъ романѣ.

Стремленіе стушевать эти яркія самобытныя черты, отвѣчающія, вдобавокъ, его собственному духовному складу,—со стороны почившаго философа является нѣкоторою натяжкой. Повидимому, онъ желалъ, *во что-бы то ни стало*, доказать основательность своихъ тезисовъ,—а это всегда приводитъ къ ошибкамъ. Такъ, напримѣръ, его странныя и огорчившія многихъ русскихъ людей статьи о Пушкинѣ не могутъ быть объяснены ни чѣмъ инымъ, кромѣ особаго задора, въ связи съ нежеланіемъ, чтобы общество сотворило себѣ въ лицѣ великаго поэта кумиръ національнизма.

Въ своей бѣглой критикѣ русскаго искусства Владиміръ Соловьевъ даже не даетъ себѣ труда присмотрѣться къ вопросу поближе. Ука-

зывая, что наша литература за послѣдніе года падаетъ, онъ приписываетъ такое-же явленіе и живописи и музыкѣ, въ которыхъ, молъ, послѣ Иванова и Глинки ничего крупнаго и самобытнаго не сдѣлано. Это уже прямо невѣрно, такъ какъ Рѣпинъ и Васнецовъ сильно двинули впередъ русскую живопись въ отношеніи не только техники, но и проявленія національной самобытности. То-же можно сказать о Сѣровѣ, Чайковскомъ и Даргомыжскомъ въ области музыки.

Относительно науки можно согласиться съ Владиміромъ Соловьевымъ, въ томъ, что она у насъ не самобытна и вообще слаба; что-же касается до философіи, то лучшимъ возраженіемъ Владиміру Соловьеву выступаетъ на дѣлѣ *самъ почившій философъ*, громадная теософическая работа котораго является лучшимъ образцомъ *именно русской самобытности въ этой области*. Стало быть, далеко ходить за аргументами противъ упомянутыхъ крайнихъ увлеченій Соловьева не приходится.

Въ сильно нашумѣвшихъ двухъ томахъ «Національнаго вопроса въ Россіи», Владиміръ Соловьевъ, оспаривая славянофиловъ, съ которыми близокъ по существу, и славянофильство, которому вѣренъ въ основѣ,—неоднократно указываетъ на необходимость нашего тѣснѣйшаго сближенія съ Западомъ. Но онъ недостаточно ясно опредѣляетъ, о какомъ именно Западѣ идетъ рѣчь: о Западѣ Шекспира, Данта, Ньютона, Лессинга, Гумбольдта, Карлейля и другихъ свѣточей разума, или о Западѣ панамистовъ, Чемберлэна, Ницше и другихъ людей и явленій, дающихъ главную окраску современной западной жизни?

Вначалѣ, когда почившій мыслитель болѣе спеціально занимался основами своего ученія,

онъ и въ области политической выражался опредѣленнѣе. Достаточно вспомнить слова, уже приведенныя въ началѣ настоящей статьи:

«Мы должны-же, наконецъ, увидѣть свое жалкое положеніе, должны постараться возстановить въ себѣ русскій народный характеръ, перестать творить себѣ кумира изъ всякой узкой и ничтожной идейки...»

Врядъ-ли можно спорить о томъ, что Владиміръ Соловьевъ имѣлъ въ виду именно идейки современнаго Запада, усваиваемыя частью нашего общества на обезьяній манеръ. Когда онъ въ томъ-же публичномъ чтеніи («Три силы») говорилъ о *мнимо-научной школьной дряни*, которая наполняетъ нашу голову, то имѣлъ въ виду, конечно, опять-таки плоды заблужденій, сфабрикованныхъ на Западѣ.

Несомнѣнно, что онъ и въ дальнѣйшее время оставался вѣренъ этимъ взглядамъ, но только, либо самъ того не замѣчая, либо руководствуясь соображеніями своей *политики*, не высказывался съ достаточною опредѣленностью.

Отсюда и получались какъ-будто нѣкоторыя противорѣчія. Проповѣдуя, напримѣръ, сближеніе съ Западомъ и съ идеей правового порядка на столбцахъ «Вѣстника Европы», онъ въ другомъ мѣстѣ, однако, умѣлъ весьма опредѣленно разграничивать различныя міросозерцанія и формы общественнаго строя:

«*Въ царствѣ силы* слабые всецѣло приносятся въ жертву сильнымъ, сильные живутъ на счетъ слабыхъ, питаются ихъ трудомъ».

«*Царство закона* не хочетъ знать ни сильныхъ, ни слабыхъ; оно предоставляетъ каждому стоять за себя въ извѣстныхъ предѣлахъ и не заботится ни о комъ за этими предѣлами, такъ что, въ практическомъ результатѣ, царство закона

есть то-же *царство силы, только ограниченной и уравновѣшенной*».

«*Въ царствѣ благотворенія* сильные и богатые добровольно приносятъ себя въ жертву слабымъ и бѣднымъ; эти послѣдніе живутъ на счетъ первыхъ и кормятся ими: одни—давая ради Бога, другіе—прося и принимая ради Бога, сохраняютъ и вполнѣ проявляютъ свое *нравственное* достоинство, одинаково возвышаясь надъ произволомъ грубой силы и надъ *равнодушіемъ* закона».

Владиміръ Соловьевъ, какъ истинный христіанинъ, прекрасно понималъ, на какой безчеловѣчной языческой основѣ зиждится это равнодушіе закона, и кому оно на-руку.

Онъ зналъ и нерѣдко высказывалъ, что правовой либерализмъ, выродившійся въ буржуазность, есть исповѣданіе и политическое орудіе опредѣленнаго общественнаго класса,—средство для перехода власти отъ грубыхъ и мужественныхъ въ руки корыстныхъ и изворотливыхъ, дѣйствующихъ «на законномъ основаніи», т. е., на практикѣ, съ обходомъ не только морали, но и самого закона.

Какъ христіанинъ и другъ свободы въ высшемъ смыслѣ этого слова, Владиміръ Соловьевъ, конечно, не могъ быть либераломъ въ духѣ буржуазно-плутократическомъ. Недаромъ одна тифлисская армянская газетка, печатающаяся русскими буквами и служащая обѣленію «правомѣрнаго нечестія» мѣстныхъ темныхъ дѣльцовъ, назвала Соловьева «консервативнымъ писателемъ».

Честнѣе было бы признать, что онъ писатель самый прогрессивный, такъ какъ переросъ условныя мертвыя формулы.

Но онъ находилъ, что правовой порядокъ

ёсть всетаки шагъ впередъ противъ прежняго самодурства, и что борьба противъ идей этого порядка, а не его изъяновъ, зачастую является откровенною или замаскированною тенденціею произвола, или даже плодомъ «внушеній хаоса».

При анализѣ твореній Владиміра Соловьева, необходимо помнить его главную практическую цѣль, заключавшуюся, по моему глубочайшему убѣжденію, въ томъ, чтобы *влить струю христіанской вѣры въ сердца представителей прогрессивной мысли въ Россіи*. Ради этого онъ долженъ былъ прибѣгать и къ недомолвкамъ и, какъ принято выражаться, даже къ компромиссамъ, не наносившимъ ущерба его нравственному достоинству, такъ какъ для себя лично онъ ничего не искалъ и никакихъ благъ земныхъ не желалъ.

Онъ смотрѣлъ на міръ, какъ на плохой постоялый дворъ, въ которомъ достаточно устроиться какъ попало, но надо попутно принести духовную пользу людямъ.

Ради этой пользы можно позволить себѣ и кое-какую политику.

Послѣдняго онъ и не скрывалъ въ задушевныхъ бесѣдахъ. У меня хранится весьма интересное письмо, не подлежащее пока опубликованію цѣликомъ, такъ какъ въ немъ есть упоминаніе о нѣсколькихъ лицахъ, благополучно здравствующихъ; но кое-какіе отрывки могутъ и сейчасъ послужить нѣкоторой иллюстраціей къ вышесказанному.

В. С. Соловьевъ написалъ это письмо по поводу одного коллективнаго шага представителей печати, увѣнчавшагося, согласно предсказанію почившаго философа, самыми отрицательными результатами. Вотъ, что пишетъ Владиміръ Сергѣевичъ:

«Просительное обращеніе вовсе не есть заявленіе принциповъ. Принципально защищать свободу печати и критиковать стѣсняющіе ее законы не возбраняется и въ самой печати; такую защиту и такую критику я еще недавно производилъ по болѣе щекотливому и болѣе важному предмету — свободы религіозной. Обращеніе-же, о которомъ идетъ рѣчь, не есть принципіальное заявленіе, а практическій шагъ для достиженія положительнаго результата (въ смыслѣ внѣшней, легальной реализаціи даннаго принципа). Значитъ, суть дѣла здѣсь въ *цѣлесообразности* извѣстнаго средства, въ его пригодности для этой *практической* цѣли. Разумѣется, успѣхъ предпріятія можетъ быть и не во власти предпринимающихъ, но добросовѣстно ссылаться на это соображеніе можно только тогда, когда сдѣлано, все, отъ насъ зависящее, для обезпеченія успѣха. Въ настоящемъ-же случаѣ не только не принято никакихъ мѣръ въ этомъ смыслѣ, но сдѣлано, напротивъ, весьма многое, чтобы заранѣе обезпечить *неуспѣхъ*»...

Говоря далѣе, что эта затѣя производитъ непріятное впечатлѣніе на его «внутреннее обоняніе», и что нѣкоторыя обстоятельства, отнимающія у нея сколько-нибудь серіозное значеніе, дѣлаютъ изъ нея «какую-то штуку, невѣдомо зачѣмъ выкидываемую», Владиміръ Соловьевъ заключаетъ:

«Самъ я ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ поддерживать ни явнаго мальчишества, ни тайной дипломатіи чужой; *довольно* и *своей*»...

Само собою разумѣется, что безъ дипломатіи немыслимо никакое синтетическое общественное начинаніе, никакое сближеніе началъ и сферъ, между которыми событія жизни поселили значительную рознь.

Но у этого пути есть и свои, спеціально-присущія ему опасности. Человѣкъ можетъ утратить цѣльность міросозерцанія, сдѣлаться излишне-уступчивымъ, привыкнуть слишкомъ спортивно интересоваться степенью успѣха своихъ дипломатическихъ начинаній; наконецъ, дойти, такъ сказать, до дипломатическаго эгоизма.

Всѣхъ этихъ опасностей Владиміръ Соловьевъ почти безусловно избѣгъ. Онъ умѣлъ, когда нужно, выпрямляться во весь свой нравственный ростъ и высказывать свою мысль безъ недомолвокъ, во всей ея возвышенной полнотѣ.

Черезъ всю его общественную дѣятельность красною нитью проходитъ рядъ «дерзаній», въ которыхъ онъ проявляетъ себя ярко-независимымъ отъ какихъ-бы то ни было лагерей и условныхъ путъ.

Таковы: его рѣчь «Три силы», произнесенная въ 1877 году, его знаменитая публичная лекція противъ смертной казни, въ 1881 году; затѣмъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, коротенькая статья въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», подъ заглавіемъ «Врагъ съ востока», въ которой онъ открыто и рѣзко высказалъ, что наша интеллигенція, вмѣсто разумнаго служенія народнымъ нуждамъ, *занимается вреднымъ вздоромъ;* въ срединѣ тѣхъ-же годовъ онъ въ «Вѣстникѣ Европы», въ органѣ правового порядка, помѣстилъ статью, проникнутую идеалами христіанскаго самодержавія. Обѣ эти статьи надѣлали много шуму и создали Владиміру Соловьеву немало враговъ именно среди его «попутчиковъ», что̀ его ни мало не смутило, потому что онъ жилъ и трудился, «не требуя наградъ за подвигъ благородный»...

Какъ представитель религіозно-политическаго универсализма, Владиміръ Соловьевъ слишкомъ крупенъ и сложенъ, чтобы быть сразу по-

нятымъ такъ называемою большою публикою, Эта пестрая аудиторія легче усваиваетъ ученія простыя, прямолинейныя, или хоть такія, которыя она, при безцеремонно-невѣжественномъ отношеніи къ ихъ руководящимъ формуламъ, низводитъ въ своемъ толкованіи до уровня доступной ей элементарности.

Истинный смыслъ ученій при этомъ искажается. Такъ, напримѣръ, Прудону припысываютъ формулу «la propriété c'est le vol», отринувъ существенныя оговорки; изъ формулы гр. Льва Толстого «непротивленіе злу силою» произвольно отбрасываютъ послѣднее слово; къ названію ученія Карла Маркса прибавляютъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ гимназическаго классицизма, слово «*нео*» и сводятъ все къ неутѣшительной формулѣ «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»; увлекаются ницшіанствомъ, на знамени котораго, въ оправданіе разнузданныхъ хищныхъ инстинктовъ, сверкаетъ слово «*Uebermensch*», родственное прутковскому императиву «козыряй».

Волею судебъ, Владиміръ Соловьевъ далекъ отъ такой простоты и его формула мало доступна популярно-излагаемымъ сокращеніямъ. Если сказать, что онъ проповѣдникъ *абсолютнаго всеединства*, то многіе не поймутъ; наиболѣе краткой изъ болѣе или менѣе доступныхъ формулъ міросозерцанія Соловьева является формула никейскаго собора,—но она уже слишкомъ пространна для шумной читающей толпы, которая, вдобавокъ, воспитана въ отдаленіи отъ пониманія такихъ вещей.

Въ частности, произведенія Владиміра Соловьева по вопросамъ религіозной и національной политики вызвали немало недоразумѣній. Если, съ одной стороны, даже такіе русскіе

люди, которые склонны критиковать нашу дѣйствительность, врядъ-ли согласятся съ тѣми предѣлами отрицанія русской культурной самобытности, до которыхъ доходилъ Соловьевъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ по національному вопросу,—то съ другой, если всмотрѣться въ него поближе, — многія недоразумѣнія и обвиненія отпадутъ сами собою.

И впрямь, развѣ можно не назвать яркимъ носителемъ именно русской культурной самобытности—такого витязя вѣры и мысли, какъ **самъ** Владиміръ Соловьевъ? Пусть укажутъ что-нибудь **подобное** на современномъ Западѣ!.

Наконецъ, **въ чемъ-же** радикальная разница между господствующимъ **западнымъ** міросозерцаніемъ и тѣмъ, которое **органически** сродно именно русской душѣ? На Западѣ—**все** болѣе выдыхающійся и опорочиваемый дѣйствительностью тріединый формальный принципъ «*свобода, равенство и братство*», поддѣльный мертвенный суррогатъ, замѣняющій живую христіанскую идею и придающій жизни лишь нѣкоторую формальную благопристойность.

У русскаго народа—сердечная вѣра въ тріединыя «*благо, истину и красоту*».

Въ стремленіи жизненно сочетать обѣ формулы ради «соединенія всѣхъ», Владиміръ Соловьевъ, если и нарушалъ иногда чувство мѣры, вступаясь за принципы западные, то широкими линіями своего творчества и всею жизнію своей поддерживалъ основы русской духовной самобытности.

Съ этой точки зрѣнія его нельзя не признать истиннымъ славянофиломъ и въ основѣ гораздо болѣе русскимъ, нежели многіе изъ тѣхъ, кто съ нимъ полемизировалъ во имя русской идеи.

V.

Кто знакомъ съ пророчески-вдохновенными богословскими и философскими твореніями Владиміра Соловьева, или хотя бы только прислушался къ чистому задушевному тону его политическихъ писаній, тотъ не можетъ не видѣть въ ихъ авторѣ сильный поэтическій темпераментъ.

Душа почившаго мыслителя была многострунна; въ его творческомъ саду былъ цѣлый цвѣтникъ разнообразныхъ дарованій, среди которыхъ даръ поэзіи занимаетъ, во всякомъ случаѣ, серіозное мѣсто.

Какъ личность истинно-пророческая, онъ заключалъ въ себѣ и «поэта Божіей милостію»; но задача болѣе непосредственно-проповѣдническая поглотила почти всѣ его силы, почти все его время, оставивъ сладкимъ звукамъ лишь краткіе часы досуга.

Поэзія, какъ особое искусство, имѣетъ и свою технику, а совершенствоваться въ этой послѣдней Владиміру Соловьеву было некогда. Написалъ онъ сравнительно немного и, хотя значительная часть его поэтическихъ произведеній озарена лучомъ небесъ, но форма не всегда выработана въ достаточной мѣрѣ.

Сборникъ его стихотвореній, постепенно дополняемый, но далеко не обнимающій всего, что написано Соловьевымъ, за нѣсколько лѣтъ выдержалъ четыре изданія: въ наше духовно-грубое время это значительный успѣхъ для сборника стиховъ безъ прикладного значенія, безъ остраго тенденціознаго запаха.

Успѣхъ отчасти производный: стихи Соло-

вьеза прошли въ публику, также какъ и завѣтнѣйшія религіозно-философскія мысли его, главнымъ образомъ, на буксирѣ политическихъ или полемическихъ статей, пришедшихся по вкусу тому или иному шумному кружку читателей. Иначе и быть не могло при такомъ уровнѣ интеллигенціи, при такой бѣдности морально-художественныхъ запросовъ ея, когда Тютчевъ мало извѣстенъ даже мнгимъ учителямъ словесности, Мей основательно забытъ, а всякое духовное босячество поднимаетъ голову.

Пускай хоть постороннія обстоятельства помогутъ сохраниться и стать надолго достояніемъ общества не только главнымъ самоцвѣтнымъ камнямъ, но и менѣе крупнымъ жемчужинамъ этого вѣнца.

Одни изъ стихотвореній Соловьева имѣютъ значительную цѣнность для выясненія его духовнаго міра, другія даютъ рядъ опредѣленныхъ біографическихъ свѣдѣній, третьи ярко отражаютъ его религіозныя и политическія идеи (напримѣръ, извѣстная пьеска «Ex oriente lux»); почти всѣ интересны, помимо этого, какъ практическое примѣненіе художественныхъ взглядовъ нашего мыслителя.

Въ своемъ ученіи о красотѣ Владиміръ Соловьевъ, по справедливому замѣчанію Э. Л. Радлова, почти совпадаетъ съ Плотиномъ. Онъ считаетъ красоту воплощеніемъ идеи; идея обусловлена полною свободою составныхъ частей въ гармоніи цѣлаго; красота—одно изъ божественныхъ свойствъ Предвѣчнаго Творца. По мнѣнію почившаго мыслителя, каждой новой ступени мірового развитія свойственна возможность все болѣе сложныхъ, совершенныхъ и тонкихъ воплощеній всеединой творческой идеи.

Очевидно, Владиміръ Соловьевъ не раздѣлялъ

высказываемаго многими взгляда на искусство, какъ на нѣчто подлежащее упраздненію съ развитіемъ техники и ростомъ животныхъ аппетитовъ; пусть ограничится самымъ тѣснымъ кружкомъ число настоящихъ жрецовъ искусства и его почитателей: самое искусство, какъ дитя вѣчности, пребудетъ на землѣ, пока останется хоть одинъ человѣкъ съ морально-художественными запросами, сохранившій образъ и подобіе Божіе. Пусть хаосъ борется съ гармоніей и въ стихіяхъ природы, и на всѣхъ поприщахъ человѣческой жизни и мысли: міровая душа все же тоскуетъ по Богѣ—и ея порывы къ вѣчному воплощаются въ красотѣ, созданной вдохновеніемъ.

Изъ всего изложеннаго ясно, почему Владиміръ Соловьевъ былъ противникомъ утрированнаго принципа «искусства для искусства» («de la musique»!—какъ сказалъ одинъ французскій декадентъ); будучи врагомъ грубой тенденціи, онъ требовалъ *идеи* и находилъ ее даже въ самыхъ незатѣйливыхъ съ виду картинахъ природы или вспышкахъ земной любви. Чрезъ громадное большинство его поэтическихъ произведеній красною нитью проходитъ взглядъ, формулированный незабвеннымъ Жуковскимъ:

Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли.

Богу, главнымъ образомъ, и служилъ Владиміръ Соловьевъ въ пѣснопѣніяхъ своихъ.

На первомъ мѣстѣ сборника недаромъ поставлено авторомъ прекрасное стихотвореніе «Въ странѣ морозныхъ вьюгъ», помѣщенное цѣликомъ въ III главѣ настоящей книги: въ немъ, такъ сказать, весь Владиміръ Соловьевъ, исповѣдующій и свою вѣру, и свое призваніе,

самъ опредѣляющій свое положеніе въ мірѣ творческой мысли.

Столь же интересна въ отношеніи исповѣдномъ и автобіографическомъ слѣдующая тонко написанная пьеска:

Въ туманѣ утреннемъ невѣрнымн шагами
Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны—и, схваченная снами,
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

* * *

Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
Какъ труденъ горный путь, и какъ еще далеко,
Далеко все, что грезилося мнѣ.

* * *

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ, —
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами,
Весь пламенѣющій побѣдными огнями,
Меня дождется мой завѣтный храмъ.

Тяготѣніе къ «завѣтному храму», къ «новымъ звѣздамъ», къ міру высшей правды и созерцанію истины во всей ея полнотѣ — составляетъ главный мотивъ поэзіи Соловьева, звучащій во многихъ стихотвореніяхъ. Достаточно указать на пьесы «L'onda del'mar'divisa», «Безкрылый духъ, землею полоненный», «Вся въ лазури сегодня явилась», «У царицы моей есть высокій дворецъ», «Былъ труденъ долгій путь», «О, что значатъ всѣ слова и рѣчи» и т. д.

Какимъ лиризмомъ, какою искренностью чувства дышетъ слѣдующее стихотвореніе, по-

священное радостному мигу освобожденія отъ земныхъ цѣпей, мигу духовнаго подъема:

Подъ чуждой властью знойной вьюги,
Видѣнья прежнія забывъ,
Я вновь таинственной подруги
Услышалъ гаснущій призывъ.
И съ крикомъ ужаса и боли,—
Желѣзомъ схваченный орелъ,—
Затрепеталъ мой духъ въ неволѣ,
И сѣть порвалъ, и въ высь ушелъ.
И на заоблачной вершинѣ,
Предъ моремъ пламенныхъ чудесъ,
Во всесіяющей святынѣ
Онъ загорѣлся и исчезъ...

Ясно, что міръ невидимый для него совершенно реаленъ и, какъ онъ выражается, «подъ личиной вещества безстрастной вездѣ огонь божественный горитъ».

Онъ находитъ,

Что все видимое нами
Только отблескъ, только тѣни
Отъ незримаго очами!

Столь же реаленъ для него, въ частности, міръ загробный, міръ «отшедшихъ», съ которыми онъ бесѣдовалъ стихами и думами задолго до послѣдней, окончательной съ ними встрѣчи. Изъ стихотвореній на эти темы особенной пѣвучестью и прочувствованностью отличается слѣдующее, посвященное памяти А. Ѳ. Аксаковой:

Опять надвинулись томительныя тѣни
Забытыхъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ;
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни,
И къ невозвратному бѣгутъ потоки слезъ.

***

Не объ утраченныхъ: о, нѣтъ, они вернутся!—
Того мгновенья жаль, что сгибло навсегда!
Его не воскресить! И медленно плетутся
За мигомъ вѣчности тяжелые года...

***

Иль эта мысль обманъ, и въ прошломъ только тѣни
Забытыхъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ?
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни,
И къ невозвратному бѣгутъ потоки слезъ.

Въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ любви, которыхъ придется коснуться еще въ другомъ мѣстѣ, душевная красота поэта и его міровоззрѣніе проявляются часто и наглядно. Онъ понимаетъ земную любовь лишь какъ отзвукъ любви небесной. Таковы стихотворенія «Милый другъ, не вѣрю я нисколько», «Зачѣмъ слова», «Нѣтъ вопросовъ давно и не нужно рѣчей», «Бѣдный другъ, истомилъ тебя путь» и др. Послѣднее стихотвореніе очень характерно для Соловьева: съ необычайной простотой и задушевностью проявляетъ его безграничную доброту. Вотъ оно:

Бѣдный другъ! истомилъ тебя путь,
Теменъ взоръ и вѣнокъ твой измятъ;
Ты войди же ко мнѣ отдохнуть!
Потускнѣлъ, догорая, закатъ...

***

Гдѣ была, и откуда идешь,
Бѣдный другъ, не спрошу я, любя:
Только имя мое назовешь—
Молча къ сердцу прижму я тебя.

***

Смерть и время царятъ на землѣ,—
Ты владыками ихъ не зови;
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ,
Неподвижно лишь солнце любви!..

Нечего и говорить о томъ, что вѣра въ торжество правды звучитъ въ стихахъ Соловьева часто и ярко. Достаточно вспомнить «Неопалимую купину», «Въ землю обѣтованную», «Ночь на Рождество» и т. д. Вотъ одно изъ послѣднихъ стихотвореній на эту тему, написанное по поводу ужаснаго взрыва въ Курскомъ монастырѣ:

Знаменіе.

«Сѣмя жены сотретъ главу змія» *(Бытія III)*.
«Сотворилъ Мнѣ величіе Сильный, и свято имя Его» *(Евап. Луки, I)*.
«И явилось на небѣ великое знаменіе: жена, облеченная въ солнце; подъ ногами ея луна, на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ» *(Апокал. XII)*.

Одно, навѣкъ одно! Пускай въ уснувшемъ храмѣ
Во мракѣ адскій блескъ и громъ средь тишины,—
Пусть пало все кругомъ,—одно не дрогнетъ знамя,
И щитъ не двинется съ разрушенной стѣны.

* *
*

Мы въ сонномъ ужасѣ къ святынѣ прибѣжали,
И гарью душною былъ полонъ весь нашъ храмъ,
Обломки серебра, разбросаны, лежали,
И черный дымъ прильнулъ къ разодраннымъ коврамъ.

* *
*

И только знакъ одинъ нетлѣннаго завѣта
Межъ небомъ и землей попрежнему стоялъ,
А съ неба тотъ же свѣтъ и Дѣву Назарета,
И змія тщетный ядъ предъ нею озарялъ.

Чистою, звучною нотою въ гармоніи Соловьевской лиры являются его пѣсни о природѣ. Онъ смотритъ на нее, какъ на живое существо, и находитъ, какъ выразился вѣщій пѣвецъ ея тайнъ и красотъ, что «въ ней есть языкъ».

Плѣнительны стихотворенія: «Этотъ матово-свѣтлый, жемчужный просторъ», «Озеро плещетъ волной безпокойною», «На Саймѣ зимой», «Прощаніе съ моремъ», «Шумъ далекій водопада» и др. Въ этихъ пьесахъ много символизма, и притомъ такого символизма, какимъ иногда злоупотребляютъ такъ-называемые символисты, на которыхъ самъ Соловьевъ писалъ презабавныя пародіи и рецензіи. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее стихотвореніе:

Шумъ далекій водопада
Раздается черезъ лѣсъ;
Вѣетъ тихая отрада
Изъ-за сумрачныхъ небесъ.

***

Только бѣлый сводъ воздушный,
Только бѣлый сонъ земли...
Сердце смолкнуло послушно,
Всѣ тревоги отошли.

***

Неподвижная отрада...
Все слилось, какъ бы во снѣ...
Шумъ далекій водопада
Раздается въ тишинѣ...

Такія метафоры, какъ «бѣлый сонъ земли» и «неподвижная отрада» никого бы не удивили въ стихахъ заправскаго символиста. Есть этотъ элементъ и въ одномъ изъ лучшихъ сти-

хотвореній Соловьева, написанномъ меньше чѣмъ за годъ до смерти. Нельзя не привести цѣликомъ эту ароматную вещицу:

Бѣлые колокольчики.

«И я слышу, какъ сердце
цвѣтетъ». *Фетъ.*

Сколько ихъ расцвѣтало недавно,—
Словно бѣлое море въ лѣсу!
Теплый вѣтеръ качалъ ихъ такъ плавно
И берегъ молодую красу.

Отцвѣтаетъ она, отцвѣтаетъ,
Потемнѣлъ бѣлоснѣжный вѣнокъ,
И какъ будто весь міръ увядаетъ...
Средь гробовъ я стою одинокъ.

„Мы живемъ, твои бѣлыя думы,
„У завѣтныхъ тропинокъ души.
„Бродишь ты по дорогѣ угрюмой,
„Мы недвижно сіяемъ въ тиши.

„Насъ не вѣтеръ берегъ прихотливый,
„Мы тебя сберегли бы отъ вьюгъ.
„Къ намъ скорѣй, черезъ западъ дождливый!
„Для тебя мы—безоблачный югъ.

„Если-жъ взоры туманъ закрываетъ
„Иль зловѣщій послышался громъ,—
„Наше сердце цвѣтетъ и вздыхаетъ...
„Приходи—и узнаешь, о чемъ".

Такія строки могли вылиться только изъподъ пера самобытнаго, чуткаго поэта.

Въ разбираемомъ сборникѣ есть еще отдѣлъ переводовъ и подражаній, въ общемъ довольно слабый, такъ какъ, при всѣхъ техническихъ недостаткахъ своей поэзіи, Владиміръ Соло-

вьевъ представлялъ собою слишкомъ сильную творческую индивидуальность, чтобы вдохновенно передавать не свои, а чужія мысли. Исключеніе составляетъ лишь стихотворный акаѳистъ Пресвятой Дѣвѣ, скорѣе пересказъ, чѣмъ переводъ изъ Петрарки: съ Петраркой, какъ и съ Дантомъ, нашъ поэтъ вообще духовно близокъ.

Откликовъ на преходящіе запросы времени въ серіозныхъ стихахъ Соловьева почти нѣтъ, если не считать упомянутаго выше прекраснаго стихотворенія «Ex oriente lux», котораго не привожу здѣсь, потому что оно слишкомъ извѣстно; по странной случайности, оно имѣло успѣхъ преимущественно въ томъ читающемъ кругу, взгляды котораго совершенно расходятся съ его основной идеей. Авторъ спрашиваетъ, въ заключеніе, Россію, какимъ она хочетъ быть Востокомъ: востокомъ Ксеркса иль Христа? И поэту рукоплещутъ преимущественно тѣ, которые находятъ, что Россія должна быть не Востокомъ Ксеркса или Христа, а Западомъ Огюста Конта, Ротшильда, Чемберлэна, Карла Маркса, Эмиля Золя и Макса Нордау...

Поэтическое служеніе интересамъ партійнымъ и минутнымъ Соловьевъ презиралъ и рѣзко высказалъ это въ стихотвореніи, негласно посвященномъ памяти одного, отшумѣвшаго нынѣ, поэта-публициста (стр. 6-я):

Восторгъ души расчетливымъ обманомъ
И рѣчью рабскою—живой языкъ боговъ,
Святыню музъ—шумящимъ балаганомъ
Онъ замѣнилъ и обманулъ глупцовъ.

Въ стихотвореніи «Старому другу», посвященномъ А. П. Саломону, онъ ярко выражаетъ свой взглядъ на высшіе духовные запросы:

Заключены въ темницѣ міра тлѣнной,
И дань платя царящей суетѣ,
Свободны мы въ божницѣ сокровенной
Не измѣнять возвышенной мечтѣ.

***

Пусть гибнетъ все, что правды не выноситъ,
Но сохранимъ же вѣчности залогъ,—
Того, что духъ безсмертный тайно проситъ,
Что явно обѣщалъ Безсмертный Богъ.

Характеристика разбираемаго сборника, да и самой личности Владиміра Соловьева, была бы не полна безъ упоминанія о стихотвореніи «Vis ejus integra si versa fueris in terram» (стр. 52-я), представляющемъ собою проповѣдь всякаго рода воздержанія, накопленія и сосредоточенія силъ; плодомъ такой работы воли явится та «непреклонная сила», которая «цѣпь золотую сомкнетъ и небо съ землей сочетаетъ»...

Въ сборникѣ Соловьева почти нѣтъ юмористическихъ и сатирическихъ произведеній, хотя таковыхъ имъ было написано весьма много, и нашлись даже критики (напр., поэтъ Н. М. Соколовъ), высказывавшіе, что Владиміръ Соловьевъ былъ особенно силенъ именно въ этомъ (!) родѣ литературы. Съ такимъ мнѣніемъ согласиться трудно, да и самъ авторъ, повидимому, смотрѣлъ на этотъ родъ стихотворства, какъ на забаву. Значительная часть этихъ сатирическихъ или шутливыхъ пьесъ въ свое время не могла бы пройти сквозь цензурное рѣшето; кромѣ того, нѣкоторыя шутки касались людей живыхъ,— а Соловьевъ всегда былъ образцомъ корректности по отношенію къ ближнимъ. Среди неизданныхъ вещей въ упомянутомъ жанрѣ есть истинные перлы остроумія, но попадаются и отдѣльные образы и цѣлыя пьески, отличаю-

щіяся грубоватостью малорусскаго «жарта». Кое-какіе образчики читатель увидитъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, болѣе спеціально касающихся личности поэта.

Соловьевъ, какъ поэтъ, не очень крупенъ, но несомнѣнно самобытенъ и благороденъ; по мотивамъ и, отчасти, по формамъ поэзіи онъ принадлежитъ къ духовной семьѣ такихъ поэтовъ, какъ Фетъ, Тютчевъ, Алексѣй Толстой; онъ и признавалъ ихъ, послѣ Пушкина, своими ближайшими учителями въ искусствѣ.

VI.

Значительно больше, чѣмъ поэтическія достоинства, были замѣчены публикою критическія статьи почившаго мыслителя. И дѣйствительно, его критическое чутье, колоссальная эрудиція, глубоко-продуманный, цѣльный взглядъ на искусство, пламенное принципіальное сочувствіе къ его жрецамъ и даже мученикамъ,— все это были данныя для того, чтобы Соловьеву сразу занять выдающееся мѣсто среди первоклассныхъ русскихъ критиковъ. Но занимался онъ этимъ опять-таки не спеціально, а случайно, мимоходомъ, и опять-таки видѣлъ въ этомъ дѣлѣ средство для проведенія своихъ завѣтныхъ религіозно-философскихъ, а отчасти и политическихъ взглядовъ.

Большую философскую цѣнность имѣетъ его статья о Тютчевѣ; нравственно-политическія воззрѣнія прекрасно пояснены въ характеристикѣ Алексѣя Толстого, съ которымъ Соловьевъ вообще весьма близокъ. Религіозно-философскіе взгляды весьма оригинально выражены въ статьяхъ о Пушкинѣ и Лермонтовѣ

(послѣдняя напечатана уже послѣ смерти автора).

Любителями добраго смѣха были весьма оцѣнены нѣсколько статей Владиміра Соловьева о символистахъ, чрезвычайно мѣткія и остроумныя; къ послѣдней изъ нихъ приложено нѣсколько весьма забавныхъ пародій, изъ которыхъ изрядною извѣстностью пользуется нижеслѣдующая:

На небесахъ горятъ паникадила,
А снизу —тьма.
Ходила ль ты къ нему иль не ходила?
Скажи сама!

***

Но не дразни гіену подозрѣнья,
Мышей тоски.
Не то—смотри, какъ леопарды мщенья
Острятъ клыки!

***

И не зови сову благоразумья
Ты въ эту ночь!
Ослы терпѣнья и слоны раздумья
Бѣжали прочь.

***

Своей судьбы родила крокодила
Ты здѣсь сама.
Пусть въ небесахъ горятъ паникадила,
Въ могилѣ—тьма.

Къ чести гг. символистовъ слѣдуетъ отмѣтить, что они сумѣли принять, безъ особеннаго гнѣва, и шутки своего остроумнаго критика, и уроки этого авторитетнаго учителя. Въ весьма приличной статьѣ, посвященной памяти Вл. С. Соловьева, г. Валерій Брюсовъ высказываетъ, что за почившимъ философомъ нельзя было

не признать полнаго права строго относиться къ новому теченію въ поэзіи, о которомъ онъ разсуждалъ съ очевиднымъ всестороннимъ знаніемъ дѣла.

Почившій философъ собирался издать отдѣльный томикъ своихъ критическихъ статей, но не успѣлъ этого сдѣлать. Надо надѣяться, что онѣ непремѣнно войдутъ въ начатое нынѣ печатаніемъ полное собраніе сочиненій Владиміра Соловьева.

Произведеніями переходными отъ критики (понимаемой въ томъ смыслѣ, какъ ее писалъ Сентъ-Бевъ, напиравшій на личную характеристику авторовъ и объяснявшій произведенія біографическими данными) къ беллетристикѣ являются воспоминанія о нѣсколькихъ интересныхъ лицахъ, — М. Н. Катковѣ, проф. Юркевичѣ, А. Ѳ. Аксаковой и др.

До беллетристики, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, Вл. С. Соловьевъ, строго говоря, не дошелъ, если не считать двухъ-трехъ слабоватыхъ и мало извѣстныхъ разсказиковъ. Но приблизительно за полгода до своей кончины почившій философъ выпустилъ въ свѣтъ книгу «Три разговора», содержащую въ себѣ сильный беллетристическій элементъ. Книга эта недаромъ за короткій срокъ выдержала два изданія.

Это, строго говоря, съ точки зрѣнія беллетристической, самое интересное и серіозное произведеніе русской литературы за послѣдніе 10—15 лѣтъ. Въ немъ есть то, чего недостаетъ почти всей современной беллетристикѣ, а именно, широкое, полное и серіозное обобщеніе нѣсколькихъ главныхъ, преобладающихъ въ нашей интеллигенціи, міровоззрѣній, воплощенныхъ въ живыхъ и цѣльныхъ характерахъ. Со-

временные беллетристы обыкновенно либо фотографируютъ (иногда въ большомъ масштабѣ, какъ напр., г. Боборыкинъ) явленія сравнительно мелкія, преходящія, не давая себѣ труда приводить ихъ въ систему, либо служатъ той или иной тенденціи, показывая читателю описываемую среду сквозь то или иное извѣстное стекло.

Въ книгѣ «Три разговора» бесѣдуютъ о разныхъ существенныхъ вопросахъ (о войнѣ, культурѣ, религіи, концѣ міра и т. д.) пятеро разнообразныхъ людей: сановный представитель бюрократическаго либерализма, съ его религіозно-философскимъ безразличіемъ и благодушною вѣрою въ культуру, главнымъ образомъ, какъ въ источникъ прогрессирующаго комфорта; генералъ, послѣдовательный и пылкій выразитель религіозно-общественныхъ взглядовъ христолюбиваго воинства, фигура чрезвычайно живая и типичная; князь, послѣдователь ученія графа Л. Н. Толстого, во всеоружіи аргументовъ этой «школы» и съ весьма характерными для всѣхъ его послѣдователей уклончивыми отвѣтами на вопросы, поставленные ребромъ; это лицо, съ постоянно сдерживаемою раздражительностью, представляетъ собою несомнѣнно живой характеръ, хорошо знакомый всякому, кто встрѣчался съ такъ называемыми толстовцами. Затѣмъ слѣдуетъ «г. Z», выражающій, повидимому, взгляды самого автора: лицо сложное и немножко туманное, изъ всѣхъ собесѣдниковъ наиболѣе сочувствующее христолюбивому воину, а князю ставящее вопросы съ загвоздками; сановникъ, надо полагать, смотритъ на г. Z, какъ на фантазера, а князь его почти ненавидитъ. Элементомъ примиряющимъ въ острыя минуты, а въ остальное время пріятно подзадаривающимъ,

является пятое лицо, «дама», очень милая, умная дама, безъ опредѣленно очерченнаго міросозерцанія, порою позволяющая себѣ, по праву бальзаковскаго возраста, рискованныя словечки; очень пріятная хозяйка умнаго свѣтскаго салона, какихъ теперь въ Россіи, да и повсюду, становится все меньше.

Перечисленныя лица бесѣдуютъ и спорятъ, каждое придерживаясь способа выраженія, свойственнаго этимъ бытовымъ характерамъ, такъ что получается въ итогѣ не только опредѣленное резюмэ нѣсколькихъ современныхъ строевъ мысли, но и такое впечатлѣніе встрѣчи съ живыми фигурами, какого не даетъ ни одинъ изъ заправскихъ романовъ за послѣднее время.

Особо выдѣлена въ «Трехъ разговорахъ» повѣсть объ антихристѣ, имѣющая прямое отношеніе къ предметамъ спора. Написана она будто-бы старцемъ Пансофіемъ и пророчески говоритъ о послѣднихъ дняхъ міра сего. Пророчество весьма близкое къ Апокалипсису и являющееся даже, по-просту говоря, переводомъ этого таинственнаго, боговдохновеннаго произведенія на языкъ современныхъ понятій. А такъ какъ современныя понятія значительно мельче тѣхъ, которыя кипѣли въ душѣ апостола Іоанна Богослова, то и пересказъ старца Пансофія не вполнѣ удовлетворитъ тѣхъ, кто со вниманіемъ прочелъ самое «Откровеніе». Вотъ почему повѣсть объ антихристѣ производитъ впечатлѣніе менѣе сильное, нежели того желалъ-бы г. Z,—не взирая на яркую талантливость изложенія.

Отличительною чертою «Трехъ разговоровъ» является то, что ихъ можно, съ неослабѣвающимъ интересомъ, прочесть нѣсколько разъ. Это весьма серіозный положительный признакъ,

служащій порукою въ томъ, что данной книгѣ предстоитъ долгая жизнь. Главное мѣсто въ этомъ произведеніи занимаетъ споръ о нѣкоторыхъ жизненныхъ вопросахъ, которые поставилъ и по своему попытался разрѣшить нашъ великій художникъ слова, графъ Л. Н. Толстой. Многіе читатели даже основательно считаютъ «Три разговора» косвеннымъ возраженіемъ на ученіе яснополянскаго мыслителя. Это одно уже есть поводъ къ тому, чтобы хотя слегка коснуться вопроса о соотношеніи между Владиміромъ Соловьевымъ и графомъ Л. Н. Толстымъ.

VII.

На данный, глубоко интересный вопросъ существуетъ два ходячихъ рѣзкихъ взгляда: согласно первому, и притомъ довольно распространенному, графъ Л. Н. Толстой и Вл. С. Соловьевъ находились въ единомыслiи относительно главныхъ жизненныхъ путей и задачъ; согласно второму, это было двѣ крайнія противоположности, между которыми не могло быть мѣста не только согласію, но даже примиренію.

Истина находится посединѣ или, пожалуй, нѣсколько ближе ко второму воззрѣнію, но всегда проявлялась въ формахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ личною враждебностью.

Такъ какъ большая часть читающей публики обращаетъ главное вниманіе не на корни, а на практическіе плоды и популярныя проявленія тѣхъ или иныхъ нравственно-философскихъ системъ, то и въ данномъ случаѣ сопоставленіе названныхъ двухъ великихъ умовъ удобнѣе всего начать на почвѣ вопросовъ прикладныхъ и производныхъ.

Оба мыслителя извѣстны, какъ ревнители гуманности, свободы совѣсти, слова и печати; общность воззрѣній на такіе жгучіе вопросы, ежедневно поднимаемые самою жизнью, конечно, не могла не служить связующимъ звеномъ, а художественный геній графа Л. Н. Толстого, дорогой всякому образованному русскому человѣку съ первыхъ минутъ его развитія, не могъ не быть столь-же крѣпкимъ связующимъ звеномъ для Владиміра Соловьева, обладавшаго въ высочайшей мѣрѣ способностью цѣнить и переживать душою все высокое и прекрасное. Ко всему этому долгое время присоединялось чувство личной симпатіи, поддерживавшееся частными отношеніями, въ которыхъ, какъ извѣстно, Л. Н. Толстой весьма обаятеленъ для всѣхъ, кто ему нравится или хоть интересенъ.

Владиміръ Соловьевъ долгое время считалъ себя, хотя не единомышленникомъ, но «попутчикомъ» графа Л. Н. Толстого въ отстаиваніи свободы совѣсти и племенной самобытности россійскихъ инородцевъ, а также въ критикѣ тѣхъ сторонъ нашего церковнаго строя и быта, которыя почившій философъ считалъ пережитками средневѣковаго міросозерцанія.

Впослѣдствіи, когда онъ сталъ въ церковномъ вопросѣ опредѣленнѣе различать главное, незыблемо-истинное и временныя частныя несовершенства, коренившіяся въ причинахъ внѣшнихъ и случайныхъ, а графъ Л. Н. Толстой, развивая свое ученіе, сталъ все рѣзче и нагляднѣе отходить далеко въ сторону отъ краеугольныхъ положеній, составлявшихъ святыню для почившаго философа,—пути ихъ начали все болѣе расходиться, такъ сказать, подъ угломъ, и звенья духовнаго общенія порвались одно за другимъ.

Мнѣ только разъ въ жизни пришлось видѣть обоихъ великихъ людей вмѣстѣ, и притомъ именно въ началѣ второго періода. Это было весною 1894 года, на журфиксѣ у графа Льва Николаевича. Общество какъ-то само собою раздѣлилось тогда на три сообщавшіеся между собою кружка: первый составляла группа лицъ, бесѣдовавшихъ съ хозяиномъ дома и споривших по вопросу о непротивленіи злу; второй состоялъ изъ свѣтскихъ дамъ и мужчинъ съ графиней Софіей Андреевной во главѣ, и третій — бойкая молодежь. Владиміръ Соловьевъ вошелъ вмѣстѣ со мной и, не взирая на оказанный ему чрезвычайно милый и нѣжный пріемъ, сразу впалъ въ какое-то мрачное безмолвіе, точно окаменѣлъ. Я уже близко зналъ его въ ту пору и сразу почувствовалъ, что ему не по себѣ: это былъ человѣкъ, не умѣвшій притворяться и склонный «застывать» подъ вліяніемъ какихъ-либо неблагопріятныхъ воздѣйствій на его нѣжную душевную организацію. Помолчавъ въ первомъ кружкѣ и обмѣнявшись нѣсколькими незначительными словами во второмъ, онъ примкнулъ къ третьему, а затѣмъ потихоньку уѣхалъ. Помню, кто-то въ разгарѣ спора окликнулъ Владиміра Сергѣевича, прося его высказаться, но философъ шутливо отвѣчалъ, что въ Россіи споры большею частью нецѣлесообразны, а иногда и запретны.

Впослѣдствіи онъ, однажды, показалъ мнѣ весьма интересное и сердечное письмо графа Льва Николаевича, но тутъ же высказалъ, съ нервной дрожью въ голосѣ, что пропасть между ихъ взглядами все болѣе растетъ. На столѣ лежала развернутая книга, — заграничное изданіе «Царства Божія», гр. Толстого. Прочитавъ открытую страницу, я невольно сказалъ:

— Какъ, однако, сильны эти строки, съ которыми я совершенно не согласенъ!

Соловьевъ задумчиво проскандировалъ тютчевскій стихъ:

— Подъ ними хаосъ шевелится!

Разговоръ нашъ оборвался. Мнѣ сразу стала ясна глубочайшая принципіальная рознь между воззрѣніями Владиміра Сергѣевича и графа Толстого.

Первый считалъ міровую эволюцію осмысленнымъ *богочеловѣческимъ* процессомъ и служилъ идеѣ гармоніи, критикуя отрицательныя явленія государственно-общественной и церковной жизни. Онъ вѣрилъ въ основную правду и жизненность этихъ учрежденій, которымъ желалъ лишь совершенствованія.

Ученіе второго отрицаетъ и богочеловѣчество и вообще всю мистическую сущность христіанства, которое безъ этой сущности вовсе перестаетъ быть религіей, или, въ лучшемъ случаѣ, напоминаетъ туманныя чувствованія буддизма, въ смыслѣ философіи, а не культа; сообразно съ этимъ, его критика учрежденій имѣетъ нескрываемою цѣлью ихъ разрушеніе, замѣну ихъ неопредѣленною «соціальною нирваною».

Ни какъ христіанинъ, въ безпримѣрномъ всеоружіи полнаго знакомства съ первоисточниками и авторитетнѣйшими толкованіями религіи, ни какъ искренній государственникъ, близко знакомый съ исторіей и естественными науками, усматривавшій въ исторически-наростающихъ учрежденіяхъ путь къ соціальной гармоніи, — Владиміръ Соловьевъ не могъ, конечно, согласиться съ проповѣдью «мирной анархіи», которую онъ считалъ на практикѣ лишь переходною ступенью, или, какъ онъ однажды выразился, «замаскированнымъ путемъ

къ анархіи далеко не мирной», причемъ эту «маску», по его мнѣнію, надѣвалъ, конечно, не самъ основатель ученія, а кое-кто изъ его послѣдователей и апологетовъ.

Однажды мы разговорились подробно на эту тему съ Владиміромъ Сергѣевичемъ—и я впервые тогда увидѣлъ воочію, какъ онъ глубоко и всесторонне зналъ Священное Писаніе, какъ помнилъ каждую строку его и, при толкованіи отдѣльныхъ мѣстъ, имѣлъ въ виду всю полноту его нравственно-мистическаго содержанія.

Игнорированіе графомъ Толстымъ многихъ явно-существенныхъ мѣстъ Евангелія онъ находилъ совершенно произвольнымъ и противорѣчащимъ не только основной идеѣ христіанства, но и естественно-историческимъ законамъ, подтверждающимъ ея истинность; въ послѣднемъ отношеніи онъ считалъ весьма существенною *притчу о закваскѣ*, указывающую на постепенность проникновенія христіанскихъ началъ въ жизненную среду и на постепенное, путемъ исторической эволюціи, возвышеніе этой послѣдней до уровня Царства Божія; сюда входитъ постоянное воздѣйствіе вселенской церкви, и воспитательная работа христіанскаго государства, и вдохновенный полетъ свободной мысли, находящей гармоничныя формы.

Можно-ли не противиться злу, если оно не побѣждено, если мы находимся еще въ томъ историческомъ періодѣ, когда *закваска* не достигла своихъ окончательныхъ результатовъ? Можно-ли считать ненужными тѣ учрежденія, при посредствѣ которыхъ она дѣйствуетъ, хотя и подвергаясь неблагопріятнымъ земнымъ вліяніямъ? Надо желать развитія и повышенія гармоніи, а не ея распада, не нирваны!..

Я возражалъ Владиміру Сергѣевичу, что если признать ученіе графа Толстого сектантствомъ, то Соловьеву, въ силу извѣстнаго христіанскаго тезиса, что подобаетъ и «ересямъ быти», да и въ силу того, что онъ проповѣдуетъ вѣротерпимость, — особенно огорчаться не слѣдуетъ по поводу послѣднихъ нехудожественныхъ писаній нашего великаго художника слова. Онъ съ волненіемъ ухватился за послѣднее названіе:

— Именно, великій художникъ слова, дорогой этимъ всякому мыслящему русскому человѣку! И ему столько дано, что я не могу его мѣрить обыкновенною сектантскою мѣркой. Уклоняясь на путь ложныхъ толкованій, особенно подъ вліяніемъ какой-нибудь искусной протестантской агитаціи, какъ, напримѣръ, наши баптисты и, отчасти, молокане, — простолюдинъ-сектантъ, не знающій исторіи, не знакомый ни съ религіей, ни съ философіей, ошибается вполнѣ добросовѣстно, вѣритъ вполнѣ искренно, что нашелъ истинный путь. Графъ-же Толстой не можетъ хоть иногда не сомнѣваться въ правильности своихъ евангельскихъ урѣзываній и толкованій на основаніи единичныхъ текстовъ, не сообразованныхъ со всѣмъ остальнымъ! Я не хочу этимъ сказать, что подозрѣваю графа въ неискренности, но нахожу, что мы всѣ вправѣ ожидать отъ него менѣе произвольной торопливости въ выводахъ и выраженіяхъ, побольше искренней вдумчивости, къ которой его обязываетъ самое названіе и положеніе великаго художника слова.

— Ну, оставимъ это, — возразилъ я, — это дѣло личной совѣсти и въ данномъ случаѣ, я думаю, дѣло *темперамента*. Будемъ смотрѣть не на корни ученія, а на его плоды.

— Еслибъ оно принесло *окончательные* плоды во всей ихъ полнотѣ,—возразилъ Соловьевъ,—то нанесло бы богочеловѣческому дѣлу вредъ неисчислимый...

— Но такъ какъ окончательныхъ плодовъ во всей ихъ полнотѣ принести оно не можетъ, въ силу принципа «quod ob initio vitiosum», т. е. въ силу малой крѣпости его корней, —то противъ твоего ожиданія это ученіе даже принесетъ пользу...

Владиміръ Сергѣевичъ насторожилъ уши:

— Скажу словами одного еврейскаго критика: я любопытенъ знать, какъ это доказуемо?

Я высказалъ Владиміру Сергѣевичу взглядъ, котораго придерживаюсь и понынѣ:

— «Почему подобаетъ и ересямъ быти? Вѣдь не спроста же сказаны эти слова! Не для того ли это подобаетъ, чтобы, съ одной стороны, ревнители полной богочеловѣческой истины, всегда и вездѣ люди со слабостями, на которыхъ неблагопріятно отражается излишній душевный покой и даже излишняя безпрепятственность проповѣди, не теряли бодрственности своего духа, неустанно работали бы Господеви, боролись бы съ заблужденіями; надо, чтобъ они боролись вдохновеннымъ словомъ и благими дѣлами, духомъ истины, а не мечомъ и не рукою, хватающей за шиворотъ?! Не для того-ли, съ другой стороны, чтобы людямъ, отпавшимъ отъ богочеловѣческой правды или духовно-неприготовленнымъ къ ея воспріятію во всей ея возвышенной полнотѣ, былъ перекинутъ мостикъ понятій отрывочныхъ, легко укладывающихся въ сознаніи, содержащихъ крупицу истины,—и невѣрныхъ, главнымъ образомъ, въ силу своего обособленія?

Наконецъ, развѣ вообще не предпочтительнѣй открытое оспариваніе полной истины, на

основаніи хотя бы невѣрнаго обособленія отдѣльныхъ тезисовъ, нежели спокойное, оффиціальное признаніе ея, наряду съ внутреннимъ къ ней равнодушіемъ?! Вѣдь *споръ есть признакъ жизни*, не успокоившейся въ опредѣленныхъ берегахъ,— но все-таки жизни, а неподвижность и безмолвіе—признаки смерти! Самый смыслъ человѣческаго бытія заключается въ *сознательномъ* приближеніи къ Богу; а возможно-ли, достижимо-ли утвержденіе такого сознанія, особенно для многихъ людей сразу, безъ помощи спора, въ которомъ не можетъ не побѣдить именно полная богочеловѣческая истина?!.. А теперь перейдемъ на почву болѣе близкую и реальную.

Въ сущности, и ты, Владиміръ Сергѣевичъ, и графъ Л. Н. Толстой, исходя формально изъ противоположныхъ точекъ отправленія, а стихійно, — т. е. въ безсознательной глубинѣ души, — изъ побужденій однородныхъ, — идете различными путями, но результатами своей дѣятельности (немножко неожиданно для графа Толстого) служите одному и тому же дѣлу.

Достаточно вспомнить весьма недавнюю картину рѣзкой розни между Церковью и русскою интеллигенціей; монашествующее духовенство, пригнетенное недостаткомъ церковной самобытности, горестно замкнувшееся въ своемъ кругу, съ отвердѣвшими традиціями и засыхающими формами рѣчи, мало убѣдительной для «культурной» толпы; мало-обезпеченное, многосемейное бѣлое духовенство, въ массѣ пригнетенное недостаткомъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ духовно слабѣющее отъ избытка матеріальныхъ благъ. При этомъ — ростъ всякаго рода канцелярской переписки, все большее наслоеніе бюрократизма на почвѣ невольно-кастовыхъ условій и понятій. Съ другой стороны, — и

количественно-преобладающая, наиболѣе яркая часть печати, и школа сверху донизу, и общественные кружки, и весь общественный и семейный складъ,—все это не только отрѣшилось отъ началъ религіи и религіозной морали, но стало къ нимъ въ позицію открыто-враждебную.

Сперва, въ разгарѣ этой враждебности, обезьяна на знамени модныхъ ученій, какъ освободительница отъ всякихъ императивовъ, узъ и «предразсудковъ». Затѣмъ—болѣе спокойное, но не менѣе враждебное по существу, а по формѣ равнодушное, или, вѣрнѣе, бездушное отношеніе къ данному вопросу. Золотой телецъ, и въ формѣ разныхъ «измовъ», и въ жизненной практикѣ занялъ первенствующее мѣсто. Сотни тысячъ, милліоны мнимо-интеллигентныхъ язычниковъ наросли, зашумѣли и дали тонъ жизни. Открытое нападеніе на богочеловѣческую истину смѣнилось ея игнорированіемъ или подтачиваніемъ.

Помню, какъ вначалѣ своей литературной дѣятельности, въ 80-хъ годахъ, я принесъ въ одно второстепенное изданьице стихотвореніе, въ которомъ упоминалось о Богѣ,—и редакторъ этого изданія, весьма надменный брюнетикъ съ нечистою русскою рѣчью, изъявилъ согласіе напечатать эти стихи только при условіи, если слово «Богъ» будетъ вычеркнуто и замѣнено, по выраженію этого господина, «чѣмъ-нибудь болѣе современнымъ и культурнымъ». Разумѣется, я имѣлъ некультурность съ этимъ не согласиться...

По причинамъ, которыхъ я понять не могу, руководители Церкви направляли церковную политику, не взирая на ея многолѣтнюю наглядную безуспѣшность, по прежнему руслу.

Общество, особенно послѣ отрезвившей многихъ катастрофы 1-го марта, испытывало тяжкое похмѣлье и смутную тоску. Причина тому простая: всякая душа человѣческая по природѣ христіанка и безъ вѣры нормально жить не можетъ. *Русская же душа*, какъ ты самъ, будучи сторонникомъ русскаго мессіанства, въ этомъ убѣжденъ, *особенно нуждается для нормальной жизни въ элементѣ вѣры.* Россія можетъ быть *только Христіанской* Россіей, когда она не въ бреду!

Но и у духовной природы есть свои законы, наглядно сходные порою съ законами природы плотской. Для воспринятія вѣры, у души есть, повидимому, особое *чувствилище*, которое отъ бездѣйствія можетъ ослабѣть и дойти до размѣровъ минимальныхъ, стушеваться, такъ что, вмѣсто широко-раскрытой двери въ христіанскую душу, остается лишь еле-видная щелочка. По мнѣнію Достоевскаго, эта щелочка, впрочемъ, никогда совершенно зарости не можетъ...

Когда ты, Владиміръ Сергѣевичъ, выступилъ со своимъ широкимъ и сложнымъ богочеловѣческимъ синтезомъ, требующимъ широко-отверстыхъ душъ, — большинство дверей оказались закрытыми; понятія, тобою выдвинутыя, оказались слишкомъ сложными, пришлось ихъ давать затѣмъ въ слабомъ растворѣ, въ пилюляхъ, въ сиропѣ разныхъ понятныхъ, легко усвояемыхъ публицистическихъ вопросовъ. Оттого такъ рано побѣлѣли твои волосы!... Оттого и посмертный твой успѣхъ долженъ быть вдесятеро больше пожизненнаго. До твоихъ взглядовъ надо *дорости.*

Графъ Л. Н. Толстой тоже откликнулся на крикъ тоскующей общественной души, — сперва, какъ неподражаемо-геніальный художникъ («Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича», а также

нѣсколько глубоко-христіанскихъ небольшихъ разсказовъ), а затѣмъ, какъ «вольно-практикующій врачъ», выступившій съ палліативнымъ, произвольно составленнымъ и недостаточно провѣреннымъ лекарствомъ. Съ точки зрѣнія серьезной духовной медицины, это лекарство весьма несовершенное, но свою долю пользы оно принесло.

Свойство божественной Истины таково, что достаточно для начала лишь намекнуть о ней. Отдѣльныя положенія христіанской морали, даже неправильно истолкованныя или обособленныя, вызываютъ работу мысли и чувства, ведущую къ болѣе полному познанію истины и, главное, къ *жаждѣ истины.*

Урѣзавъ по-своему евангеліе, оставивъ въ сторонѣ дальнѣйшее развитіе его положеній высочайшими свѣтилами боговдохновенной мысли, отрѣшившись отъ непонятныхъ или несимпатичныхъ многимъ формъ церковности, — графъ Толстой создалъ нѣчто, могущее проникнуть въ сильно-заросшую щель религіознаго чувствилища современной интеллигенціи.

Вспомни, *кто* пошелъ за нимъ? Кто присоединился къ этому импровизированному «неохристіанству?». Преимущественно, люди, чуждые дотолѣ всякой вѣры и изнывавшіе въ смутной тоскѣ, да небольшое число фактическихъ язычниковъ, по существу отпавшихъ отъ церкви, а теперь лишь оформившихъ это отпаденіе!

Если говорить по справедливости, и тѣ и другіе получили нѣкоторый нравственный плюсъ, такъ какъ несомнѣнно, что вѣра неполная или неправильная, но живая и искренняя, съ точки зрѣнія богочеловѣческой правды, предпочтительнѣе равнодушнаго безвѣрія. Кто можетъ запретить или помѣшать послѣдователю

графа Толстого, ощутившему въ себѣ такъ или иначе подъемъ религіозно-нравственнаго чувства, поработать *самостоятельно*, вдуматься въ полную идею христіанства, присмотрѣться къ естественному росту Христовой закваски въ міровой жизни? Онъ можетъ прочесть, напримѣръ, творенія св. Іоанна Златоуста или другихъ отцовъ церкви, несравненно превосходящихъ графа Толстого, не только какъ философа, но и какъ художника. Ихъ забыли, но это не значитъ, что ихъ нѣтъ!

Не ясно-ли, что человѣкъ, взошедшій на такія высоты, не захочетъ уже спускаться внизъ, а устремится къ полнотѣ христіанскаго міропониманія, т.-е. вернется въ лоно Церкви? Но такъ или иначе, первымъ толчкомъ въ этомъ направленіи онъ будетъ обязанъ яснополянскому философу.

Графъ Толстой, какъ проповѣдникъ, могъ возникнуть именно благодаря предыдущему духовному безвременью, подобно тому, какъ послѣ нашествія Писарева могъ успѣшно возникнуть только Некрасовъ. Ни поэзія не можетъ остановиться на Некрасовѣ, ни религіозная мысль — застыть на ученіи графа Толстого. Но все-таки надо сказать спасибо имъ обоимъ. Интересъ къ вопросамъ вѣры вызываетъ самую вѣру, вѣра увлажняетъ сознаніе мистическими понятіями, воплощаемыми Церковью, и требуетъ символизма, выполняемаго опять-таки Церковью. Пытаются люди иногда обновлять религіозный символизмъ, но всѣ ихъ мудрствованія и эффекты являются жалкою декадентскою каррикатурою по сравненію съ величавою простотою литургіи.

Предѣлы элементовъ мистическаго и символическаго въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ

расовой психологіи. Сѣверному германцу естественно быть лютераниномъ, южному — католикомъ, русскому человѣку—православнымъ по индивидуальной психологіи вѣры и ея внѣшнимъ проявленіямъ, даже послѣ ожидаемаго тобой возстановленія вселенской церкви. Никакое постороннее ученіе этого серьезно и надолго измѣнить не можетъ.

Для многихъ путь отъ невѣрія къ православію, несомнѣнно, прошелъ черезъ философію Толстого. Есть примѣры общеизвѣстные даже въ писательской средѣ. Тѣ–же, кто остался на этой промежуточной стадіи религіознаго развитія, все-таки приблизились къ истинѣ и подготовили путь для своихъ потомковъ, воспитывающихся въ семьяхъ, гдѣ вопросы религіи не являются предметомъ ненависти или равнодушія, а составляютъ насущную задачу жизни. Толстовцы искренніе напоминаютъ, отчасти, ессеевъ, подготовившихъ своимъ *настроеніемъ* почву для принятія христіанства.

Иду далѣе. Ученіе графа Толстого противорѣчитъ ученію православной Церкви и вообще христіанству, отрицаніемъ *главнаго*, т.-е. *богочеловѣчности Христа*. Церковь не можетъ не оспаривать этого взгляда. Въ числѣ ея пастырей неминуемо должно съ каждымъ днемъ возростать число дѣятелей, выступающихъ на вдохновенную работу истолкованія вѣчной истины, примѣнительно къ наросшимъ новымъ общественнымъ понятіямъ и настроеніямъ. Многіе сторонники православія, духовные и свѣтскіе, забудутъ скорбную апатію свою, или малодушную суету міра, и загорятся творческимъ огнемъ.

Съ этой точки зрѣнія даже полезны рѣзкія, неприличныя выходки гр. Толстого противъ святынь нашей религіи: онѣ не могутъ не вызы-

вать благороднаго негодованія въ людяхъ, сохранившихъ хоть искру мистической вѣры.

Чѣмъ глубже общество заинтересуется графомъ Толстымъ, тѣмъ больше вниманія оно впослѣдствіи обратитъ на противорѣчіе между его ученіемъ и *полнотою* христіанскаго міросозерцанія.

Побѣда послѣдняго есть только вопросъ времени и вопросъ духовнаго подъема въ личномъ составѣ руководителей Церкви, все болѣе замѣчаемаго съ каждымъ днемъ...

Повѣрь, графъ Толстой, быть можетъ, самъ еще не подозрѣваетъ, *какую именно* миссію онъ выполняетъ»...

Покойный Владиміръ Сергѣевичъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ и, казалось, былъ согласенъ со многимъ изъ только что высказаннаго. Но вдругъ онъ прервалъ мою рѣчь:

— Все у тебя выходитъ, какъ по маслу! Да только *некогда,* милый другъ!

— Кому некогда?

— Во-первыхъ, мнѣ самому, такъ какъ врядъ-ли дано мнѣ будетъ еще долго работать; во-вторыхъ... конецъ временъ ближе, чѣмъ думаютъ многіе,—и утѣшать себя сложными разсчетами, баловаться дальновидностью не приходится. Необходимо возстановлять коренныя основы истины. Еслибы графъ Л. Н. Толстой, излагая свое ученіе, не опирался на авторитетъ Христа, я считалъ бы его вполнѣ правымъ, ибо никому не должно возбраняться создавать какую угодно моральную систему, съ которою всѣ другіе могутъ спорить. Но бѣда въ томъ, что графъ Левъ Николаевичъ выдаетъ плоды собственнаго творчества за истинное, очищенное христіанство—и многіе могутъ ему повѣрить, въ виду того, что серіозное знакомство съ религіей

въ наши дни большая рѣдкость: скорѣе отличатъ дерево, выкрашенное подъ орѣхъ, отъ настоящей орѣховой доски, или маргаринъ отъ масла, нежели поймутъ, какая громадная ошибка заключается въ подмѣнѣ настоящей христіанской идеи даже самыми гуманными моральнофилософскими суррогатами.

— Отчего же ты не выступишь со спокойною, написанною въ приличномъ тонѣ, критикою морально-философскихъ писаній нашего великаго художника? Если онъ, какъ надо полагать, человѣкъ искренній, то ты могъ бы принудить его отказаться отъ многихъ неоправдываемыхъ Евангеліемъ положеній, или, по крайней мѣрѣ, признаться, что его ученіе не совпадаетъ съ идеею христіанства.

— Неужели ты полагаешь, что я давно бы этого не сдѣлалъ, если бы имѣлъ на то нравственное право?! Развѣ можно критиковать *здѣсь* эти произведенія, когда имъ ввозъ сюда запрещенъ, и когда автору ни въ какомъ случаѣ не будетъ предоставлено высказать въ Россіи свои мысли во всей ихъ полнотѣ и рѣзкости? При такихъ условіяхъ я легко рисковалъ бы впасть въ дурной литературный тонъ—и мои намѣренія были бы неправильно истолкованы. Впрочемъ, и мнѣ врядъ-ли удалось бы высказать свою мысль во всей полнотѣ, такъ какъ я отстаивалъ-бы богочеловѣческую идею, воюя на два фронта: пришлось-бы не только опровергать мнимо-христіанскія положенія графа Толстого, но и указывать на изъяны современнаго церковнаго уклада и быта. Я это дѣлалъ доступнымъ мнѣ способомъ въ осторожной и, какъ мнѣ кажется, тактичной формѣ: считаю нужнымъ указать на свою статью «*о поддѣлкахъ христіанства*», напечатанную въ философскомъ

журналѣ и представляющую собою малый эпизодъ борьбы на два фронта. При этомъ я лично не задѣваю графа Толстого, такъ какъ не хочу подавать примѣра неуваженія къ великимъ людямъ.

Въ «Трехъ разговорахъ», какъ извѣстно, Владиміръ Соловьевъ выступилъ болѣе опредѣленно съ возраженіемъ противъ нѣсколькихъ основныхъ тезисовъ ученія Толстого; онъ счелъ себя въ данномъ случаѣ свободнымъ отъ излишней сдержанности, въ виду того, что нѣкоторыми очень рѣзкими строками заграничнаго, но весьма распространеннаго въ Россіи изданія романа «Воскресеніе», гдѣ говорится о таинствѣ Евхаристіи, не оспариваются въ приличной, подобающей предмету формѣ, — а прямо осмѣиваются, попираются завѣтнѣйшія христіанскія вѣрованія.

Будучи сторонникомъ полной свободы мнѣній, Владиміръ Соловьевъ былъ, однако, горячимъ противникомъ той излишней рѣзкости выраженій о предметахъ, *священныхъ для кого-бы то ни было*, которая не могла найти себѣ оправданія ни въ логическихъ, ни въ художественныхъ требованіяхъ.

Для того, чтобы сражаться равнымъ оружіемъ съ противникомъ, онъ облекъ свое возраженіе тоже въ форму беллетристическую, представивъ въ лицѣ «князя», вполнѣ вѣрнаго и, по своему, послѣдовательнаго выразителя ученія графа Толстого, безъ малѣйшаго отношенія къ личности самого графа.

Г. Меньшиковъ, въ весьма интересныхъ и, въ общемъ, жизненно-вѣрныхъ воспоминаніяхъ о почившемъ философѣ, называетъ его «врагомъ» графа Толстого,—принявъ, быть можетъ, минутную вспышку неудовольствія въ устномъ

споръ—за чувство болѣе постоянное. Я позволю себѣ горячо возразить противъ этого мнѣнія, на основаніи частыхъ бесѣдъ съ покойнымъ Владиміромъ Сергѣевичемъ о графѣ Толстомъ. Какъ сказано выше, почившій философъ за послѣдніе годы все болѣе расходился съ графомъ во взглядахъ, но вражды онъ не чувствовалъ ни къ нему, да и ни къ кому на свѣтѣ.

Въ этой глубоко-христіанской душѣ могло быть мѣсто мимолетному гнѣву или негодованію, но не враждѣ. Когда онъ боролся, то велъ борьбу, какъ рыцарь, избѣгая опираться въ спорѣ на что бы то ни было, кромѣ истины, и всегда предоставляя своимъ противникамъ оружіе, равное со своимъ; когда-же такового не было, то онъ предпочиталъ воздерживаться отъ спора.

Безвременная кончина Владиміра Соловьева лишила исторію русской религіозно-философской мысли одной изъ богатѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ страницъ: еслибъ онъ еще прожилъ нѣсколько лѣтъ, то наше читающее общество неизбѣжно явилось бы свидѣтелемъ *полнаго* идейнаго спора между нимъ и графомъ Л. Н. Толстымъ; хотя этотъ споръ печатался-бы, вѣроятно, заграницей, но онъ дошелъ бы, конечно, до русскихъ читателей и пробудилъ-бы много высокихъ мыслей ad majorem Dei gloriam...

Печать весьма единодушна теперь въ похвалахъ почившему мыслителю, причемъ каждый лагерь силится завербовать его тѣнь къ себѣ, подобно тому, какъ изъ-за Гомера спорили города, да и у насъ, кромѣ Соловьева, изъ-за одного только Пушкина спорили, и долго еще будутъ спорить люди всякихъ направленій. Это лучшее доказательство глубины и *универсальности* этого великаго человѣка.

Выясненіе главныхъ основныхъ линій созданнаго имъ универсальнаго синтеза можетъ быть отчасти облегчено ознакомленіемъ съ самою личностью мыслителя. Воспоминаніямъ, ее рисующимъ, и будутъ преимущественно посвящены послѣдующія строки этой книги. Лучшее, обаятельнѣйшее, величайшее изъ всего утраченнаго русскимъ обществомъ съ безвременною кончиною Владиміра Сергѣевича Соловьева,— это *онъ самъ*.

VIII.

Въ памяти всѣхъ, кто хоть разъ видѣлъ Владиміра Соловьева, самая внѣшность его запечатлѣлась навсегда, какъ лучезарное видѣнье. Таинственно-прекрасные глаза, подъ впечатлѣніемъ которыхъ приходила на мысль извѣстная картина Габріэля Макса; высокое чело съ наглядным отпечаткомъ думъ и заботъ; густыя, энергичныя брови, пышные волосы съ сильною просѣдью, крупными волнами окаймлявшіе матово-блѣдное лицо; пушистая длинная темно-каштановая борода, скрашивавшая суровыя очертанія рта и подбородка.

Многими было основательно замѣчено, что верхъ и низъ лица были у Владиміра Соловьева въ какомъ-то странномъ несоотвѣтствіи, точно служили выраженіемъ различнаго духовнаго склада или даже принадлежали двумъ разнымъ лицамъ. Общему чарующему впечатлѣнію эта раздвоенность облика, однако, не вредила, такъ-какъ преобладаніе высшихъ душевныхъ чертъ наглядно отражалось на этомъ замѣчательномъ лицѣ.

Руки у Владиміра Соловьева были необычайно бѣлыя, аристократичныя; если допустить

нѣкоторый импрессіонизмъ, то можно сказать, что это были умныя и добрыя руки католическаго епископа.

Манеры, полныя утонченнаго достоинства и неподдѣльной простоты; добрая улыбка, въ которой выражалась неизъяснимая душевная теплота; густой грудной баритонъ, обладавшій какою-то особенной убѣдительностью; наконецъ, дѣтскій, иногда неудержимый смѣхъ съ неожиданными, презабавными икающими высокими нотами,—смѣхъ человѣка съ чистою совѣстью, не пресыщеннаго суетными радостями, всю жизнь посвятившаго труду и молитвѣ и потому съ особенною свѣжестью чувства умѣющаго отдаваться минутамъ невиннаго веселья. Все это дорисовывало своеобразный обликъ, обладавшій рѣдкою силою симпатичности.

Это было одно изъ тѣхъ лицъ, предъ которыми можно высказываться только откровенно, а свѣтская условная ложь кажется грѣхомъ. Даже какъ-то неловко было-бы дать ему неполный или уклончивый отвѣтъ на тотъ или иной вопросъ, или, не согласившись съ нимъ, не выяснить тутъ-же принципіальной причины такого несогласія.

Особенно сильное впечатлѣніе производилъ онъ на дѣтей и простолюдиновъ, то-есть именно на тѣхъ, чья совѣсть наименѣе разъѣдена ржавчиною всяческой лжи; они чувствовали праведность этой души и тянулись къ ней, какъ къ свѣту. Сколько мнѣ ни приходилось видѣть простолюдиновъ, знавшихъ Владиміра Сергѣевича,—всѣ къ нему относились, какъ къ лицу съ какими-то особыми духовными полномочіями свыше.

Очень забавный и характерный случай въ этомъ родѣ, если не ошибаюсь, описанный уже

В. А. Тихоновымъ, произошелъ однажды близь Иматры при мнѣ. Владиміръ Соловьевъ тамъ проживалъ зимою 1894—95 г. на виллѣ Рауха и пользовался всеобщею симпатіею окрестныхъ жителей; содержатель отеля, г. Альмъ, и всѣ мѣстные интеллигентные финляндцы называли Владиміра Сергѣевича Herr Professor; а кучеръ, часто возившій Соловьева по окрестностямъ, кроткій, забитый судьбою мужиченко, нашедшій въ Финляндіи убѣжище отъ злой жены и отъ паспортной волокиты, буквально влюбился въ нашего мыслителя и не упускалъ случая изливать ему свои печали, или хоть поговорить о чемъ-либо «душевномъ».

По длиннымъ волосамъ и длиннополой зимней одеждѣ, а главное по какому-то внутреннему чувству, этотъ кучеръ считалъ Владиміра Сергѣевича духовнымъ лицомъ; объ имени его онъ спросить не успѣлъ, а слыша разговоры своего хозяина, самъ изобрѣлъ и приписалъ Владиміру Сергѣевичу имя совсѣмъ особенное: «отецъ Парфенсонъ», какъ передѣлка слова «профессоръ». Покойный Владиміръ Сергѣевичъ истерически расхохотался, впервые услыхавъ такое обращеніе, сердечно полюбилъ его наивнаго автора и потомъ часто вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ. У моихъ родственниковъ есть томикъ стихотвореній В. С. Соловьева, надписанный «на добрую память отъ отца Парфенсона».

Какое-то мистическое довѣріе внушалъ Владиміръ Сергѣевичъ даже животнымъ. Мнѣ случалось раза два присутствовать при водвореніи его съ вокзала въ номеръ гостинницы: едва успѣетъ онъ пріѣхать и потребовать себѣ стаканъ кофе, какъ уже въ оконныя стекла бьются десятки голубей. Положимъ, онъ любилъ кормить ихъ размоченною булкою; но какимъ об-

разомъ птицы узнавали о пріѣздѣ Владиміра Сергѣевича прежде, чѣмъ онъ приступалъ къ ихъ кормленію, — это уже ихъ тайна. Та-же исторія повторялась съ окнами моей квартиры, когда тамъ поселялся Соловьевъ.

Но самое интересное проявленіе инстинктивной симпатіи животныхъ къ Соловьеву я видѣлъ со стороны собственной моей собаки. Съ нею у Владиміра Сергѣевича были какія-то особенныя пріятельскія отношенія. Когда онъ поселился у меня, собака, обыкновенно весьма игривая и рѣзвая, готова была цѣлыми часами просиживать въ его комнатѣ, прислушиваясь къ скрипѣнію его пера. Даже запахъ скипидара, всюду сопровождавшій Владиміра Сергѣевича и обыкновенно не нравящійся животнымъ, не мѣшалъ этому тяготѣнію собаки къ мыслителю. Владиміръ Сергѣевичъ очень цѣнилъ эту привязанность и, бывало, гладя умильно глядѣвшаго песика по косматой головѣ, говаривалъ:

— Что такое собаки? По-моему, это не собаки, а какія-то особенныя существа!..

У меня сохранились письма, въ которыхъ Владиміръ Сергѣевичъ «жметъ лапу Мартышкѣ». Когда дорогой всему дому гость уѣзжалъ, собака начинала серьезно грустить, и если, бывало, кто-нибудь подойдетъ къ ней и спроситъ, «гдѣ Соловьевъ?»—она принималась жалобно визжать и бѣгать по комнатамъ, точно разыскивая кого-то.

Сближеніе мое съ почившимъ мыслителемъ произошло какъ-то сразу и неожиданно для насъ обоихъ. Какъ теперь помню, прочелъ я въ «Вѣстникѣ Европы» зимою 1890—91 года интересную статью Владиміра Сергѣевича и возымѣлъ страстное желаніе поднести этому незнакомому человѣку только-что вышедшій тогда первый сборникъ моихъ стихотвореній.

Владиміръ Сергѣевичъ жилъ тогда въ Европейской гостинницѣ, подъ самымъ небомъ. Я встрѣтилъ его выходящимъ изъ комнаты, уже въ шубѣ и съ какими-то бумагами въ рукахъ. Онъ хотѣлъ вернуться въ комнату, я постѣснился, и мы минутъ двадцать простояли на порогѣ, причемъ успѣли наговорить другъ другу много такого, что обусловливается обыкновенно лишь давнишнею близостью.

Бесѣда продолжалась на слѣдующій день у меня и отличалась еще большей задушевностью. Вскорѣ затѣмъ Владиміръ Сергѣевичъ прислалъ мнѣ первый томъ своего «Національнаго вопроса», обѣщая заѣхать на-дняхъ и отмѣтивъ, что интересуется моимъ мнѣніемъ объ этой книгѣ.

Рѣшающимъ для нашихъ отношеній было слѣдующее свиданіе, когда я откровенно высказалъ Владиміру Сергѣевичу, что, во-первыхъ, раздѣляю далеко не всѣ взгляды, проводимые имъ въ названной книгѣ, но вижу въ немъ, прежде всего, *славянофила, горячо любящаго Россію*. Послѣднее, повидимому, было ему особенно пріятно; по крайней мѣрѣ, онъ тогда-же задалъ мнѣ рядъ вопросовъ, изъ которыхъ видно было, что онъ именно въ такомъ смыслѣ и желалъ быть понятымъ.

Считаю нужнымъ отмѣтить это теперь, когда нѣкоторые публицисты, какъ, напримѣръ, г. Спасовичъ, опираясь на отдѣльныя строки, тенденціозно выхваченныя изъ его писаній, и на нѣкоторыя *вспышки* западническаго рвенія со стороны Соловьева, стараются представить его *кореннымъ* врагомъ славянофильства. Эти искаженіе духовнаго облика почившаго мыслителя, въ однихъ случаяхъ объясняемое партійною близорукостью лицъ, пишущихъ о немъ, иногда обусловливается, въ сущ-

ности, малымъ уваженіемъ и къ его памяти, и къ свободѣ мнѣній, и къ правдѣ. Лицамъ, близко знавшимъ покойнаго, это, конечно, весьма нерадостно...

Кромѣ идейнаго уваженія и все возроставшей личной симпатіи къ этому обаятельному человѣку, стимуломъ къ тому, чтобы возможно чаще видѣться съ нимъ, явилось пламенное желаніе цѣлаго кружка моихъ собратьевъ, тосковавшихъ отъ скудости душевной жизни въ литературной средѣ и находившихъ высокую отраду въ общеніи съ Владиміромъ Сергѣевичемъ.

Жилъ онъ, какъ и мыслилъ, весьма своеобразно: презирая пространство, время, деньги и всякую земную условность. Ему ничего не стоило раздать всѣ свои вещи до предметовъ одежды включительно, а потомъ носить фракъ съ бурыми пиджачными брюками, или наоборотъ; временно надѣвать шубу одного пріятеля и увозить за тридевять земель шляпу другого. Только втеченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ было у него настоящее зимнее пальто, доставшееся ему послѣ покойнаго Фета, любовная память о которомъ мѣшала ему подарить кому-нибудь эту необходимую вещь. Новый пиджакъ онъ сшилъ себѣ однажды вслѣдствіе случайной встрѣчи съ моимъ портнымъ, почтеннымъ нѣмцемъ, заочно почитавшимъ Владиміра Соловьева и громко ужаснувшимся при видѣ «такого замѣчательнаго ученаго въ непрезентабельной одеждѣ». Онъ предложилъ оказать какой угодно кредитъ, липьбы Владиміръ Сергѣевичъ сдѣлалъ ему честь заказать костюмъ у него. Философъ случайно былъ при деньгахъ и кредита не принялъ, а настояніямъ почитателя-портного долженъ былъ уступить и впослѣдствіи неоднократно справлялся о его здоровьѣ.

Благотворительность и щедрость Владиміра Сергѣевича были безпредѣльны. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, онъ умудрялся оказывать денежныя услуги друзьямъ и знакомымъ, а прислугу, извощиковъ и иныхъ простолюдиновъ баловалъ истинно-королевскими «чаями». Онъ усматривалъ въ этомъ не только легкій способъ дѣлать пріятное людямъ, но и возстановленіе «непосредственной экономической справедливости», какъ онъ выразился однажды въ отвѣтъ на пріятельскій упрекъ въ расточительности.

И здѣсь, и въ Москвѣ онъ былъ извѣстенъ и дорогъ многимъ сотнямъ нищихъ, гораздо болѣе, чѣмъ иной толстосумъ, періодически обуреваемый покаянною щедростью. Его пріятели Мартыновы, жившіе въ Москвѣ въ весьма «чистомъ» переулкѣ старо-дворянскаго района, замѣтили, что послѣ ихъ сближенія съ Соловьевымъ, въ переулкѣ не стало проходу отъ нищихъ.

Если къ нему приходилъ бѣднякъ за пособіемъ, а деньги уже изсякали, то онъ отдавалъ ему носовой платокъ или часть одежды, ненужную въ тотъ моментъ, или, наконецъ, калоши, а въ крайнемъ случаѣ, посылалъ просителя съ письмомъ къ кому-либо изъ друзей, на отзывчивость которыхъ разсчитывалъ. Мнѣ случалось получать отъ него записки, вродѣ нижеслѣдующей:

«Податель этихъ строкъ, г. N. N., проситъ у меня 5 рублей на свадьбу, а у меня денегъ нѣтъ. Боюсь согрѣшить, но мнѣ почему-то кажется, что это уже не первая просьба такого рода и что, стало быть, онъ женится далеко не въ первый разъ. Осуждать, впрочемъ, не смѣю: мало-ли, къ чему иногда судьба можетъ принудить человѣка! Пожалуйста, взгляни на него испытующимъ окомъ и, если признаешь нуж-

нымъ, то дай ему просимое: сочтемся, когда получу изъ «Словаря» за статью».

А вотъ весьма характерный эпизодъ, довольно сложный и богатый въ нѣкоторомъ родѣ эпическими подробностями.

Однажды цѣлый кружокъ друзей ожидалъ Владиміра Сергѣевича у меня къ обѣду, къ 6-ти часамъ. Пробило 6, 7, половина восьмого, а Владиміра Сергѣевича нѣтъ. У гостей вытянутыя физіономіи, кухарка начинаетъ грубить, хозяйка дома чуть не плачетъ. Не случилось-ли чего?

Ѣду въ Европейскую гостинницу, влѣзаю на пятый этажъ. Вижу, лежитъ мой Владиміръ Сергѣевичъ, поднявъ ноги на спинку дивана, такъ-что онѣ гораздо выше головы. Обыкновенная блѣдность его еще усилилась, глаза полузакрыты... просто ужасъ!

Онъ обрадовался безмѣрно тому, что на него никто не разсердился. Оказывается, онъ вовсе не забылъ назначеннаго часа, а просто вышло роковое сцѣпленіе обстоятельствъ, цѣлая трагикомическая эпопея, которую стоитъ разсказать.

Въ этотъ день онъ всталъ рано и пошелъ покупать себѣ ботинки въ гостиномъ дворѣ. Выбиралъ, выбиралъ по мѣркѣ—и никакъ не могъ найти подходящихъ. Наконецъ, ему показалось, что приказчикъ тяготится этой возней; тогда онъ взялъ первую попавшуюся пару и надѣлъ ее, такъ-какъ собирался съ визитомъ въ какой-то великосвѣтскій домъ,—а старыя ботинки завернулъ въ бумагу и взялъ подъ мышку. Ради экономіи (у него оставалось три рубля мелочью) и чтобы разносить ботинки, онъ пошелъ пѣшкомъ на Васильевскій островъ, въ типографію Стасюлевича, гдѣ печаталась его книга. Дорогою къ нему приставали нищіе, которымъ онъ

отдалъ всѣ деньги, кошелекъ, пустой бумажникъ, носовой платокъ и старыя ботинки.

— Къ счастью, часовъ при себѣ не было,— добавилъ онъ мрачно.

— Почему-же къ счастью? Неужели и они достались-бы нищимъ?

— Нѣтъ, это память отца. Я-бы не отдалъ, а потомъ было-бы какъ-то совѣстно.

Пришлось бѣдному философу возвратиться домой пѣшкомъ уже поневолѣ, и притомъ въ узкихъ ботинкахъ, ставшихъ истиннымъ орудіемъ пытки. Утомился онъ чрезвычайно и не въ силахъ былъ даже думать о томъ, чтобы идти пѣшкомъ обѣдать въ гости. Говорю ему:

— Дорогой Владиміръ Сергѣевичъ, да вѣдь можно-же было пріѣхать и велѣть моему швейцару заплатить извощику.

Раздается пронзительный хохотъ.

— Вѣдь какъ просто, а не сообразилъ! И въ самомъ дѣлѣ, я вѣдь ничего не ѣлъ съ утра.

— Такъ поѣдемте обѣдать, или, вѣрнѣе, теперь уже ужинать. Угощу васъ любимымъ вашимъ сельдереемъ.

— Голубчикъ, оно хорошо-бы, да старыхъ ботинокъ нѣтъ, а эти проклятыя жмутъ!.. Впрочемъ, это ничего: на этотъ разъ я, кажется, ихъ перехитрю!

Владиміръ Сергѣевичъ вскакиваетъ съ дивана и перочиннымъ ножичкомъ разрѣзаетъ новыя ботинки на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ были особенно нестерпимы. Затѣмъ онъ ѣдетъ обѣдать и плѣняетъ всѣхъ истинно-дѣтскою веселостью.

Онъ былъ въ тотъ день необычайно въ ударѣ, какъ подъ впечатлѣніемъ снятія «сапожнаго гнета», такъ и потому, что въ числѣ гостей былъ Н. С. Лѣсковъ, остроуміе котораго дѣйствовало на него зажигательно.

Вообще эти два человѣка, столь несхожіе между собою по видимости, всегда оживлялись при встрѣчѣ и удивительно умѣли давать другъ другу реплику, сверкающую остроуміемъ. Людямъ, видѣвшимъ это, кажется, что высшій родъ смѣха исчезъ, послѣ того, какъ нельзя уже на землѣ возобновить встрѣчу этихъ двухъ глубокихъ и серьезныхъ умовъ, которымъ была столь свойственна тонкая шутка...

О благахъ міра сего и даже о собственномъ здоровьѣ Владиміръ Сергѣевичъ почти не заботился, а если иногда и обращалъ вниманіе на послѣднее, то развѣ полушутя. Зимою 1895 г. онъ пишетъ мнѣ съ Иматры, между прочимъ, слѣдующее:

«Спасибо за безпокойство о моемъ здоровьи. Пока, слава Богу, я только мерзну отчасти, но не болѣю. Думаю, что привыкъ къ этому перемежающемуся замерзанію и оттаиванію».

А вотъ полученное лѣтомъ того-же года письмо, въ которомъ, кромѣ свѣдѣній о здоровьи Соловьева и малой его мнительности, проглядываютъ и воззрѣнія покойнаго Владиміра Сергѣевича на человѣческіе планы:

«Милый другъ!

Я до сихъ поръ въ казармахъ *) и только въ среду, 14-го іюня, могу выбраться изъ города въ ближайшія мѣста. Развѣ я не говорилъ тебѣ много разъ, что я не настолько безуменъ, чтобы въ житейскихъ дѣлахъ принимать *рѣшенія*, особенно на долгій срокъ, и что всякія мои обѣщанія въ этой области выражаютъ только мои желанія и предположенія?! Если-бы мнѣ

*) Въ лѣтнюю пору нѣсколько лѣтъ подъ рядъ В. С. проживалъ у своего друга В. Д. Кузьмина-Караваева, имѣющаго казенную квартиру въ казармахъ на Вознесенскомъ проспектѣ.

можно было уѣхать въ Финляндію въ концѣ мая, то во второй половинѣ іюня я могъ-бы быть у васъ. Но теперь все это разстроилось. Тѣмъ не менѣе, я желаю и предполагаю праздновать съ вами твое рожденіе. За послѣднее время я былъ боленъ, а главное удрученъ скопленіемъ срочной работы. Сегодня первый, сравнительно, свободный день. Что касается болѣзни, то привезенный моими пріятелями докторъ, кромѣ многаго другого, нашелъ увеличеніе печени и раздраженіе внутренней оболочки сердца -- и предписалъ, между прочимъ, воздержаніе «отъ вина и ликера» (вмѣсто «сикера», по версіи типографскаго корректора), куда онъ включилъ также пиво и даже кофе. Я слѣдую съ успѣхомъ этому предписанію. Чтобы ты не безпокоился, прибавлю, что этотъ самый докторъ, хотя нашелъ у меня артеріосклерозъ второстепенныхъ сосудовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ «константировалъ», что аорта эластична, какъ у 17-ти-лѣтняго, на основаніи чего предрекъ мнѣ долгую жизнь, чего и вамъ отъ души желая, остаюсь, милые друзья, неизмѣнно васъ любящій Вл. Соловьевъ».

Увы! Плохимъ пророкомъ оказался этотъ докторъ! Вѣдь это было такъ незадолго до его кончины! Я ожидалъ тогда Владиміра Сергѣевича къ себѣ на дачу въ Ассернъ близъ Риги, да такъ и не дождался. Оказалось потомъ, что онъ былъ серьезно боленъ и здѣшніе друзья перепугались не на шутку. Кромѣ того, и въ здоровомъ состояніи онъ обладалъ удивительною способностью застрять въ каждомъ мѣстѣ, куда попадалъ, особенно если тамъ у него спорилась работа. Онъ любилъ оправдывать эту инертность общими соображеніями. «Всякое *дѣйствіе*», пишетъ онъ однажды, «нужно отклады-

вать до послѣдней возможности. Довлѣетъ дневи злоба его».

Его «дневи», однако, матеріальная злоба была обыкновенно безразлична. Пробовалъ онъ, напримѣръ, жить въ Царскомъ Селѣ, чтобы уединиться и работать на просторѣ: квартира была прямо идеальная въ отношеніи всякихъ неудобствъ и нестерпимаго холода, ѣда — сущій миѳъ; а посѣтители не отставали и тутъ. Предпослѣдніе два года прожилъ онъ въ Петербургѣ, на Потемкинской улицѣ, въ холодной и почти не меблированной квартирѣ, безъ прислуги. Когда дворничиха вспомнитъ, что надо протопить, температура становится выносимѣе; если забудетъ, то самъ философъ, когда ужъ очень промерзнетъ, наколетъ дровъ и сунетъ ихъ въ печку, а не то — такъ и просидитъ въ холодѣ.

Родныхъ онъ иногда доводилъ до отчаянія своею беззаботностью. Въ оставленномъ имъ въ мое распоряженіе пакетѣ съ письмами я нашелъ слѣдующую записку одной изъ его сестеръ, сообщаемую здѣсь съ ея разрѣшенія.

— «Дорогой Володя!

Въ третій разъ пишу тебѣ и не могу добиться, чтобы ты сообщилъ, куда выслать тебѣ шубу. Вѣдь это, наконецъ, не по-христіански»!..

«Не по-христіански»!.. Это уже крайній аргументъ, передъ которымъ должна была спасовать упорная инертность Владиміра Сергѣевича по отношенію къ матеріальной злобѣ дня. Развивъ въ себѣ эту черту въ силу побужденій, о которыхъ будетъ сказано ниже, онъ иногда, впрочемъ, и самъ бывалъ ею недоволенъ. «Вотъ и свободный по видимости человѣкъ», говоритъ онъ въ одной торопливой записочкѣ, «а за нѣсколько часовъ не могу наканунѣ ручаться»!

Особенно дорого во всѣхъ отношеніяхъ обходилась ему эта черта, когда онъ проживалъ въ гостинницѣ цѣлыми мѣсяцами (за послѣдніе года преимущественно въ гостинницѣ «Англія», близъ Исаакіевскаго собора). Если былъ тамъ кое-какой внѣшній комфортъ, то не было самаго главнаго, — покоя. То и дѣло ходили къ нему либо друзья, не могшіе превозмочь своей потребности общенія съ этимъ свѣтлымъ человѣкомъ, либо люди, просившіе на «похороны матери» (давно умершей) или «на свадьбу» (далеко не первую), либо молодые, начинающіе писатели, которымъ онъ помогалъ и литературными совѣтами, и всякими иными способами. Сколько малоцѣнныхъ произведеній онъ проредактировалъ или хоть исправилъ, сколькимъ облегчилъ первые шаги на литературномъ поприщѣ, — это не поддается никакому учету. А сколько времени, хлопотъ и сердечнаго участія онъ отдалъ всякаго рода гонимымъ людямъ, искавшимъ его заступничества! Ради нихъ отчасти онъ поддерживалъ отношенія съ вліятельными сферами и бывалъ неутомимъ, какъ ходатай за другихъ. И при этомъ ни тѣни раздраженія, ни малѣйшей нетерпѣливости даже по отношенію къ тѣмъ, кто напрашивался на нее. Часто видѣлъ я, напримѣръ, у него одну старую, ужасно антипатичную женщину съ неискоренимымъ запахомъ водки, просившую подачекъ подъ видомъ работы. Она брала переписку, хотя почеркъ ея былъ ужасенъ, а безграмотность просто феноменальна. Владиміръ Сергѣевичъ давалъ ей нѣсколько разъ подъ рядъ переписывать одно и то-же произведеніе, давно уже напечатанное. Эта старушка не оставляла его даже заочно и преслѣдовала телеграммами съ просьбой о пособіяхъ, когда онъ уѣзжалъ

куда-нибудь. Кротость его не знала границъ, и только изрѣдка онъ шутя говаривалъ: «Удивительное у нея постоянство! Будь она менѣе отрицательной внѣшности,—пожалуй, могла-бы кого угодно скомпромметировать тономъ своихъ требованій».

Соберутся друзья или добрые знакомые—и сейчасъ-же Владиміръ Сергѣевичъ ощущаетъ потребность угостить чѣмъ-нибудь, хоть чашкой кофе, а если подходитъ время къ завтраку, то и стаканомъ вина. Если гости близкіе дерзали отказываться, то Владиміръ Сергѣевичъ становился деспотиченъ:

— Нѣтъ, хоть стаканъ Ассмансгейзеру за здоровье одного человѣка, съ которымъ у меня серьезные сердечные счеты.

Онъ въ данномъ случаѣ упоминалъ о художникѣ П. В. Жуковскомъ, авторѣ памятника Александру II въ Москвѣ и сынѣ великаго нашего поэта.

Глядь, и краткое петербургское утро прошло, подкрались сумерки—и надо ѣхать куда-нибудь «по дѣлу», то-есть хлопотать о комъ-нибудь гонимомъ судьбой или людьми. А работа, остановленная на полусловѣ, отниметъ у Владиміра Сергѣевича долгую ночь; нагнется его косматая голова надъ столомъ—и заболятъ его близорукіе глаза отъ напряженія. Надо торопиться, такъ-какъ ждутъ и «Энциклопедическій словарь», и «Вѣстникъ Европы», и философскій журналъ, и «Книжки Недѣли». Послѣдній срокъ подходитъ, работа въ типографіяхъ рискуетъ пріостановкой. Да и редакціонные авансы надо покрыть: жизнь въ гостинницѣ дорога, и число бѣдняковъ, просящихъ помощи,—замѣтно ростетъ. А главное, нужно торопиться съ работой, потому что въ такомъ-то повременномъ изданіи кто-нибудь вы-

сказалъ мысль языческаго свойства: необходимо ее опровергнуть поскорѣе.

Усталый, изнеможенный, ложится нашъ мыслитель въ седьмомъ часу утра въ холодную постель, забывъ, что форточка не заперта, и со двора вползаетъ въ комнату какой-то промозглый туманъ, отъ котораго ознобъ пробираетъ человѣка. А часовъ въ 10 или 11 утра стукъ въ дверь, и грудной голосъ просыпающагося Владиміра Соловьева добродушно отвѣчаетъ: «herein!..» — и опять та-же исторія!..

Какіе-то газетные зоилы посмѣялись однажды, когда Владиміръ Сергѣевичъ напечаталъ въ «Новомъ Времени» письмо, въ которомъ просилъ постороннихъ посѣтителей и корреспондентовъ немножко пощадить его, дать ему окончить главные изъ намѣченныхъ трудовъ. Заплачутъ теперь многіе, вспомнивъ, что не стало человѣка настолько добраго, что онъ просилъ пощады даже у тѣхъ, кто мѣшалъ ему работать.

Однако, наряду съ беззаботностью, у Владиміра Сергѣевича иногда проявлялась презабавная находчивость, когда внѣшнія условія жизни ужъ очень тѣснили его. Мнѣ вспоминается слѣдующій характерный фактъ, приведенный также В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ въ его статьѣ о Вл. С. Соловьевѣ. Когда Владиміръ Сергѣевичъ поселился на Потемкинской улицѣ, дворникъ сталъ приставать къ нему изъ-за паспорта; а паспортъ гдѣ-то затерялся во время частыхъ переѣздовъ. Сидитъ нашъ философъ за столомъ, уткнувшись лицомъ въ работу; слышитъ покашливаніе дворника и оборачивается:

— Чего вамъ?

— Насчетъ пачпорта, ваше благородіе!

Владиміръ Сергѣевичъ безпомощно ищетъ

что-то въ кучѣ бумагъ, не находитъ, потомъ вынимаетъ трехрублевку и подаетъ:

— Пожалуйста, вы, голубчикъ, того... Я вамъ какъ-нибудь потомъ!

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство!

Черезъ недѣлю таже исторія, съ производствомъ философа въ генеральскій чинъ за трехрублевку. Такъ нѣсколько разъ. Но вотъ, однажды, дворникъ приходитъ и, предварительно получивъ свое, продолжаетъ упорно стоять. Владиміръ Сергѣевичъ оборачивается:

— Какъ? Вы еще здѣсь? Вѣдь вопросъ исчерпанъ? Вы-же свое получили?

— Точно такъ-съ! Покорно благодаримъ! А только околоточный сурьезно сказалъ, что безъ пачпорта нельзя-съ. Меня уволятъ, ежели не представлю!

— А, хорошо! Сейчасъ, сейчасъ!

Владиміръ Сергѣевичъ садится и самъ себѣ пишетъ слѣдующій видъ на жительство:

«Предъявитель сего, отставной коллежскій совѣтникъ, докторъ философіи, бывшій приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета, Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ. Справиться предлагаю у товарища министра имя рекъ и у помощника градоначальника имя рекъ...»

Съ тѣхъ поръ его радикально оставили въ покоѣ.

Иногда, предвкушая мытарства гостиничной жизни, или чувствуя утомленіе отъ нихъ, Владиміръ Сергѣевичъ поддавался на усиленныя приглашенія кого-либо изъ своихъ пріятелей и перебирался къ нему. Между ближайшими къ нему людьми даже соблюдалась въ этомъ отношеніи нѣкоторая очередь, ибо каждый хотѣлъ залучить дорогого гостя къ себѣ.

Въ день, назначенный для переѣзда, это зачастую не удавалось, причемъ Владиміръ Сергѣевичъ конфузился и старался отшутиться. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ одного подобнаго письма:

— «Переселеніе мое въ вашъ кабинетъ можетъ состояться только въ четвергъ, — по причинамъ маловажнымъ sub specie aeternitatis, но настоятельнымъ sub specie svinitatis (species nova, non re scilicet, sed verbo, prius non audita, a me inventa et in latinitatem infimam introducta)—de quibus scribere non opportet.

А въ пятницу я буду свободенъ воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ вашимъ и относительно обѣда. До скораго свиданія. Неизмѣнно васъ любящій sub speciebus omnibus.

Вл. Соловьевъ».

Svinitas, или по-просту свинство, о которомъ здѣсь упоминается, заключалось въ томъ, что какой-то собратъ по перу занялъ у него на три дня всѣ бывшія у него деньги и затѣмъ куда-то испарился, такъ-что нельзя было выѣхать изъ гостинницы до полученія новыхъ подкрѣпленій. Владиміръ Сергѣевичъ при этомъ какъ-то умудрялся оправдывать должника, говоря, что онъ «неосторожень, но зато талантливъ». Когда, наконецъ, переѣздъ начинался взаправду, Владиміръ Сергѣевичъ сверхъ словеснаго заявленія, считалъ нужнымъ порадовать хозяевъ еще письмецомъ и прибавлялъ какую-нибудь просьбу, зная, что этимъ доставитъ удовольствіе:

— «Почти уложился, пришлю съ комиссіонеромъ свою рухлядь, а нѣсколько позднѣе предстану и самъ. Это *навѣрно,* и въ доказательство обращаюсь къ вамъ съ безцеремонною просьбою: сказать вашей прислугѣ, чтобы пригото-

вили мнѣ ванну часу къ 12-му вечера. Примите это не за наглость, а за дружескую интимность».

По выраженію одной моей старой служанки, съ переѣздомъ Владиміра Сергѣевича въ домъ «нисходило благословеніе»: всѣмъ становилось какъ-то легко на душѣ, житейскія огорченія и дрязги казались ничтожными, мысль сама собою настраивалась болѣе высоко и всѣмъ работалось спорѣе. Въ домѣ, конечно, становилось тише, потому что всѣ домочадцы сознавали необходимость дать гостю покой и возможность заниматься.

А работоспособность его была прямо изумительна. Онъ могъ просидѣть 6 — 7 часовъ подъ рядъ, не отрываясь отъ письменнаго стола, затѣмъ заснуть часа на два и проснуться самостоятельно часа въ три утра, чтобъ опять сѣсть за работу до полудня. Для вѣрности проситъ, бывало, разбудить его, если знаетъ, напримѣръ, что я собираюсь очень поздно лечь; но за много мѣсяцевъ совмѣстной жизни я не помню случая, чтобъ онъ оказался не проснувшимся самостоятельно, при помощи какого-то внутренняго усилія воли, не покидавшей его и во время сна.

У его трудовой энергіи была какая-то особенная заразительность: всѣ, начиная со взрослыхъ и кончая дѣтьми, охотнѣе и легче выполняли свои задачи, зная, что въ сосѣдней комнатѣ работаетъ Соловьевъ. И какъ весело бывало, когда сходились послѣ этого съ нимъ за завтракомъ или за ужиномъ! Сознаніе, что онъ успѣлъ много сдѣлать за нѣсколько часовъ, разжигало въ немъ шутливость и добродушный юморъ: онъ сыпалъ экспромптами, вспоминалъ смѣшные эпизоды изъ своей жизни и переходилъ къ неудержимому хохоту.

Комната, гдѣ онъ жилъ, обыкновенно про-

питывалась запахомъ скипидара. Этой жидкости онъ придавалъ не то мистическое, не то цѣлебное значеніе. Онъ говорилъ, что скипидаръ предохраняетъ отъ всѣхъ болѣзней, обрызгивалъ имъ постель, одежду, бороду, волосы, полъ и стѣны комнаты, а когда собирался въ гости, то смачивалъ руки скипидаромъ пополамъ съ одеколономъ и называлъ это шутя «bouquet Solovieff».

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ подкосилъ свой организмъ, съ одной стороны, неимовѣрнымъ трудомъ и значительными періодами поста, а кромѣ того, постепенно отравлялся скипидаромъ, разрушительно дѣйствующимъ на почки. Одинъ изъ близкихъ друзей покойнаго, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, недавно высказалъ ту-же мысль о скипидарномъ отравленіи, въ воспоминаніяхъ своихъ о Соловьевѣ.

Неоднократно старались друзья предостерегать его относительно опасности злоупотребленія скипидаромъ, но онъ до самаго послѣдняго времени проявлялъ необычайное упрямство въ этомъ вопросѣ.

Вспоминается мнѣ по этому поводу одинъ случай. Покойный Владиміръ Сергѣевичъ любилъ иногда послѣ усиленной работы прочесть передъ сномъ нѣсколько страницъ изъ хорошей книги, не имѣвшей прямого отношенія къ его занятіямъ. Изъ такихъ книгъ въ моей библіотекѣ онъ облюбовалъ поэтично написанный трудъ проф. Д. Н. Кайгородова о птицахъ. Онъ высоко цѣнилъ произведенія этого автора, находя, что онъ «не только видитъ, но и умѣетъ показывать другимъ Бога въ природѣ». И вотъ, однажды, простившись со мною передъ сномъ, входитъ Владиміръ Сергѣевичъ ощупью въ мою спальню и, окликнувъ меня, проситъ зажечь

свѣчу. Испугавшись на минуту, я немедленно успокаиваюсь, видя удовольствіе, написанное на его лицѣ. Показывая мнѣ книгу, Владиміръ Сергѣевичъ весь сіяетъ:

— Какъ я радъ! Нашелъ у милаго Кайгородова легенду о клестѣ съ кривымъ клювомъ, слышанную мною еще въ ранней юности.

По преданію, клесты, видя распятаго Господа, пытались вырвать гвозди изъ креста, но не могли этого сдѣлать, а только искривили себѣ клювъ. За эту самоотверженную попытку Спаситель назначилъ имъ жить въ хвойныхъ лѣсахъ, вскрывать кривымъ клювомъ шишки и питаться смолистыми зернышками; отъ этой здоровой пищи дано имъ не знать тлѣнія послѣ смерти.

Хвалу этой легендѣ и нашедшему ее профессору Владиміръ Сергѣевичъ заключилъ апологіей скипидара, какъ вещества, выдѣлываемаго изъ смолистыхъ матеріаловъ.

— И развѣ не лестно быть клестомъ? А?

— Нечего сказать! Съ кривымъ клювомъ! Носъ въ одну сторону, а нижняя губа въ другую! И питаться еловыми шишками!

Владиміръ Сергѣевичъ захохоталъ и ушелъ къ себѣ, но спать не легъ, и я съ полчаса еще слышалъ, какъ онъ расхаживалъ въ туфляхъ по комнатѣ и мурлыкалъ что-то жизнерадостное.

Питался онъ, когда бывалъ предоставленъ самому себѣ, немногимъ лучше клеста: кислая капуста, сельдерей, чай, немножко икры, да изрѣдка рыба, когда организмъ или хозяева настаивали, чтобъ онъ подкрѣпилъ себя. Любилъ онъ вино и фрукты; непрочь былъ иногда выпить въ дружеской компаніи настолько, чтобы достигнуть нѣкотораго нервнаго подъема, когда человѣкъ становится разговорчивѣе и легче при-

поминаетъ все смѣшное. За 10 лѣтъ близкаго знакомства съ нимъ я не упомню случая, чтобъ онъ въ этомъ отношеніи зашелъ дальше указаннаго предѣла. Поэтому меня, какъ и вообще многихъ друзей покойнаго, сильно покоробили появившіеся въ одномъ близкомъ Соловьеву журналѣ странные намеки на то, что онъ порою былъ склоненъ даже чуть-ли не къ кутежамъ. Вину онъ придавалъ мистическое значеніе и кромѣ того цѣнилъ его, какъ источникъ рѣдкихъ минутъ добродушнаго веселья среди долгаго воздержанія и упорной работы.

Гощеніе Соловьева у друзей, всегда повышавшее духовный уровень семьи, въ которой онъ поселялся, зачастую сопровождалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, и эпизодами, не лишенными комизма. Пріѣхавъ ко мнѣ однажды раннею осенью на нѣсколько дней, онъ прожилъ до глубокой зимы и приводилъ меня буквально въ отчаяніе, выходя на улицу въ легкой крылаткѣ и мягкой лѣтней шляпѣ. Насилу уговорилъ я его брать въ нужныхъ случаяхъ мою шубу, пока не получится зимнее пальто, выписанное телеграммой отъ родныхъ изъ Москвы. Легкую шляпу онъ носилъ, пока не схватилъ ужаснаго гриппа. Только тогда призадумался онъ надъ вопросомъ о теплой шапкѣ. Самому выходить не хотѣлось, такъ какъ онъ работалъ день и ночь, а меня или моихъ присныхъ онъ избѣгалъ безпокоить.

И вотъ, однажды рано утромъ онъ призываетъ посыльнаго, ниточкой снимаетъ мѣрку со своей головы, даетъ пять рублей и велитъ купить шапку, все равно какую. Посыльный приноситъ невообразимую мерзость — какой-то плисовый колпакъ. Я негодую, а Владиміръ Сергѣевичъ обрызгиваетъ новую покупку традиціоннымъ скипидаромъ «для дезинфекціи» и гово-

ритъ мнѣ по-англійски: «Пожалуйста, не осуждай шапки!—этотъ человѣкъ можетъ обидѣться».

Владиміръ Сергѣевичъ гостилъ обыкновенно дольше, чѣмъ было раньше намѣчено, но и уѣзжалъ иногда внезапно, безъ побудительной внѣшней причины, просто «чтобы не разбаловаться», какъ онъ выразился однажды.

Въ деньгахъ онъ нуждался постоянно, частью въ силу своей безграничной щедрости и нежеланія «нещись о мнозѣхъ», частью-же потому, что высокой нравственной оцѣнкѣ его твореній далеко не соотвѣтствовала матеріальная: за вдохновенные, серьезные труды свои, которымъ даже не сразу дано достигнуть широкаго вліянія, предстоящаго имъ въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ получалъ неизмѣримо меньше, чѣмъ любой хлесткій фельетонистъ за преходящую чепуху. Недаромъ онъ такъ истерически хохоталъ однажды, услыхавъ отъ покойнаго Лѣскова простой афоризмъ: «Издатель всегда... издатель».

У него не было ни умѣнія, ни желанія хорошо устраивать свои дѣла. Беззаботность Владиміра Сергѣевича и его заброшенность въ матеріальномъ отношеніи происходили, въ итогѣ, не отъ внѣшнихъ причинъ. Его нѣжно любили и родные, и друзья, среди которыхъ были люди весьма вліятельные въ разныхъ сферахъ. Онъ всегда бы могъ создать себѣ, при этихъ условіяхъ и при своемъ громадномъ дарованіи, удобное и прочное матеріальное положеніе и, во всякомъ случаѣ, избѣжать переутомленія срочной работой и разныхъ лишеній. Не были эти лишенія и результатомъ какого-либо изъяна воли. Напротивъ, воля-то была гигантски сильна. Я рѣдко видѣлъ человѣка, который-бы такъ повелѣвалъ своему организму и даже своимъ мыслямъ.

Нѣтъ, тутъ была причина другая, которую

можно было выяснить, по отдѣльнымъ намекамъ и съ виду незначительнымъ фактамъ, лишь при условіи долгаго знакомства. Владиміръ Соловьевъ любилъ и людей, и жизнь, съ особой напряженностью испытывая радости ея, но намѣренно *устранялся отъ всякихъ земныхъ узъ*, намѣренно ставилъ предѣлы собственному сердцу, даже въ проявленіяхъ любви къ роднымъ и друзьямъ. Онъ *избѣгалъ подчиненія привычкѣ* рѣшительно во всемъ, даже въ аскетизмѣ, этой отличительной чертѣ его жизни. Аскетъ по призванію и убѣжденію, — онъ *боялся*, если можно такъ выразиться, *машинальнаго аскетизма* и порою нарочно прерывалъ созерцательное настроеніе невиннымъ весельемъ, какъ свѣтлый метеоръ влетая въ кружокъ друзей, чтобы снова исчезнуть, иногда надолго.

Оттого жизнь Владиміра Сергѣевича, хотя и глубоко объединенная главной идеей, которой онъ служилъ, и главнымъ чувствомъ, преобладавшимъ въ его сердцѣ, — представляла собою картину сложную, производившую впечатлѣніе *пестроты* и даже раздвоенности.

Рѣзкія противорѣчія въ выраженіяхъ лица и внѣшнихъ пріемахъ приводили иногда въ недоумѣніе людей поверхностныхъ или видѣвшихъ Соловьева только мелькомъ. Такъ, онъ могъ иногда просидѣть цѣлый вечеръ, не проронивъ ни слова, если въ комнатѣ находился человѣкъ, въ которомъ онъ чуялъ чуждый ему «духъ»; по уходѣ этого человѣка, котораго онъ видѣлъ, можетъ быть, въ первый и послѣдній разъ, Владиміръ Сергѣевичъ становился неузнаваемъ: оживлялся и щедро сыпалъ остроты. Онъ омрачался иногда и въ кругу близкихъ лицъ, подъ вліяніемъ физической или нравственной усталости, а также, если ему ка-

залось (и почти всегда безошибочно), что кѣмъ-либо изъ его друзей овладѣло «буржуазное настроеніе».

Въ рѣзкихъ переходахъ отъ веселости къ мрачному безмолвію и наоборотъ, какъ и во всемъ духовномъ складѣ Владиміра Сергѣевича, было, если можно такъ выразиться, нѣчто *медіумическое:* точно не всѣ его слова и дѣйствія были вполнѣ произвольны, точно какія-то невидимыя силы вселялись въ тайники его духа, чередуя черныя тучи съ ясною лазурью.

Врачи объясняютъ такія явленія причинами психо-физіологическими. Кто близко всматривался въ Соловьева, для того подобное объясненіе явно недостаточно. Почившій мыслитель не только глубоко-мистически вѣровалъ въ Бога и считалъ загробный міръ столь-же реальнымъ, какъ и внѣшній, но у него было несомнѣнно и особенное непосредственное, живое и реальное отношеніе къ этому міру, другимъ невидимому. Онъ *видѣлъ* дьявола и пререкался съ нимъ; онъ *ощущалъ* близость Бога.

Я замѣчалъ, что мрачное настроеніе всегда угнетало его или послѣ какихъ-нибудь странныхъ и непріятныхъ «вѣстей» изъ невѣдомаго міра, или передъ таковыми; настроенія-же свѣтлыя или порывы веселья также всегда совпадали съ причиною невѣдомою, которую онъ лично считалъ воздѣйствіемъ извнѣ. У меня хранится воспроизводимый здѣсь весьма интересный, сдѣланный И. Е. Рѣпинымъ въ нѣсколько минутъ, набросокъ карандашомъ, изображающій Владиміра Соловьева именно такимъ, какимъ онъ бывалъ подъ гнетомъ невѣдомой мрачной силы. Знаменитый художникъ необычайно удачно и сильно отмѣтилъ отпечатокъ этого и въ позѣ, и въ выраженіи лица. По всему видно, что съ

мыслителемъ происходило что-то нешуточное' выходившее за предѣлы обыкновеннаго нездоровья или печальнаго раздумья...

Публицисты и читатели немало посмѣялись, года три тому назадъ, надъ однимъ стихотвореніемъ, въ которомъ Владиміръ Соловьевъ читаетъ мораль «морскимъ чертямъ». Людямъ, заключеннымъ въ кругъ преимущественно будничныхъ понятій, предоставляется, конечно, признавать или отрицать существованіе какихъ-бы то ни было чертей; но при ограниченности нашихъ познавательныхъ средствъ, *и утвержденіе, и отрицаніе одинаково бездоказательны.* Близкое знакомство съ Соловьевымъ могло дать скорѣе нѣкоторый *матеріалъ для утвержденія;* одинъ примѣръ этого сильнаго мистика, столь наглядно богатаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, и здравымъ смысломъ, сперва ставилъ человѣка втупикъ, а потомъ производилъ на него нѣкоторое внушеніе.

Однажды мы съ Владиміромъ Сергѣевичемъ и извѣстнымъ экономистомъ г. Субботинымъ пришли къ покойному Н. С. Лѣскову, тогда только-что познакомившемуся съ Соловьевымъ. Владиміръ Сергѣевичъ былъ мраченъ, и разговоръ на общія темы какъ-то не клеился. Лѣсковъ сталъ припоминать разныхъ общихъ знакомыхъ и, между прочимъ, сказалъ объ одномъ изъ нихъ:

— Представьте, онъ даже вѣритъ въ существованіе бѣсовъ, ха-ха-ха!

Владиміръ Соловьевъ вздрогнулъ, глаза его странно загорѣлись, и онъ прерывисто произнесъ:

— Да какой-же человѣкъ, внимательно всматривающійся въ жизнь, можетъ не вѣрить въ существованіе бѣсовъ?!

Это было сказано тономъ такого убѣжденія,

что передъ нами какъ-будто приподнялась завѣса чего-то невидимаго и страшнаго, и Лѣсковъ машинально произнесъ:

— Ну, конечно! Еще-бы!...

Припоминая впослѣдствіи этотъ фактъ, Лѣсковъ говорилъ мнѣ, что совершенно искренно согласился въ ту минуту съ Владиміромъ Соловьевымъ.

Весьма знаменательно и цѣнно, что авторъ одной изъ серіознѣйшихъ статей о почившемъ мыслителѣ, г. А. Введенскій («Призывъ къ самоуглубленію»), находитъ и метафизическое объясненіе упомянутому мистическому стихотворенію Соловьева, которое одни относили къ области галлюцинацій, граничащихъ съ умственнымъ разстройствомъ, а другіе считали насмѣшкою надъ читающею буржуазною публикою.

Владиміръ Соловьевъ зналъ и заклинанія противъ бѣсовъ. Вотъ одно изъ нихъ, которое, въ силу обстоятельствъ, не относящихся къ біографіи почившаго мыслителя, мнѣ пришлось твердо запомнить: «*Заклинаю васъ именемъ Іисуса, Сына Бога Живаго, передъ Которымъ преклоняются всѣ колѣна на небесахъ, на землѣ и подъ землею*». Для успокоенія гг. врачей и сторонниковъ натурализма, которыхъ, быть можетъ, раздражитъ кое-что изъ вышеизложеннаго, слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что мистическія явленія стали чаще посѣщать Владиміра Соловьева и дѣйствовать на него сильнѣе именно съ тѣхъ поръ, какъ его здоровье замѣтно пошатнулось. Смежность этихъ двухъ фактовъ, хотя и не служитъ неоспоримымъ аргументомъ въ пользу естественнаго объясненія «сверхъестественныхъ явленій», но все-таки открываетъ этому объясненію нѣкоторый просторъ. Истина-же во всей полнотѣ и неопровержимости откроется намъ,

конечно, лишь тогда, когда некому будетъ разсказывать о ней...

Религіозность Владиміра Соловьева была трогательна, заразительна и вмѣстѣ очень своеобразна. Въ ней пламенность сочеталась съ какою-то особенною застѣнчивостью. Садясь за обѣдъ или за работу, онъ крестился истово, съ нервною торопливостью; изъ молитвъ онъ особенно дѣйствительною считалъ молитву мысленную. Въ большіе праздники онъ избѣгалъ пышныхъ городскихъ храмовъ и уѣзжалъ куда-нибудь подальше, чтобы помолиться либо въ маленькой приходской церкви, либо гдѣ-нибудь въ лѣсной глуши.

Приблизительно за мѣсяцъ до смерти, во второй половинѣ іюня 1900 года, сидя вечеромъ у меня, онъ вдругъ отвелъ меня въ сторону и высказалъ, что въ послѣднее время онъ охваченъ особенно напряженнымъ религіознымъ настроеніемъ; что ему хотѣлось-бы при этомъ помолиться не въ одиночествѣ, а присутствовать съ другими людьми на богослуженіи. Я ему отвѣтилъ, конечно, что надо радоваться этому приливу высокаго чувства—и пойти въ церковь. Отвѣтъ его мнѣ показался страннымъ въ ту минуту:

— Боюсь, что я вынесъ-бы изъ здѣшней церкви нѣкоторую нежелательную неудовлетворенность. Мнѣ было-бы даже странно видѣть безпрепятственный, торжественный чинъ богослуженія. Я чую близость временъ, когда христіане будутъ опять собираться на молитву въ катакомбахъ, потому что вѣра будетъ гонима,—быть можетъ, менѣе рѣзкимъ способомъ, чѣмъ въ нероновскіе дни, но болѣе тонкимъ и жестокимъ: ложью, насмѣшкой, поддѣлками,—да мало-ли еще чѣмъ! Развѣ ты не видишь, *кто* надвигается? Я вижу, давно вижу!

Голосъ у него дрожалъ, въ глазахъ была видна глубокая скорбь, исхудалое лицо и руки въ черныхъ перчаткахъ (онъ тогда не совсѣмъ еще вылѣчился отъ нервной экземы) — все это производило тяжелое впечатлѣніе. Я тогда приписалъ болѣзни его послѣднія слова. Потомъ я вспомнилъ, что слышалъ ихъ далеко не въ первый разъ, и слышалъ въ такія минуты, когда не могло быть рѣчи ни о малѣйшемъ нездоровьи, ни о какомъ-бы то ни было нервномъ подъемѣ.

Еще лѣтъ восемь тому назадъ онъ говорилъ о предстоящемъ пришествіи *антихриста*, — сперва коллективнаго, а затѣмъ воплощеннаго въ отдѣльномъ лицѣ,—съ тѣмъ чисто-научнымъ спокойствіемъ, съ какимъ геологъ говорилъ-бы о смѣнѣ формацій или метеорологъ о неизбѣжныхъ климатическихъ перемѣнахъ. Онъ объ этомъ не только говорилъ, но и писалъ, причемъ сперва у него проскальзывали указанія на факты, которыхъ онъ открыто не называлъ еще антихристовыми; затѣмъ онъ употреблялъ это слово, какъ нарицательное для группы характерныхъ явленій, и, наконецъ, написалъ въ извѣстныхъ «Трехъ разговорахъ» прямо уже «*Повѣсть объ антихристѣ*». Любопытно, что онъ однажды, прочитавъ пріятелю въ рукописи эту повѣсть, спросилъ его внезапно:

— А какъ вы думаете, что̀ будетъ мнѣ за это?

— Отъ кого?

— Да отъ заинтересованнаго лица! Отъ *самого!*

— Ну, это еще не такъ скоро!

— Скорѣе, чѣмъ вы думаете!

Пріятель Соловьева, В. П. Протейкинскій, разсказавшій мнѣ это, и самъ тоже немного мистикъ, подобно всѣмъ вѣрующимъ людямъ,— добавилъ потомъ, не безъ волненія:

— А замѣтьте, однако: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого вопроса, нашего Владиміра Сергѣевича не стало! Точно кто вышибъ этого крестоносца изъ сѣдла!..

Для характеристики почившаго мыслителя вопросъ о концѣ міра представляетъ особый интересъ. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ высказывалъ мнѣ глубокое убѣжденіе въ томъ, что послѣднія времена близки. Главнымъ признакомъ этого онъ считалъ современный фазисъ философской мысли, которой, будто-бы, мудрено сказать что-либо дѣйствительно-новое. Въ остальномъ,—въ головокружительномъ техническомъ прогрессѣ, наряду съ успѣхами анархіи и буржуазнымъ очерствѣніемъ человѣчества, онъ усматривалъ признаки, предсказанные Апокалипсисомъ.

Ему возражали, что Евангеліе еще не принято всѣми народами, а потому человѣчество, очевидно, не созрѣло для конца временъ. Онъ отвѣчалъ, что условіемъ этого послѣдняго, согласно Писанію, будетъ не принятіе, а лишь *проповѣданіе* Евангелія всѣмъ народамъ,—а это, молъ, уже почти завершено, такъ-какъ нѣтъ неизвѣданныхъ уголковъ земного шара, гдѣ-бы не побывали миссіонеры. Отъ одного извѣстнаго геолога и почвовѣда я слышалъ однажды и передалъ Владиміру Соловьеву возраженіе, что съ точки зрѣнія геологической земля, молъ, «не готова» для предсказанной Писаніемъ катастрофы. Почившій мыслитель расхохотался:

— Мы не рабы, а господа земли. Что годится для эволюціониста, то мнѣ кажется пустяками. Представь себѣ, что четверо почтенныхъ людей играютъ въ винтъ, а въ это время начинается пожаръ въ квартирѣ; неужели они скажутъ: «Не время, рано еще, мы не кончили

послѣдней партіи!» Для рѣшенія вопроса о кончинѣ міра степень «зрѣлости» земной коры имѣетъ не больше значенія, чѣмъ партія винта.

Владиміръ Сергѣевичъ признавалъ мечты о всеобщемъ прогрессѣ и т. д. небезполезными съ точки зрѣнія подъема человѣческой энергіи, но самъ-то считалъ это вздоромъ, противорѣчащимъ христіанскому ученію, которое находитъ, что міръ «лежитъ во злѣ». Разговорившись однажды со своимъ пріятелемъ, профессоромъ А. А. Цагарели, о поэзіи Леопарди, Вл. С. высказалъ это вполнѣ опредѣленно. Г. Цагарели выразилъ удивленіе по поводу того, что Леопарди, сынъ такой лучезарной и жизнерадостной страны, предается крайнему пессимизму; Владиміръ Соловьевъ отвѣчалъ:

— Вы забываете христіанство! Оно, вѣдь, глубочайшій источникъ пессимистическаго взгляда на земныя явленія!

Мысль о близости всеобщаго конца съ каждымъ годомъ все болѣе охватывала почившаго мыслителя, и высказывалъ онъ ее все болѣе рѣзко и нервно. Этого нельзя не поставить въ связь съ постепеннымъ упадкомъ его здоровья и съ тѣми душевными страданіями, которыя все росли, оставляя наглядный отпечатокъ даже на его внѣшности.

Для человѣка, любящаго всматриваться въ лица людей, особенно замѣчательныхъ, весьма интересно прослѣдить въ хронологическомъ порядкѣ перемѣны выраженія на портретахъ Владиміра Соловьева. Передъ глазами наблюдателя развертывается такая *драма*, какой мнѣ не приходилось угадывать ни въ одной изъ видѣнныхъ мною серій писательскихъ портретовъ.

Возьмемъ хотя-бы изображенія гр. Л. Н. Толстого: обликъ юнаго офицера дышетъ смѣ-

лостью и энергіей, которыя мы встрѣчаемъ и у старика въ блузѣ; послѣдніе портреты даже, пожалуй, сильнѣе и ярче первыхъ, и во всякомъ случаѣ выразительнѣе того, на которомъ графъ изображенъ въ обыкновенномъ сюртукѣ; на нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ портретовъ видно неудовольствіе, пожалуй даже сарказмъ, но нѣтъ и тѣни того страданія, которое можно прочесть на послѣднихъ двухъ-трехъ портретахъ Владиміра Соловьева.

На юношеской карточкѣ Владиміръ Сергѣевичъ суровъ, смѣлъ и полонъ вѣры въ возможность дать много хорошаго и положительнаго обществу. То-же видно на портретахъ, относящихся ко всему первому періоду ученолитературной дѣятельности Соловьева, не взирая на значительное внѣшнее ихъ разнообразіе; исключеніе составляетъ лишь фотографическій снимокъ, относящійся ко времени его поѣздки въ Египетъ: тамъ виденъ жизнерадостный и полнощекій юноша-иллюминатъ, очарованный широко зачерпнутыми чудесами мистическаго знанія и свѣтло смотрящій въ будущее. На фотографическомъ портретѣ работы Чеснокова, относящемся къ 90-мъ годамъ, почившій мыслитель глядитъ съ спокойнымъ сознаніемъ, что пройденъ путь немалый, сдѣлано много, но можно сдѣлать еще больше. Въ срединѣ тѣхъ-же годовъ извѣстный художникъ Ярошенко написалъ портретъ Владиміра Сергѣевича, котораго изобразилъ уже усталымъ, съ глубокою грустью въ глазахъ.

Истинно-трагическое впечатлѣніе производятъ послѣдніе портреты, работы московскаго фотографа Асикритова. Человѣку, знавшему Владиміра Сергѣевича, прямо тяжело глядѣть на нихъ; столько отразилось тамъ безъисходной скорби,

столько *сомнѣнія въ людяхъ и даже въ самомъ себѣ!* Это именно изображеніе искренняго автора «Повѣсти объ антихристѣ», дошедшаго до этой повѣсти тернистымъ путемъ. Онъ словно говоритъ: «Скоро конецъ! И я это *чувствую*, потому что я ничего не пожалѣлъ для торжества своего главнаго дѣла, религіозной проповѣди,— но по всему видно, что я пришелъ поздно! Не быть веснѣ обновленія! Надвигается зима!»

И въ самомъ дѣлѣ, Владиміръ Соловьевъ, больше, чѣмъ кто-либо другой, былъ-бы вправѣ повторить слова французскаго поэта:

Je suis venu trop tard, dans un siècle trop vieux.

Не только по міросозерцанію, но и по духовному складу и по темпераменту, онъ болѣе подходилъ, смотря по овладѣвавшимъ имъ настроеніямъ, то къ первымъ вѣкамъ христіанства, то къ временамъ крестовыхъ походовъ. Несомнѣнно, что еслибы онъ появился не позже среднихъ вѣковъ, то его имя сразу просіяло-бы ярче, его дѣло встрѣтило-бы большій откликъ. Въ концѣ онъ удостоился-бы или костра, или канонизаціи, смотря по обстоятельствамъ. Придя-же въ эпоху малой вѣры и вообще духовнаго измельчанія, онъ встрѣтилъ столько непониманія, что долженъ былъ страдать невыносимо.

Въ началѣ нашего знакомства возникъ у насъ споръ о вопросахъ внутренней политики и объ отраженіи разныхъ перемѣнъ на духовной жизни общества. Онъ усматривалъ въ 80-хъ годахъ шагъ назадъ, быть можетъ необходимый, но не радостный. Я доказывалъ ему, что во многихъ областяхъ духа, и притомъ въ самыхъ высшихъ, замѣтенъ, напротивъ, *шагъ впередъ;* въ видѣ иллюстраціи я добавилъ, что если-бы продолжался режимъ 60-хъ годовъ и преобла-

дали интересы того времени, преимущественно политическіе и матеріалистическіе вообще, то нравственно-религіозная проповѣдь того-же Владиміра Соловьева не вызвала-бы къ себѣ ни малѣйшаго интереса, такъ какъ всѣ были-бы заняты совершенно другимъ. Задумавшись на минуту, онъ согласился, что это такъ. Онъ вполнѣ ясно сознавалъ, что *времена раскаянія плодотворнѣе для высшихъ проявленій человѣческаго духа, нежели самый пышный расцвѣтъ политической жизни.*

Но и при всемъ томъ Соловьевъ пришелъ *не въ свое время:* либо слишкомъ рано, либо слишкомъ поздно! Онъ думалъ, что послѣднее вѣрнѣе, и, вѣроятно, былъ правъ! Какъ мистикъ и символистъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, онъ «видѣлъ» не только сумму наростающихъ явленій, враждебныхъ его дѣлу, но и разныя отдѣльныя воплощенія своего врага. Онъ неоднократно говорилъ мнѣ, что видѣлъ во снѣ *арлекина*, выскакивающаго изъ самыхъ разнообразныхъ и непредвидѣнныхъ мѣстъ. Идея арлекинады и всякихъ вообще превращеній преслѣдовала его, какъ кошмаръ, и причиняла ему серьезную нравственную боль. Особенно ярко выразилась она у него въ цѣломъ рядѣ шуточныхъ произведеній, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Въ почившемъ философѣ уживались рядомъ, и порою прерывали другъ друга, *два совершенно противоположные строя мысли*, на первый взглядъ какъ-будто несовмѣстимые. Первый можно сравнить съ вдохновеннымъ пѣніемъ священныхъ гимновъ, воспаряющихъ къ небу. Второй — съ ехиднымъ смѣхомъ, въ которомъ слышались иногда недобрыя нотки, точно второй человѣкъ смѣется надъ первымъ. Какъ это ни странно, но у пламенно вѣрующаго Владиміра Соловьева

бывали шуточныя стихотворенія на библейскія темы, правда, ветхозавѣтныя, какъ, напримѣръ, о «Іонѣ во чревѣ кита», и на такія духовныя явленія, о которыхъ большую часть своей жизни онъ умѣлъ говорить серьезно и горячо. Иногда оба мотива сливаются, какъ, напримѣръ, въ упомянутомъ стихотвореніи о морскихъ чертяхъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ, которыя не попали въ его сборникъ, какъ «несерьезныя».

Онъ вообще былъ склоненъ къ смѣху и къ сатирѣ, какъ это можно замѣтить даже по его статьямъ полемическаго характера. Особенно-же разжигали въ немъ это чувство всякаго рода *превращенія и поддѣлки*. Весьма забавно его стихотвореніе о графинѣ фонъ-Крани и пономарѣ. Графъ Адальбертъ фонъ-Крани, уѣхавшій на-долго изъ дому, пожелалъ узнать, насколько вѣрна ему графиня и, вернувшись домой, переодѣлся пономаремъ; графиня возьми да и влюбись въ этого послѣдняго! Въ минуту робкаго ея признанья, графъ открываетъ инкогнито, и происходитъ супружеская сцена, послѣ которой графиню сажаютъ въ семейномъ отношеніи, такъ сказать, на хлѣбъ и на воду. А вотъ написанное тѣмъ-же размѣромъ стихотвореніе, принадлежащее другому лицу (одному изъ московскихъ друзей Соловьева), но проредактированное Владиміромъ Сергѣевичемъ и читанное имъ во многихъ дружескихъ домахъ:

Панъ Зноско.

Панъ Зноско старъ; ему давно минуло
Сто сорокъ шесть.
Но юныхъ силъ приливъ въ него вдохнула
Святая месть.

***

Пылалъ мятежъ и, бурная какъ пламя,
Пылала рѣчь.
И поднялъ онъ дрожащими руками
Свой ржавый мечъ.

* *
*

Потомъ, въ Сибири ссылку испытавши,
Изъ дальнихъ мѣстъ
Вернулся онъ на родину, попавши
Подъ манифестъ.

* *
*

Но пребывать отшельникомъ навѣки
Онъ далъ обѣтъ.
И заперся въ своей библіотекѣ...
Съ тѣхъ поръ обѣдъ

* *
*

Ему въ окошко подаетъ кухарка,
Закрывъ лицо;
Его обѣдъ—одна лишь водки чарка,
Одно яйцо.

*
* *

Но онъ ужъ старъ, но онъ богатъ несмѣтно...
Въ его пріютъ
Прокралися злодѣи незамѣтно,—
Его убьютъ!

* *
*

Тутъ бодрость вдругъ проснулася въ калѣкѣ,
Онъ имъ въ отвѣтъ:
Я поджидаю васъ въ своей библіотекѣ
Ужь двадцать лѣтъ!

* *
*

Не удался вашъ замыселъ крамольный!
Долой парикъ!
Вы думали, что здѣсь сидитъ рамольный
Сѣдой старикъ?

* *
*

Ошиблись вы въ своемъ предположеньи,
Мои друзья!
Вы пойманы на мѣстѣ преступленья:
Исправникъ я!

* *
*

А Зноско—тотъ изъ ссылки безъ усилья
Бѣжалъ! Съ тѣхъ поръ
Узнали мы, что онъ уже въ Севильѣ
Торреадоръ!

* *
*

Мы на него безсильно негодуемъ,—
Его все нѣтъ!
Но и порокъ бываетъ наказуемъ—
Разъ въ двадцать лѣтъ!

* *
*

Я двадцать лѣтъ васъ ждалъ въ библіотекѣ,
Закрывши дверь.
За это васъ, друзья, въ Сибирь навѣки
Сошлютъ теперь.

* *
*

А ссыльныхъ тамъ ужь берегутъ построже,
Чѣмъ въ оны дни...
и т. д.

Съ особенною ненавистью относился Владиміръ Сергѣевичъ ко всякому нарушенію *второй заповѣди* и преслѣдовалъ языческій элементъ, примѣшивавшійся къ высшимъ духовнымъ понятіямъ или даже скрывавшійся подъ ихъ оболочкой. Онъ говорилъ, что человѣкъ всегда долженъ всматриваться въ себя и очищать себя, прежде всего, отъ чувствованій идолопоклонническихъ, естественно присущихъ земнороднымъ. Даже излишне-деспотическій авторитетъ тѣхъ или иныхъ научныхъ и литературныхъ именъ, когда онъ замѣнялъ собою аргументацію и дѣйствовалъ гипнотически на молодые умы, постоянно возмущалъ почившаго философа. Подъ вліяніемъ впечатлѣній именно послѣдняго рода, онъ прислалъ мнѣ зимою 1894 года съ Иматры «восточную басню», прося, однако, *не искать въ ней никакихъ аллегорій и намековъ*.

Вотъ она:

Эѳіопы и бревно.

Въ странѣ, гдѣ близъ воротъ потерянаго рая
Лѣсъ дѣвственный ростетъ,
Гдѣ пестрый леопардъ, зрачками глазъ свѣркая,
Своей добычи ждетъ,

Гдѣ водится боа, гдѣ крокодилъ опасенъ
Среди широкихъ рѣкъ,
Гдѣ дерево и звѣрь, и всякій гадъ прекрасенъ,
Но гадокъ человѣкъ,—

Ну, словомъ, гдѣ-то тамъ, межъ юга и востока,
Теперь, или давно,—
На улицу села съ небесъ, по волѣ рока,
Упало вдругъ бревно...

Бревно то самое, что возлѣ Мамадыша
Крестьянинъ Вахрамѣй
Въ пути отъ кабака, не видя и не слыша,
Съ телѣги стрясъ своей.

Лежитъ себѣ бревно. Народъ собрался кучей,
Дивится эѳіопъ,—
И въ страхѣ отъ бѣды грозящей, неминучей,
Трясетъ ужь ихъ ознобъ!

Бревно межъ тѣмъ лежитъ. Вотъ, въ трепетѣ великомъ
Ничкомъ къ нему ползутъ!
Бревно лежитъ бревномъ. И вотъ, въ восторгѣ дикомъ,
Ужь гимнъ ему поютъ!

„Могучій, кроткій богъ! Возлюбленный, желанный“!
Жрецы ужь тутъ какъ тутъ:
Ужь льютъ на край бревна елей благоуханный,
Коровьимъ... масломъ трутъ.

И скоро вѣсть прошла о новомъ, чудномъ богѣ,
Окрестъ по всѣмъ тропамъ.
Богослуженья чинъ установился строгій,
Воздвигнутъ пышный храмъ.

Изъ Явы, изъ Бирмы, Гоа, Джеллалабада
Несутъ къ нему дары,
Бревну такая жизнь, что помирать не надо,—
Живетъ до сей поры!..

Урокъ изъ басни сей для всѣхъ народовъ ровный.
Глупъ не одинъ дикарь:
Въ чести большой у насъ у всѣхъ бываютъ бревна—
Сегодня, какъ и встарь.

А вотъ пародія на декадентовъ, написанная Владиміромъ Сергѣевичемъ въ холерный годъ и посвященная опять-таки вопросу о *превращеніяхъ*.

Метемпсихоза.

(Сочинено во время холерныхъ судорогъ).

Подсолнечникъ желтый
Цвѣтетъ въ огородѣ,
А сердце открыто
Любви и природѣ.

Въ холерное время,—
Недавно здоровый,—
Лежу безъ движенья,
Зелено-лиловый.

Подсолнечникъ желтый
Поблекъ въ огородѣ.

Въ тревогѣ родные,
Печальна прислуга,
Пришли издалека
Два старые друга:

Одинъ пьетъ какъ губка,
Другой сумасшедшій,
Но вспомнили оба
О дружбѣ прошедшей.

Подсолнечникъ желтый
Увялъ въ огородѣ,—
И сердце закрылось
Любви и природѣ.

И въ гробъ положили.
Снесли на кладбище!..
Довольны-ль вы, черви,
Присвоенной пищей?

Подсолнечникъ желтый
Погибъ въ огородѣ.

Изъ праха и тлѣна
Цвѣтокъ выростаетъ.
Къ забытой могилѣ
Пчела прилетаетъ...

Сидитъ на балконѣ
Прелестная дѣва;
Сіяетъ красою
И справа и слѣва.

Подсолнечникъ желтый
Расцвѣлъ въ огородѣ.

На блюдечкѣ меду
Приносятъ той дѣвѣ.
И вдругъ я очнулся
Въ прелестнѣйшемъ зѣвѣ!

Но будь онъ стократно
Прелестенъ, а все же
Мое помѣщенье
Съ могилою схоже!

И мрачно, и сыро,
И скользко!—О горе!..
Но съ крошечкой воска
Я выплюнутъ вскорѣ!

Подсолнечникъ желтый
Цвѣтетъ въ огородѣ,
О, счастьѣ, о радость!
Я вновь на свободѣ.

Вновь сердце открылось
Любви и природѣ!
Подсолнечникъ желтый
Цвѣтетъ въ огородѣ...

Два строя творческой мысли, часто мѣшавшіе другъ другу, приводили иногда, переплетаясь, къ досаднымъ диссонансамъ, какіе мы видимъ, напримѣръ, въ поэмѣ «Три свиданія»; иногда-же, когда юморъ и шутка смѣшивались

съ мистицизмомъ, то получалось нѣчто весьма мало понятное, какъ напримѣръ, комедія (?) «Бѣлая Лилія»: отдѣльные монологи, наприм., «Мнѣ жарко потому, что холодно тебѣ»,—очень удачны; но общее впечатлѣніе получается странное, даже для читателя, наиболѣе обладающаго способностью цѣнить произведенія Козьмы Пруткова. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что указанные два элемента, составлявшіе творческую и просто человѣческую личность Владиміра Соловьева, *слились въ немъ не вполнѣ гармонично* и тѣмъ наносили другъ другу нѣкоторый ущербъ. Оттого даже мистицизмъ Владиміра Сергѣевича, составлявшій наиболѣе основную изъ характерныхъ чертъ его, и его постоянный интересъ ко всему необъясненному, могли иногда показаться поверхностному наблюдателю явленіями напускными и во всякомъ случаѣ не серьезными.

Однажды у насъ съ нимъ вышелъ презабавный эпизодъ. Во время гощенія Владиміра Сергѣевича у меня, понадобилось намъ обоимъ поѣхать въ редакцію «Недѣли». Нанимаемъ извозчика на Ивановскую улицу. Спутникъ говоритъ мнѣ по-французски, съ тономъ дѣтскаго любопытства въ голосѣ:

— Давай смотрѣть этому человѣку въ затылокъ и внушать ему, чтобъ онъ остановился именно у подъѣзда редакціи.

Сказано — сдѣлано. Извозчикъ, ни о чемъ не спрашивая, подкатываетъ прямо къ нужному намъ подъѣзду. Соловьевъ взволнованъ чрезвычайно:

— Видишь?! Видишь?!

Я и самъ смущенъ, но меня беретъ сомнѣніе, которое мы спѣшимъ выяснить вопросами о томъ, что чувствовалъ извозчикъ во время

пути, и почему онъ самъ остановился именно гдѣ слѣдуетъ. Отвѣтъ простой, по моему адресу:

— Вѣдь я васъ знаю! Подлѣ вашего дома стоимъ! И который разъ уже съ вашимъ здоровьемъ къ энтому подъѣзду бывало подъѣзжаю! А чтобы чувствовать,—такъ особенныхъ чувствій нѣтъ, окромя что дорога тяжелая! На чаекъ-бы...

Владиміръ Сергѣевичъ далъ ему три рубля и расхохотался истерически.

IX.

Какъ смотрѣлъ Владиміръ Соловьевъ самъ на себя? Рядъ серьезныхъ «дерзаній», о которыхъ упоминалось въ одной изъ предыдущихъ главъ, показываетъ, что онъ глубоко вѣрилъ въ себя, какъ въ проповѣдника, и не отдѣлялъ себя отъ той идеи, которой служилъ. Минуты упадка этой вѣры были, во всякомъ случаѣ, весьма рѣдки; и онъ обыкновенно скрывалъ ихъ. За десять лѣтъ близости съ нимъ, я помню лишь два-три бѣглыхъ намека въ этакомъ родѣ, а послѣ его смерти мнѣ довелось прочесть одно неизданное его стихотвореніе, въ которомъ сквозитъ сомнѣніе, если не въ самомъ призваніи, то въ успѣхѣ многолѣтнихъ трудовъ.

Обыкновенно-же, и въ письмахъ и въ печатныхъ произведеніяхъ, тонъ бодрый. Прося меня, напримѣръ, разыскать въ его ящикахъ съ книгами и выслать ему въ Москву «Исторію культуры» Генриха Риккерта, онъ поясняетъ:

— Она мнѣ давно ненужна, послѣ того, какъ послужила для нанесенія *смертельнаго удара Н. Н. Страхову*.

Владиміръ Соловьевъ считалъ себя достойнымъ прочной славы и стремился къ ней прямымъ путемъ, вполнѣ сознательно и съ до-

стоинствомъ, исключающимъ самообольщеніе. Весьма любопытно съ этой точки зрѣнія его юмористическое письмо къ покойному М. А. Кавосу, приглашавшему его въ Москву, чтобы немножко покутить. Владиміръ Соловьевъ отказывается ѣхать туда,

Гдѣ въ рубахахъ Ганимеды
Угощаютъ всѣмъ, что надо,
Гдѣ сроднили ужь обѣды
Съ радикаломъ ретрограда.

Далѣе онъ говоритъ:

Къ Ганимедамъ бородатымъ
Ѣхать вовсе не охота!
Не кутить теперь,—куда тамъ!
Лишь кончалась-бы работа.

***

Не оставивши потомка,
Я хочу въ потомствѣ славы,
Объявляю это громко,
Чуждый гордости лукавой...

«Гордости лукавой» въ немъ не было, а было глубокое убѣжденіе въ правотѣ. Въ статьѣ «Врагъ съ Востока» онъ напоминаетъ читателямъ, что *давно уже* предсказывалъ русскому обществу рядъ неблагопріятныхъ явленій, порождаемыхъ скудостью духовныхъ интересовъ. *Даръ предвидѣнія* онъ за собою весьма признавалъ и чрезвычайно дорожилъ малѣйшими признаками, свидѣтельствовавшими о немъ. Когда мы за мѣсяцъ до его смерти заговорили объ осложненіяхъ на дальнемъ Востокѣ, онъ вдругъ оживился:

— Помнишь, помнишь? Я это предсказывалъ въ одномъ изъ писемъ съ Иматры, шесть лѣтъ тому назадъ.

Недавно, просматривая письма Владиміра Сергѣевича, я нашелъ дѣйствительно нѣсколько строкъ объ этомъ вопросѣ, ничѣмъ не связанныхъ съ остальнымъ письмомъ и оканчивающихся предположеніемъ, что между Китаемъ и Японіей будетъ заключенъ союзъ.

Особенно протестовала истинная гордость Владиміра Сергѣевича, когда ему, прямо или косвенно, давали понять въ печати, что онъ не облеченъ оффиціальными полномочіями для религіозно-философской проповѣди, а потому авторитетомъ обладать не можетъ. Однажды онъ даже прислалъ мнѣ по этому поводу слѣдующую выдержку изъ статьи, которую писалъ:

— Я полагаю, что профессоръ Владиславлевъ въ своей знаменитой «Философіи о рангахъ» подчинилъ всѣ высшія задачи ума и воли принципу чинопостепенности. Я, съ своей стороны, думаю, что примѣненіе этого принципа слѣдуетъ ограничивать областью казенной службы, не распространяя его на предметы духовные. Ибо я знаю, что не только Понтійскій Пилатъ, не смотря на свой высокій рангъ, былъ способенъ только спрашивать, а не отвѣчать «что есть истина?», но даже и Каіафа, хотя въ качествѣ первосвященника и проглаголалъ истину, однако, лишь такую отвлеченно-формальную, которая нисколько не помѣшала ему (или даже способствовала) распять Христа!

Наряду съ этимъ Владиміръ Соловьевъ отмѣчаетъ, что не только «вольный пророкъ» Валаамъ пользовался живымъ вдохновеніемъ истины и находился *въ личномъ общеніи съ высшими силами*, но даже и ослица его, будучи, какъ простое животное, безусловно неспособна къ законному учительству и несенію ранга, тѣмъ не менѣе наставила самого пророка на путь

истинный; за свою кротость и смиреніе она удостоилась увидѣть ангела Господня прежде, чѣмъ увидѣлъ его самъ пророкъ.

Авторитетность и свободу своей проповѣди Владиміръ Соловьевъ *черпалъ въ свободѣ духа вообще*, считая ее необходимою для всѣхъ. Если же онъ, быть можетъ, въ душѣ и считалъ себя выше многихъ, какъ проповѣдникъ религіозно-нравственныхъ идей, то въ области профессіонально-литературной онъ былъ чуждъ какого-бы то ни было не только самообожанія, какъ весьма многіе, но даже столь часто встрѣчающагося «маленькаго самомнѣнія».

Скромность его, особенно въ вопросахъ, которые онъ не считалъ спеціально своими, была прямо феноменальная. Написавъ какую-нибудь статью, онъ охотно показывалъ ее спеціалистамъ по вопросу, который она затрагивала,— и внимательно относился къ полезнымъ указаніямъ. Читалъ онъ свои произведенія и юристамъ, и духовнымъ лицамъ, и поэтамъ, и естественникамъ. Когда онъ писалъ для біографической библіотеки Павленкова очеркъ жизни и ученія Мухаммеда (кстати сказать, это одно изъ лучшихъ изслѣдованій на указанную тему), онъ внимательно провѣрялъ каждое слово, при помощи авторитетной критики академика барона В. Р. Розена и здѣшняго гражданскаго ахуна, почтеннаго муллы Баязитова, съ которымъ затѣмъ былъ друженъ до самой смерти.

Особенно любилъ онъ показывать стихи и даже на непрошенные совѣты не обижался. Зимою 1895 года съ Иматры онъ пишетъ мнѣ, напримѣръ, слѣдующее:

— Замѣчанія ваши о второмъ куплетѣ моего стихотвореньица совершенно справедливы;

я вамъ за нихъ очень признателенъ и непремѣнно постараюсь ими воспользоваться.

Дня черезъ два онъ уже трунилъ надъ собой, посылая мнѣ свои новинки «Воскресшему» («Лучей блестящихъ полкъ за по̀лкомъ») и «Лишь только тѣнь живыхъ, мелькнувши, исчезаетъ», — и музу свою называетъ *чухонкой*, потому что его вдохновляла финляндская природа:

— Чухонка родила двойню на разстояніи недѣли. Посылаю. Второе, «Лишь только тѣнь живыхъ», кажется мнѣ недурно. А относительно перваго («Воскресшему») имѣю опасенія: не было-ли какого-нибудь совпаденія? Что-то очень знакомо звучитъ. Если вамъ то-же покажется, то напишите по совѣсти, и не поможете-ли отыскать настоящаго отца сего подкидыша? Онъ мнѣ и такъ не нравится и, вообразивъ себя В. П. Буренинымъ, я написалъ слѣдующую пародію:

Нескладныхъ виршей полкъ за по̀лкомъ
Намъ шлетъ Владиміръ Соловьевъ
И зашибаетъ тихомолкомъ
Онъ гонораръ наборомъ словъ.

***

Вотще! Не проживешь стихами,
Хоть какъ свинья будь плодовитъ!
Торгуй, несчастный, *сапогами*
И не мечтай, что ты піитъ.

***

Намъ все равно — зима иль лѣто,—
Но ты стыдись сѣдыхъ волосъ,
Не жди отъ старости расцвѣта
И пѣть не смѣй, коль безголосъ!

***

Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ приходитъ въ голову: философично-ли я поступаю, предлагая публикѣ

свои стихотворныя бусы, когда существуютъ у нея: алмазы Пушкина, жемчугъ Тютчева, изумруды и рубины Фета, аметисты и гранаты А. Толстого, мраморъ Майкова, бирюза Голенищева-Кутузова и т. д.

Не взирая на это соображеніе, онъ въ Финляндіи написалъ очень много, такъ-какъ этотъ край своими сурово-мечтательными красотами и складомъ жизни благотворно дѣйствовалъ на его душу. Мнѣ онъ писалъ особенно часто оттуда, потому-что именно я посовѣтовалъ ему уединиться близъ Иматры для приведенія въ порядокъ расшатанныхъ нервовъ. И теперь мнѣ отрадно вспомнить, что удалось оказать ему за время нашей близости хоть эту услугу. Ему такъ понравилось въ Финляндіи, что онъ посвятилъ ей цѣлый рядъ прекрасныхъ стихотвореній, изъ которыхъ одно («Тебя полюбилъ я, красавица нѣжная») даже подало поводъ къ нелѣпой сплетнѣ о томъ, что философъ въ кого-то влюбился...

Въ одномъ изъ писемъ онъ то-и-дѣло переходитъ къ стихамъ «не для печати», разсказывая о себѣ и сообщая прежде всего, что у него весьма обильны

Чухонской музы порожденья!
Виной всему уединенье.
Иныхъ покуда нѣтъ грѣховъ:
Ничто страстей не возбуждаетъ,
И тихій рой невинныхъ сновъ
Прозрачный сумракъ навѣваетъ.
Живу, съ заботой незнакомъ,
Безъ утомленья и усилья,
Питаюсь только молокомъ,
Какъ Педро Гомецъ, „левъ Кастильи“.

«Одно бѣда: не у кого спросить, сносны или несносны мои стихи!

Кругомъ собаки, овцы, крысы,
Не вижу судей никакихъ!
Чухонцы, правда, бѣлобрысы,
Но имъ не внятенъ русскій стихъ.
Пишу. Въ окно глядятся ели,
Снѣгъ новый спряталъ всѣ пути...
Стихи, однако, надоѣли:
Пора и къ прозѣ перейти...

Проза идетъ успѣшно по существу, но пока не такъ быстро, какъ хотѣлось-бы: нѣсколько дней были поглощены поэзіей и природой»...

Насколько я могу вспомнить степени душевнаго равновѣсія у Владиміра Соловьева въ разные періоды и отдѣльные моменты послѣднихъ десяти лѣтъ его жизни,—*наиболѣе самимъ собой онъ былъ именно на зимней дачѣ въ Финляндіи*. Друзья изрѣдка навѣщали его тамъ и называли, полушутя, эти поѣздки «богомольемъ въ Рауху». Вскорѣ эта мѣстность сдѣлалась довольно популярною, отчасти благодаря самому-же Соловьеву, такъ что для него-то условія жизни измѣнились къ худшему. Вотъ, что онъ пишетъ на Пасхѣ 1895 года:

— «Христосъ Воскресе! Милый другъ Василій Львовичъ! я благополучно пріѣхалъ, но не совсѣмъ благополучно водворился въ Раухѣ. Она полна гостей, комната моя оказалась занятой и мнѣ дали другую внизу, съ ходящими надъ моею головою индивидуами обоего пола и разнаго возраста. Зима здѣсь въ полной силѣ и это начинаетъ быть скучнымъ. Нѣкоторая компенсація всего этого—сосѣдство семьи Ауэръ,—воспоминанія о Неаполѣ и Сорренто, гдѣ я былъ 19 лѣтъ тому назадъ.

Сейчасъ Альмъ принесъ мнѣ съ десятокъ писемъ, — между прочимъ, просьбу о переводѣ на шведскій и на французскій языки моего «Принципа наказанія». Но, чтобы я не возгор-

дился, тутъ-же письмо одного изъ братьевъ П., такого содержанія: «Хотя вы, въ сущности, *сапогъ*, но такъ какъ вы все-таки стали нѣсколько извѣстны послѣ вашей рецензіи о русскихъ символистахъ, то мы просимъ васъ написать намъ рекламу»...

Сообщая объ этомъ безъ малѣйшаго неудовольствія, Владиміръ Сергѣевичъ кротко спрашиваетъ:

— Какъ посовѣтуете: написать или нѣтъ?

А вотъ письмо оттуда-же, въ которомъ онъ ограждаетъ свое авторское самолюбіе, повидимому, подвергавшееся иногда кое-какимъ посягательствамъ. Съѣздивъ на праздникахъ на Иматру, я передалъ нашему философу приглашеніе В. П. Гайдебурова сотрудничать въ «Книжкахъ Недѣли». Владиміръ Сергѣевичъ съ удовольствіемъ согласился, а потомъ, подъ вліяніемъ такихъ комплиментовъ, какими угощали его братья П., написалъ слѣдующія мнительныя строки:

«Во избѣжаніе всякой возможности какихъ-нибудь недоразумѣній, я долженъ объяснить слѣдующее: имѣя всегда для своихъ статей два журнала, — «Вѣстникъ Европы» и «Вопросы философіи» и въ резервѣ третій — «Русскую Мысль» (у которой я къ тому-же въ маленькомъ долгу), мнѣ нѣтъ никакого резона *искать* еще органа. Я и не искалъ, какъ вамъ извѣстно. Я согласился только на переданную вами просьбу редакціи (такъ я это понялъ). Не заставила-ли васъ дружба ко мнѣ невольно преувеличить желаніе г. Г. имѣть меня своимъ сотрудникомъ? Итакъ, я дамъ статью лишь въ томъ случаѣ, если вы можете рѣшительно поручиться, что она будетъ напечатана. Полагаю, вы не считаете меня способнымъ дать статью нецензурную или неудобочитаемую»?

Дальнѣйшее показало, что мнительность была совершенно напрасна, Владиміръ Сергѣевичъ скоро сблизился съ редакціей «Недѣли» и до самой смерти не прерывалъ самыхъ близкихъ къ ней отношеній. Нужно отмѣтить здѣсь черту истиннаго литератора: стихотворенія и статьи онъ любилъ показывать тѣмъ, кому вѣрилъ,—въ томъ числѣ и членамъ тѣхъ редакцій, гдѣ сотрудничалъ; замѣчанія и совѣты обдумывалъ и часто исполнялъ; но когда онъ приносилъ что-нибудь для напечатанія, то не желалъ, чтобы редакціи считали его способнымъ предлагать вещь недостаточно обработанную. Стало быть, ему нужна была не столько хвала, сколько увѣренность ближнихъ въ его профессіональной добросовѣстности; черта все болѣе рѣдкая въ наши дни.

Впрочемъ, Владиміръ Соловьевъ, какъ писатель вообще, и особенно какъ поэтъ, весьма чутокъ былъ къ сочувствію, по крайней мѣрѣ, ближайшей среды, и нуждался въ немъ. Въ связи съ этимъ надобно отмѣтить, что его поэтическая дѣятельность то ослабѣвала, то усиливалась, въ зависимости отъ общества, въ которомъ онъ больше вращался въ то или иное время. Больше всего и вдохновеннѣе всего писалъ онъ въ Пустынькѣ (близъ станціи Саблино, Ник. ж. д.), въ имѣніи гр. Алексѣя Толстого, перешедшемъ по наслѣдству къ семейству Хитрово. Этотъ домъ много лѣтъ уже отличался большою «литературностью»—и Владиміръ Соловьевъ писалъ тамъ много и охотно, подобно тому, какъ музыкантъ готовъ играть сколько угодно для истинныхъ цѣнителей. Весьма плодотворнымъ въ поэтическомъ отношеніи было для него лѣто 1893 года, проведенное имъ подъ Москвою, близъ станціи

«Сходни». Оттуда онъ ходилъ чуть не каждый день въ село Знаменское, имѣніе Мартыновыхъ, съ которыми давно сблизился на почвѣ общности литературныхъ вкусовъ. Стихотворенія, написанныя имъ подъ вліяніемъ этой благопріятной атмосферы, составляютъ цѣлую тетрадь, богатую и нѣжной лирикой, и тонкимъ юморомъ. Вдохновляла его и «Воробьевка», деревня покойнаго Фета, съ которымъ онъ былъ очень близокъ; но тамъ онъ не дерзалъ писать слишкомъ много, потому что поэтическая величина хозяина смущала его и, по выраженію Владиміра Сергѣевича, «конкурировать съ такимъ капиталистомъ было страшно».

Сознавая техническіе изъяны своего поэтическаго творчества, Владиміръ Соловьевъ былъ необыкновенно чутокъ къ красотамъ чужихъ произведеній; онъ былъ буквально *благодаренъ* за каждую хорошую, самобытную строку. Читать стихи и говорить о поэзіи было для него величайшею радостью. Однажды онъ заѣхалъ ко мнѣ вечеромъ на нѣсколько минутъ, собираясь отправиться затѣмъ на вечеръ къ своему другу графу Волькенштейну (бывшему австрійскому послу). Прощаясь, мы заспорили о Тютчевѣ, несравненныя красоты котораго были мнѣ тогда еще не вполнѣ ясны. Соловьевъ разгорячился, бросился къ моему книжному шкафу, досталъ томикъ Тютчева—и засидѣлся до четырехъ часовъ утра. Въ другой подобный вечеръ я, въ свою очередь, «объяснилъ» ему поэтическіе перлы самобытной музы К. К. Случевскаго: онъ затѣмъ такъ сочувствовалъ твореніямъ этого собрата, что посвящалъ ему стихи, гостилъ у него на дачѣ и сблизился съ нимъ.

Весьма любопытно, что человѣкъ, столь чуткій ко всему художественному, какъ Владиміръ

Соловьевъ, былъ довольно равнодушенъ къ искусству, стоящему почти на границѣ сверхчувственнаго, т. е. къ музыкѣ. Серьезной музыки онъ почти не выносилъ, а любилъ лишь народныя пѣсни, да незамысловатые цыганскіе романсы. Какъ-то въ Москвѣ, въ гостиной одного извѣстнаго писателя, общество раздѣлилось на кружки: «старшіе» говорили о серьезныхъ предметахъ, а молодежь собралась съ балалайками вокругъ рояля и занималась легкою музыкой. Владиміръ Сергѣевичъ, слабо поддерживая разговоръ серьезныхъ людей, то и дѣло поглядывалъ въ сторону молодежи. Хозяинъ дома спросилъ его не безъ улыбки:

— Неужели вамъ это нравится?

— Отчего-же? По крайней мѣрѣ, безъ претензій! Поютъ какъ птицы?..

Помню случай, когда Владиміръ Сергѣевичъ серьезно увлекся однимъ напѣвомъ и затвердилъ его наизусть. Онъ встрѣтилъ у меня за обѣдомъ молодого грузинскаго композитора и собирателя народныхъ пѣсенъ М. А. Баланчивадзе, только-что вернувшагося тогда изъ сванетскихъ горъ и привезшаго много старинныхъ напѣвовъ, глубоко-интересныхъ въ отношеніи музыки и текста. Отъ нихъ вѣяло полуязыческимъ, восторженнымъ и наивнымъ мистицизмомъ. Владиміръ Сергѣевичъ пришелъ въ особенное восхищеніе отъ гимна «Лилэ», посвященнаго Архангелу:

Слава тебѣ, возвеличенный!
Слава тебѣ, Архангелъ!
Два быка на двухъ горахъ стоятъ;
Переплелись ихъ рога золотые
И къ тебѣ обращены.
Тебѣ мы приносимъ ихъ въ жертву,
Преславный! Лилэ! о Лилэ!..

Напѣвъ торжественный, съ своеобразною гармонизаціей, порывистыми аккордами, интересными переходами изъ тона въ тонъ. Владиміръ Сергѣевичъ заставилъ нѣсколько разъ повторить его, записалъ сванетскія слова; потомъ, бывало, едва заговоримъ съ нимъ о прекрасной Грузіи, къ которой онъ издали чувствовалъ стихійную симпатію, Владиміръ Соловьевъ встаетъ, принимаетъ торжественную позу и, поднявъ руку, напѣваетъ невѣдомыя ему слова,

Исквами! Дидеби!
Бингоя! Шинеда!
Лилэ! о Лилэ!..

Любопытно, что Владиміръ Соловьевъ за всю жизнь побывалъ всего раза четыре въ театрѣ, и то по просьбѣ друзей - драматурговъ, на представленіи ихъ пьесъ. Шекспира онъ очень любилъ, но предпочиталъ читать его, а не слушать со сцены, говоря въ шутку, что «такъ воображеніе дѣйствуетъ гораздо удачнѣе»... Но когда онъ попадалъ въ театръ, то веселился, какъ мальчикъ, и обращалъ на себя всеобщее вниманіе заразительнымъ, икающимъ смѣхомъ.

Во всей духовной красѣ своей проявилась личность Владиміра Сергѣевича въ дружбѣ. Одинъ «воспоминатель», лично почти не знавшій покойнаго Соловьева, печатно высказалъ, однако, о немъ, что это была душа одинокая, въ которой темно и холодно. Ничего болѣе невѣрнаго нельзя было придумать о почившемъ мыслителѣ. Онъ именно отличался необычайною сердечною щедростью,—и наиболѣе напряженною духовною потребностью его, послѣ дѣла религіи, была именно дружба. Сквозь всю его жизнь проходятъ ея нити, и съ каждымъ, сколько - нибудь серьезнымъ явленіемъ у него

было связано нѣжное чувство къ тому или другому человѣку. Одна уже дружба съ К. Н. Леонтьевымъ, или съ Достоевскимъ, показываетъ, что Владиміръ Соловьевъ былъ созданъ не для банальныхъ отношеній, которыми такіе крупные люди не удовольствовались-бы. Но какъ онъ самъ былъ деликатенъ и безпристрастенъ къ друзьямъ, уважая ихъ искренніе взгляды и ни въ чемъ не посягая на ихъ независимость, такъ и отъ другихъ требовалъ того-же для себя. До такихъ предѣловъ близости, когда начинается эгоистичная безцеремонность, онъ и самъ не доходилъ и другимъ не охотно разрѣшалъ доходить. Не легко дружился, но и не легко разрывалъ эти узы. Хотя-бы весь міръ сталъ осуждать одного изъ тѣхъ людей, которымъ онъ вѣрилъ, Владиміръ Соловьевъ оставался непоколебимъ въ своихъ чувствахъ. Напримѣръ, одинъ изъ близкихъ друзей его юности втеченіе многихъ лѣтъ дѣлалъ ему всевозможныя пакости, а почившій философъ долго не вѣрилъ, чтобъ это было возможно, и даже продолжалъ оказывать услуги этому двуличному человѣку, который сгоралъ завистью къ нему.

Не заботясь о собственномъ благополучіи, онъ принималъ къ сердцу каждую мелочь, касавшуюся его близкихъ, и часто спѣшилъ содѣйствовать подъему ихъ духа, даже когда въ томъ не было прямой надобности. Напримѣръ, увидавъ въ одномъ журналѣ несправедливую статью о книгѣ своего друга, онъ побоялся, чтобы тотъ не опечалился, и торопится написать ему письмо о постороннихъ и ненужныхъ вопросахъ, чтобы только имѣть поводъ сказать въ концѣ, какъ-будто мимоходомъ, нижеслѣдующее:

— Прочелъ вчера «рецензію» NN: явно злобный шипящій тонъ, причины котораго не видны читателю, отнимаетъ, мнѣ кажется, всякое значеніе у этой выходки.

Тому-же другу, только предполагая, что онъ раздраженъ полемикой съ однимъ литературнымъ хищникомъ, посягнувшимъ на его авторскую собственность, Владиміръ Соловьевъ пишетъ:

— При многихъ высокихъ качествахъ, изъ коихъ высокій ростъ есть низшее, вы имѣете одинъ важный недостатокъ: совершенное неумѣніе цѣлесообразно пользоваться прекраснымъ русскимъ выраженіемъ «наплевать».

У меня хранится драгоцѣнное письмо, начинающееся стихотворнымъ обращеніемъ «Экронскій богъ, дражайшій Вельзевулъ!» Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе: Вельзевулъ (Баалъ-Зебубъ) значитъ въ буквальномъ переводѣ «господинъ мухъ»; этотъ крылатый богъ пользовался спеціальнымъ культомъ въ городѣ Экронѣ. Указаннымъ прозвищемъ Владиміръ Соловьевъ намекалъ на мою распрю съ бывшимъ начальникомъ труппы Александринскаго театра, г. Крыловымъ, по поводу его «передѣлочныхъ» правъ на мою пьесу «Первая муха».

Въ невинныхъ остротахъ насчетъ друзей Владиміръ Соловьевъ былъ неисчерпаемъ. Напримѣръ, по поводу того, что у покойнаго московскаго профессора-философа Н. Я. Грота было семеро дѣтей, весьма на него похожихъ, Владиміръ Сергѣевичъ высказывалъ, что это «воистину *семь я*». Встрѣчая гдѣ-нибудь своего друга, профессора Э. Л. Радлова, Владиміръ Соловьевъ говаривалъ, что «радъ лову»; и т. д.

Иногда соревнованіе друзей по отношенію къ нему ставило его въ неловкое положеніе и

онъ «просилъ о пощадѣ» того, котораго считалъ болѣе благоразумнымъ. Такъ, напримѣръ, собираясь пріѣхать въ Петербургъ и остановиться у одного друга, онъ пишетъ другому: «Пожалуйста, не обижайтесь и не сокрушайте меня дилеммой, котораго изъ двухъ друзей обидѣть?!!!»

Онъ бывалъ для друзей истиннымъ очагомъ тепла и свѣта, истиннымъ духовнымъ отцомъ въ серьезныя минуты жизни. Еще на дняхъ, одинъ изъ собратьевъ моихъ по перу, видавшій всякіе виды на писательскомъ вѣку, сказалъ о немъ:

— Какъ безъ него темно и печально на свѣтѣ! Сколько въ этомъ человѣкѣ было «духовнаго озону!»...

А при этомъ онъ никогда не ставилъ себя выше друзей, имѣвшихъ гораздо меньше этого «озону», и частенько готовъ былъ самъ смѣяться надъ собой и дозволялъ это другимъ. Однажды онъ вздумалъ читать нравоученіе близкому пріятелю:

— У тебя, милый другъ, удивительная смѣсь любви къ отвлеченному съ жаждою практической дѣятельности.

Пріятель за словомъ въ карманъ не полѣзъ:

— Да. Но я знаю человѣка, у котораго этой черты совершенно нѣтъ!..

Владиміръ Сергѣевичъ громко расхохотался: онъ сознавалъ, что самъ гораздо болѣе отличался тѣмъ, въ чемъ обвинялъ своего друга...

Умѣнье цѣнить и лично любить людей, не взирая на значительную рознь во взглядахъ, было отличительной чертой Владиміра Соловьева. Напримѣръ, онъ довольно рѣзко расходился во многомъ съ покойнымъ М. О. Коя-

ловичемъ, извѣстнымъ воинствующимъ славянофиломъ, а между тѣмъ до конца его дней сохранилъ къ нему искреннее уваженіе и часто ѣздилъ къ нему вести дружескіе споры.

Собственной нравственной неправоты боялся Владиміръ Соловьевъ пуще всего: сознавъ ее, онъ всегда страдалъ и спѣшилъ загладить вину. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти произошелъ съ нимъ слѣдующій эпизодъ. Заспоривъ по вопросу принципіальному съ однимъ собратомъ, котораго онъ искренно любилъ и уважалъ, Владиміръ Соловьевъ поддался охватившему его нервному настроенію, раскричался и ушелъ. Захожу къ нему случайно на слѣдующій день. Владиміръ Сергѣевичъ выходитъ ко мнѣ изъ спальни съ мыломъ въ рукахъ, мрачно здоровается и говоритъ: «знаешь-ли...», но потомъ опять скрывается въ спальнѣ, не докончивъ начатой фразы. Снова выходитъ — опять не рѣшается сказать того, что его мучитъ, а только сообщаетъ, что онъ чувствуетъ себя «ужасно, ужасно», а самъ краснѣетъ, какъ школьникъ. Я смущенъ и немножко напуганъ. Владиміръ Соловьевъ опять уходитъ въ спальню, и я слышу, какъ онъ тамъ плескается, моетъ лицо. Черезъ минуту выходитъ ко мнѣ, усиленно вытирая лицо полотенцемъ, словно изъ желанія скрыть краску стыда, и, стараясь не глядѣть мнѣ въ глаза, разсказываетъ прерывистымъ голосомъ, что онъ велъ себя вчера «буквально, буквально, какъ ломовой извозчикъ»: даже позволилъ себѣ возвысить голосъ на достойнаго человѣка!.. Я поспѣшилъ утѣшить его и предсказать, что надняхъ-же будетъ заключенъ между обоими спорщиками искреннѣйшій миръ. Такъ оно и случилось, потому что иначе быть не могло.

Благородная основа чувства дружбы у Владиміра Соловьева весьма наглядно проявлялась въ томъ, что онъ всячески старался сближать нравственно между собою порядочныхъ людей, не взирая на различіе въ ихъ взглядахъ. Объединяетъ онъ ихъ и теперь изъ-за могилы общностью нравственнаго осиротѣнія и страданія по поводу невознаградимой утраты, понесенной въ лицѣ этого свѣтлаго человѣка.

X.

Когда уходитъ изъ жизни крупный человѣкъ и оставленною пустотою опредѣляетъ свою цѣну въ міровой экономіи, обществу хочется поближе ознакомиться съ его личностью, причемъ особое вниманіе зачастую останавливается на томъ, кого и какъ любилъ этотъ человѣкъ, *какъ онъ смотрѣлъ на любовь*, и какую роль она играла въ его жизни.

Въ частности, одни говорили о Соловьевѣ, что онъ безусловный аскетъ въ данномъ отношеніи, какъ это можно усмотрѣть изъ его писаній и образа жизни, по крайней мѣрѣ, за послѣднія 10—15 лѣтъ; другіе настаивали на какихъ-то своеобразныхъ романахъ, подкладка которыхъ имъ, будто-бы, доподлинно извѣстна. Говоря совершено искренно, на основаніи 10-тилѣтнихъ наблюденій, я не позволю себѣ утверждать ни того, ни другого. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что Владиміръ Соловьевъ зналъ высокую и пламенную дружбу къ женщинамъ, весьма близкую къ понятію любви. Каковы были ея предѣлы и формы, — рѣшить трудно, даже ближайшимъ къ нему людямъ, если они не склонны злословить въ кредитъ. Отъ самого-же Владиміра Соловьева, говорив-

шаго совершенно откровенно о своей глубокой симпатіи къ тѣмъ или инымъ лицамъ, я никогда не слыхалъ даже отдаленнѣйшаго намека на *реальныя стороны* такой симпатіи: быть можетъ, потому, что ихъ не было, или потому, что онъ былъ истинный рыцарь въ этихъ вопросахъ.

Въ такомъ искреннемъ человѣкѣ, какъ Владиміръ Соловьевъ, мудрено отдѣлить личность отъ писателя, т. е. два элемента, другъ друга восполняющіе и вмѣстѣ объясняющіе.

Выясненіе вопроса о томъ, какъ онъ любилъ, весьма удобно при помощи его произведеній. Въ его стихотворномъ сборникѣ много прекрасныхъ, глубоко прочувствованныхъ лирическихъ пьесъ, въ которыхъ видна и пылкость его сердца и, главное, плѣнительная возвышенность его любви. Самымъ интереснымъ въ этомъ отношеніи и, насколько я знаю, самымъ значительнымъ съ точки зрѣнія біографической, было слѣдующее стихотвореніе:

Не по волѣ судьбы, не по мысли людей,
Не по мысли твоей я тебя полюбилъ;
И любовію вѣщей моей
Отъ невидимой злобы, отъ тайныхъ сѣтей
Я тебя ограждалъ, я тебя оградилъ.

***

Пусть сбираются тучи кругомъ,
Вѣетъ бурей зловѣщей и слышится громъ:
Не страшися! Любви моей щитъ
Не падетъ передъ темной судьбой.
Межъ небесной грозой и тобой
Онъ, какъ встарь, неподвижно стоитъ.

***

А когда предъ тобою и мной
Смерть погаситъ всѣ свѣточи жизни земной,
Пламень вѣчный души, какъ съ Востока звѣзда,

Поведетъ насъ туда, гдѣ немеркнущій свѣтъ,
И предъ Богомъ ты будешь тогда,
Передъ Богомъ любви—мой отвѣтъ!..

А про то, какъ онъ смотрѣлъ на такъ-называемыя «вещественныя отношенія», краснорѣчиво говоритъ рядъ презабавныхъ юмористическихъ стихотвореній, изъ которыхъ большинство, къ сожалѣнію, не вошло въ сборникъ. Вотъ одно изъ нихъ, которое онъ читалъ обыкновенно съ уморительной гримасой, какъ-то горбясь и глядя умоляющимъ взоромъ:

Тамъ, подъ липой, у рѣшетки
Мнѣ назначено свиданье...
Я иду, какъ агнецъ кроткій,
Обреченный на закланье.

* * *

Все какъ прежде: по высотамъ
Звѣзды старыя моргаютъ,
И въ кустахъ по старымъ нотамъ
Соловьи концертъ играютъ.

* * *

Я порядка не нарушу,—
Но имѣй-же состраданье:
Не томи мою ты душу,
Отпусти на покаянье.

Владиміръ Соловьевъ несомнѣнно пользовался значительнымъ нравственнымъ успѣхомъ въ дамскомъ обществѣ, и нѣкоторые «критики», или просто сплетники, подтрунивали надъ этимъ фактомъ, въ которомъ ничего предосудительнаго не было. Начинались иногда разсказы о томъ или другомъ «флиртѣ», но скоро смолкали, за отсутствіемъ «уликъ». Помню, какъ однажды онъ что-то весьма долго засидѣлся въ Москвѣ, такъ-что одинъ изъ ближайшихъ друзей его, почтенный М. М. Стасюлевичъ, ворчалъ: «со-

общаетъ, что пріѣдетъ въ февралѣ, но не указываетъ, въ февралѣ какого года». Кстати, въ какомъ-то журналѣ Владиміръ Соловьевъ помѣстилъ стихотвореніе, въ которомъ съ игривымъ дружелюбіемъ обращается къ невѣдомой «дріадѣ». Я не преминулъ его письменно поддразнить и получилъ въ отвѣтъ слѣдующее интересное письмо, въ которомъ Владиміръ Сергѣевичъ весьма удачно выражаетъ свой взглядъ на любовь:

— Въ Москвѣ держала меня вовсе не дріада, а просто житейское колесо. Дріада-же есть миѳъ: если не вѣрите мнѣ на слово, справьтесь въ любомъ руководствѣ по миѳологіи или реальномъ словарѣ. А если и этимъ не убѣдитесь, то вотъ вамъ въ доказательство правды моихъ словъ (а также моей сердечной дружбы къ вамъ) слѣдующая интимная стихопроза:

Вы были для меня, прелестное созданье,—
Что́ для скульптора мрамора кусокъ.
Но сломанъ мой рѣзецъ въ усиленномъ стараньи,
А глыбы каменной онъ одолѣть не могъ!

Любить васъ tout de même? Вотъ странная затѣя!
Когда-же кто любилъ негодный матерьялъ?
О свѣтломъ божествѣ, любовью пламенѣя,
О свѣтломъ божествѣ надъ вами я мечталъ.

Теперь утѣшу васъ! Пигмаліоны рѣдки,
Но есть каменотесъ въ примѣтѣ у меня:
Изъ мрамора скамью онъ сдѣлаетъ въ бесѣдкѣ
И будетъ отдыхать отъ трудового дня.

Надо полагать, что авторъ приведенныхъ стиховъ не послалъ ихъ той особѣ, къ которой они относились. Врядъ-ли кто-нибудь захочетъ принять ихъ на свой счетъ. Да это и не нужно. Важно то, что они проливаютъ свѣтъ на личное отношеніе Владиміра Соловьева къ вопросу о любви...

XI.

Говорить-ли о послѣднихъ дняхъ почившаго мыслителя? Подробнѣе и ярче всего они описаны въ прекрасной статьѣ кн. С. Н. Трубецкого, въ имѣніи и, такъ сказать, на рукахъ котораго почилъ навѣки Владиміръ Соловьевъ. Главные факты были заимствованы изъ нея, или параллельно сообщены, всею русскою печатью, и теперь общеизвѣстны. Остается лишь кое-что не сообщить, а отмѣтить.

Друзьямъ покойнаго, раздѣлявшимъ его вѣрованія, важно и отрадно то, что онъ умеръ сознательно, какъ православный христіанинъ, причастившись Св. Таинъ.

Весьма характерно для почившаго то, что онъ передъ смертью молился за еврейскій народъ: даже если-бы мы узнали объ этомъ не изъ такого надежнаго источника, какъ слова кн. Трубецкого, достовѣрность извѣстія объ этомъ фактѣ не подлежала-бы сомнѣнію. Владиміръ Соловьевъ любилъ еврейскій народъ, если можно такъ выразиться, любовью старшаго брата, понимающаго *все*, и потому не могъ не молиться о немъ передъ смертью.

Затѣмъ нельзя не упомянуть объ одномъ странномъ совпаденіи, тѣмъ болѣе, что самъ Владиміръ Сергѣевичъ придавалъ значеніе примѣтамъ. Соловьевъ ѣхалъ собственно въ Малороссію, къ князю Цертелеву, котораго хотѣлъ утѣшить своей дружбой въ постигшемъ его тяжкомъ горѣ, смерти сына. У насъ даже было условлено, что Владиміръ Сергѣевичъ хоть на денекъ заѣдетъ по пути въ мой украинскій хуторъ. Въ Москвѣ онъ остановился съ цѣлью провести свои именины у кн. Трубецкого, а затѣмъ совершенно больной поѣхалъ къ нему,

и скончался въ селѣ «*Узкомъ*». Невольно приходятъ на память слова Писанія объ *узкихъ* вратахъ въ Царствіе Небесное. Въ самомъ этомъ названіи есть что-то роковое для человѣка, у котораго были самые широкіе взгляды въ Россіи.

Владиміръ Сергѣевичъ погребенъ, какъ извѣстно, въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ со своимъ отцомъ, нашимъ великимъ историкомъ. Отъ петербургскихъ друзей покойнаго я слышалъ, что Владиміръ Сергѣевичъ въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ, гуляя по старинному парку въ деревнѣ «Пустынькѣ» (о которой выше упоминалось), былъ грустно настроенъ и, словно въ предчувствіи близкаго конца, избралъ тамъ себѣ мѣсто для погребенія. Передъ самымъ-же отъѣздомъ въ Москву, онъ пошелъ на то мѣсто и, сорвавъ тамъ красненькій цвѣточекъ, засунулъ его въ петлицу сюртука...

Въ послѣдній разъ видѣлъ я почившаго мыслителя, приблизительно, за мѣсяцъ до его кончины. Онъ былъ явно-боленъ—и сознавалъ это. Онъ былъ грустенъ, задумчивъ, говорилъ о религіи, объ антихристѣ; нѣсколько разъ за этотъ вечеръ онъ то выражалъ сомнѣніе въ возможности успѣть сдѣлать то или иное, то спрашивалъ немножко дрожащимъ голосомъ, словно желая получить успокоительный утвердительный отвѣтъ: «Вѣдь мы-же увидимся! Вѣдь не въ послѣдній разъ мы видимся?!»...

Меня поразило, что ни разу за нѣсколько часовъ бесѣды онъ не разсмѣялся прежнимъ смѣхомъ. Онъ это замѣтилъ и, уже сойдя по лѣстницѣ, пожелавъ разсѣять мрачное впечатлѣніе, закричалъ снизу:

— А наша повременная печать находится-таки подъ сильнымъ персидскимъ вліяніемъ!

3 9015 02647 1725

DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD